

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
И. А. Мельчук д-р филологии, профессор (Монреальский университет, Канада)
Л. Г. Панин д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
Э. Стергиопулу д-р филологии, профессор (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
П. Энгель д-р филологии (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- Olga G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lyudmila N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- Mariya S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Tatiana S. Borisova Doctor of Sciences (Philology) (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- Patricia Engel Doctor of Sciences (Philology) (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- Nikolay N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- Natalya B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Nina A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Igor A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- Leonid G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Eleni Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2025. Том 24, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языковознание

Севастьянова С. К., Рылик П. А. Об одном нумерологическом сюжете и его источниках в книге Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном	9
Сун Ифэй. Репрезентация бинарных концептов <i>СВЕТ</i> и <i>ТЬМА</i> в русской языковой картине мира (на материале социальных сетей периода 2015–2025 годов)	20
Фан Нгок Шон. Неогастронимы вьетнамского происхождения в русском языке	30
Мельник Н. В., Силкова М. А. Субъективная модальность как средство легитимации политических решений в интернет-дискурсе региональных политиков России и Германии	41
Сундуева Е. В. Отражение сферы интимных отношений в монгольских языках	54
Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Половозрастные номинации крупного рогатого скота в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками	64

Литературоведение

Волков И. О. Повесть И. С. Тургенева «Ася» в свете трагедии И. В. Гёте «Фауст»	76
Кубасов А. В. Художественный диалог А. П. Чехова с Л. Н. Толстым: «Казак» и «Казаки»	87
Крупенина М. И. «Ишь, и глаза, как озеро, пышут»: феномен зависти в повести «Яр» С. А. Есенина	99
Маштакова Л. В. «Юные герои» Ю. Н. Верховского (1943): эпос, дифирамб и пионерский костер	107

<i>Назаренко И. И. «Записки художника» как форма литературной и живописной само- рефлексии в романе Л. Ржевского «Дина»</i>	117
<i>Силантьев А. И. Дискурсная структура наррации в романах Виктора Пелевина «Чапа- ев и Пустота» и «Generation «П»»</i>	127
Р е ц е н з и и	
<i>Никитин О. В. Типология, история языкоznания и жизнь лингвиста</i>	138
<i>Информация для авторов</i>	145

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2025, vol. 24, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

Sevastyanova S. K., Rylk P. A. Regarding a Numerological Plot and its Sources in Paisius Ligarides' Book on the Trial of Patriarch Nikon	9
Song Yifei. Representation of the Binary Concepts <i>LIGHT</i> and <i>DARKNESS</i> in the Russian Linguistic Worldview (Based on Social Media Materials from 2015 to 2025)	21
Phan Ngoc Son. Neogastronyms of Vietnamese Origin in the Russian Language	31
Melnik N. V., Silkova M. A. Subjective Modality as a Means of Legitimizing Political Decisions in the Internet Discourse of Regional Politicians in Russia and Germany	42
Sundueva E. V. Reflection of Intimate Relations in Mongolian Languages	55
Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Age and Gender-Based Nominations for Cattle in the Yakut Language in Comparison with Turkic and Mongolian Languages	65

Literature

Volkov I. O. I. S. Turgenev's Story "Asya" in the Light of J. W. Goethe's Tragedy "Faust"	76
Kubasov A. V. The Artistic Dialogue between A. P. Chekhov and L. N. Tolstoy: "The Cos-sack" and "The Cossacks"	87
Krupenina M. I. "Look, and the Eyes, Like a Lake, Are Blazing": The Phenomenon of Envy in the Story "Yar" by S. A. Yesenin	99
Mashtakova L. V. "Young Heroes" by Yu. Verkhovsky (1943): An Epic, a Dithyramb and a Pioneer Bonfire	107

<i>Nazarenko I. I. “Artist’s Notes” as a Form of Literary and Pictorial Self-Reflection in L. Rzhevsky’s Novel “Dina”</i>	117
<i>Silantev A. I. The Discourse Structure of Narration in Victor Pelevin’s Novels “Chapaev and Pustota” and “Generation P”</i>	127
Reviews	
<i>Nikitin O. V. Linguistic Typology, History of Linguistics and the Life of a Linguist</i>	138
Instructions to Contributors	145

Научная статья

УДК 821.14+81.25'42

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-9-19

Об одном нумерологическом сюжете и его источниках в книге Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном

Светлана Климентьевна Севастьянова¹

Полина Александровна Рылик²

¹ Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия

² Афинский национальный университет имени Каподистрии
Афины, Греция

¹ sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

² rylirkpa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6967-5581>

Аннотация

В фокусе внимания авторов статьи – число пять – священное в христианской культуре. Обращение к нему, как и к другим цифрам первого десятка – один из литературных приемов Газского митрополита Паисия Лигарида в книге о суде над патриархом Никоном. Показано, что традиционное цифровое и символическое значение пятерки раскрывается полемистом в сюжете об устройении Московского Патриархата и месте Московской патриаршей кафедры во Вселенской Церкви. Установлено, что для объяснения духовного значения византийской модели пентархии наряду с авторитетными в христианском мире произведениями святых отцов Лигарид привлекает слабо знакомые русскому православному читателю литературные тексты византийских авторов, которые помогают митрополиту не только раскрыть символико-антропологическое содержание числа пять, но и выразить индивидуальные особенности собственного духовно-религиозного опыта.

Ключевые слова

Газский митрополит Паисий Лигарид, книга о суде над патриархом Никоном, христианская нумерология, символико-антропологическое содержание числа пять, пентархия, иерархия пяти патриархатов

Для цитирования

Севастьянова С. К., Рылик П. А. Об одном нумерологическом сюжете и его источниках в книге Паисия Лигарида о суде над патриархом Никоном // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-9-19

Regarding a Numerological Plot and its Sources in Paisius Ligarides' Book on the Trial of Patriarch Nikon

Svetlana K. Sevastyanova¹, Polina A. Rylik²

¹ Siberian Institute of Management – branch of RANEPA
Novosibirsk, Russian Federation

² National and Kapodistrian University of Athens
Athens, Greece

¹ sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>
² rylikpa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6967-5581>

Abstract

Purpose. The authors of the article focus on the number five, which is considered sacred in Christian culture. This number, like other figures in the top ten, plays a significant role in the literary device used by Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza in his work about the trial of Patriarch Nikon. The article demonstrates that the traditional numerical and symbolic meanings of the number five are revealed by the author in the plot, which deals with the structure of the Moscow Patriarchate and the place of the Moscow Patriarchal See within the Ecumenical Church.

Results. It has been determined that in order to explain the spiritual significance of the Byzantine pentarchy model, along with authoritative works by the holy fathers of the Christian world, Metropolitan Ligarides draws upon literary texts by Byzantine authors that are not well-known to the Russian Orthodox reader., ex. Patriarch Peter III of Antioch and Nicetas Seidas. Entertaining manipulations with letters, which were popular among Byzantine intellectuals, are also employed by Ligarides. For instance, the letter "P", which is the seventeenth letter in the Greek alphabet, conveys a meaning that emphasizes the idea of the liberating mission of the Moscow ruler and "Russian people" in the Christian East, as Paisius derived from the prophecies of Emperor Leo the Wise.

Conclusion. These devices assist the metropolitan in not only in revealing the symbolic and anthropological significance of the number five, but also in expressing the individual characteristics of his own spiritual and religious experience.

Keywords

Paisius Ligarides, Metropolitan of Gaza, Book on the Trial of Patriarch Nikon, Christian numerology, symbolic and anthropological content of the number five, pentarchy, hierarchy of the five patriarchates

For citation

Sevastyanova S. K., Rylik P. A. Regarding a Numerological Plot and its Sources in Paisius Ligarides' Book on the Trial of Patriarch Nikon. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-9-19

Нумерологическая тематика, характерная для культуры русского Средневековья и Нового времени, всё чаще привлекает внимание исследователей как в традиционном религиозном аспекте (В. М. Кириллин), так и в связи с репрезентацией власти (Е. В. Пчелов). Число в христианской культуре, укорененное в библейской нумерологии, несет богословскую нагрузку, благодаря чему в христианской цифрологии сложились и повторяются одни и те же символические числа натурального ряда и производные от них.

В произведении Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678) о суде над патриархом Никоном (в 1652–1666; † 1681) (далее – *Книга о соборе*)¹ обращение к священным числам становится одним из литературных приемов. Нумерологический материал этого произведения разнообразен и требует специального исследования. Детально фиксируя содержание заседаний Большого Московского собора 1666 г., где патриарх Никон был лишен священства

¹ Мы будем использовать текст *Книги о соборе* по двум спискам: греческому, хранящемуся в Бухарестской библиотеке и являющемуся, по мнению исследователей, наиболее исправным и полным, – Библиотека Румынской академии. №. 371 (675) (1710-е – начало 1720-х гг.; далее – БРА), и русскому, содержащему краткий русский перевод середины XIX в., – СПБИИ РАН. Ф. 261 (Бумаги В. Н. Бенешевича). Оп. 1. Д. 8 (далее – ББ). Листы рукописей проставляются в тексте статьи в круглых скобках после обращения к ним. При цитировании рукописных и печатных источников сохраняется орфография оригинала; деление текста на смысловые фрагменты и пунктуация современные. Перевод на русский язык греческих фрагментов *Книги о соборе* сделан П. А. Рыликом: далее в примерах он приводится под буквой с после цифры.

и как простой монах сослан в Ферапонтов Богоодиц-Рождественский монастырь, а также рассказывая о событиях, связанных с пребыванием в России двух восточных патриархов – Антиохийского Макария III († не ранее 1672) и Александрийского Паисия († 1678), Лигарид часто прибегает к операциям с натуральными числами первого десятка: к двум из них – тройке и четверке – мы уже обращались [Севастьянова и др., 2023; Севастьянова, 2023а; 2023б]. В данной статье остановимся на числе пять. В первой части книги с помощью специально подобранных источников автор раскрывает семантико-символическое содержание священного для христианской культуры числа пять и демонстрирует особенности личного духовно-религиозного опыта.

В древних культурах, мистических учениях и религиях число пять стало эталоном наиболее важных характеристик макро- и микрокосмоса. В Библии пятерка встречается около трехсот раз. Достаточно вспомнить сюжеты: о возведении скинии, для сторон которой заготовили по пять брусьев и шестов, а для завесы – пять столбов и пять подножий, жертвенник же соорудили в пять локтей по ширине и длине (Исх. 26: 26–27, 37; 38: 1); о строительстве Соломоном храма Господу, где главной мерой длины были пять локтей (3 Цар. 6, 7). В Новом Завете семантическая структура пятерки реализована в притчах о пяти хлебах (Мф. 14; Мк. 6, 8; Лк. 9) и о пяти талантах, о десяти девах – пяти мудрых и пяти неразумных (Мф. 25). В средневековой культуре число пять воспринималось как «знак мистического единения земной церкви, поврежденного человечества со Спасителем, евхаристического пресуществления всех христиан в жизнь вечную» [Кириллин, 2000, с. 31]. Символико-антропологический аспект таинственного смысла этого числа раскрывался и в пятичленности человеческого тела, включающей четыре оконечности и голову. Перечисленные сущности числа пять воплотились в византийской модели пентархии, к которой в *Книге о соборе* обращается Лигарид.

Рассуждая о правомерности членства Московского патриарха в системе главенства Вселенской Церкви, Лигарид приводит доказательства цельности числа пять, символизирующего единство и равенство восточных патриархатов. Но идея пентархии рассматривается полемистом в контексте древних предсказаний о русских, что отвечало увлеченности митрополита пророческими текстами о «русом» народе, астрологическими и оккультными знаниями (Н. П. Чеснокова, В. Ф. Райан). Интерес автора к подобным темам выразился в профетической тональности *Книги о соборе*, поддерживаемой многократными апелляциями к древним проридческим источникам, в частности к оракулам византийского императора Льва VI Мудрого (866–912), содержащим, как трактовал Лигарид, предсказания о судьбе России.

Глава, в которой митрополит Газы излагает историю вселенских патриархатов и их «привилегий», начинается с пророчества Исаии о пяти городах и Аседеке (Ис. 19: 18). В русском переводе *Книги о соборе* Аседек не назван одним из пяти городов – именно так о нем свидетельствовал древний греческий текст Писания [Селезнев, 2023], варианты которого именовали Аседек Городом Солнца, Правды, Разрушения [Брагинская, 2005]: он поименован «единым градомъ» (ББ, л. 12). Развивая тему, Лигарид сопоставляет пять патриарших кафедр, составляющих единство в системе главенства пяти патриархов внутри Единой Вселенской Церкви, с городами из пророчества Исаии и с человеческими чувствами: «Сіи пять Вселенскихъ кафедръ справедливо уподобляются пяти чувствамъ» (ББ, л. 12).

Традиция использования в христианстве пяти чувств в качестве метафоры стала основой своеобразного «сенсорного» богословия, созданного святыми отцами. Погружаясь в символико-теологическую сенсорику, Лигарид вспоминает евангельскую притчу о десяти девах – традиционный пример богословской трактовки инструментов человеческого восприятия, однако говорит лишь о пяти мудрых девах, которые «до ослушанія были такъ чисты, какими создаль ихъ отъ начала Женихъ Церкви» (ББ, л. 12).

Следуя святоотеческой толковательной традиции, Лигарид распространяет метафору пяти человеческих чувств до образа Церкви как тела с головой Христом: пять чувств, пишет он, «совмѣщаются въ одной главѣ – во Христѣ, имѣя въ себѣ подобіе чувствъ, которыми мы

и живемъ, и движемъ въ исполненіе внущенія ума» (ББ, л. 12 об.). Понимание «движения» рода человеческого как пяти этапов духовного взросления обнаруживает, на наш взгляд, определенное сходство с комментариями архиеп. Кирилла Александрийского († 444) на Евангелие от Матфея. «С девами Господь сравнивает предводителей народов. Священодействующий должен быть непорочен душой и телом <...> Поскольку в Писании есть обыкновение разделять всю жизнь на пять [частей], каждому времени Он уделяет и благочестивые и неразумные души, потому что каждое время имеет мудрых и наивных, праведных и неправедных» (Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Матфея, фрагм. 280) [Библейские комментарии..., 2007, с. 273].

Метафорическое отождествление Церкви с живым организмом, состоящим из пяти органов – вселенских кафедр, подчиненных голове – Христу, у Лигарида не является новаторским и восходит к сложившемуся к IX в. учению о пяти престолах Церкви как ее пяти чувствах [Цыпин, 2004, с. 294]. Рассуждения Лигарида о пяти вселенских патриархах («вселенских кафедрах») как Церкви, голова которой – Христос, имеет если не текстуальное, то содержательно-смыслоное совпадение с сочинениями многих византийских авторов XII–XIII вв., в богословско-антропологическом направлении рассуждавших об организации Церкви [Успенский, 1998, с. 474]. Один из источников, следующих традиции метафорического проецирования пяти органов чувств на пять патриарших престолов, указан самим Лигаридом: это послание Антиохийского патриарха Петра III (в 1052–1056) к архиепископу Градо Доминику, называющему себя патриархом. Надо сказать, что первая часть письма, посвященная вопросу пентархии, долгое время не знала славянского перевода, в отличие от второй, об опресноках, которая с домонгольских времен имела три варианта переложения [Послание..., 2020, с. 19–24]. Однако пассаж о пяти вселенских патриархах в виде кратких тезисов из послания Петра (как архиепископа Александрийского) вошел в раздел канонических сочинений русских редакций кормчих книг. Приведем соответствующие фрагменты из *Книги о соборе* и послания патриарха Петра.

Πέντε γὰρ ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ ὑπὸ τῆς θείας φύκονομήθη χάριτος εἶναι πατριάρχας, τὸν Ῥώμης, τὸν Κωνσταντινουπόλεως, τὸν Ἀλεξανδρείας, τὸν Ἀντιοχείας καὶ τὸν Ἱεροσολύμων. <...> Τὸ σῶμα τοῦ ἀνθρώπου ὑπὸ μιᾶς ἄγεται κεφαλῆς, ἐν αὐτῷ δὲ μέλη πολλὰ καὶ πάντα ὑπὸ πέντε μόνον οἰκονομεῖται αἰσθήσεων· αἱ δέ εἰσιν ὅρασις, ὅσφρησις, ἀκοή, γεῦσις καὶ ἀφή. Καὶ τὸ σῶμα δὲ πάλιν τοῦ Χριστοῦ, ἡ τῶν πιστῶν λέγω ἐκκλησία, ἐν διαιφόροις, ὥσπερ μέλεσι συναρμολογούμενον ἔθνεσι καὶ ὑπὸ πέντε αἰσθήσεων οἰκονομούμενον τῶν εἰρημένων μεγάλων θρόνων ὑπὸ μιᾶς ἄγεται κεφαλῆς, αὐτοῦ φημὶ τοῦ Χριστοῦ. Καὶ ὥσπερ ὑπὲρ τὰς πέντε αἰσθήσεις ἔτέρα τις αἰσθήσις οὐκ ἔστιν, οὕτως οὐδὲ ὑπὲρ τοὺς πέντε πατριάρχας ἔτερον πατριάρχην δώσει τις εἶναι. Ὑπὸ γοῦν τῶν πέντε τούτων θρόνων τῶν ὥσπερ αἰσθήσεων ὄντων ἐν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ πάντα τὰ μέλη ἡγουν πᾶσαι αἱ πατριαὶ τῶν ἔθνῶν καὶ αἱ κατὰ τὸν τόπον ἐπισκοπαὶ οἰκονομοῦνται καὶ θεοπρεπῶς διεξάγονται, ὥσπερ ἐν μιᾷ κεφαλῇ, Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ θεῷ ἡμῶν, δι’ ὅρθοδόξου καὶ μιᾶς πίστεως συναρμολογούμεναι καὶ ἀγόμεναι ὑπ’ αὐτοῦ [Petri Patriarchae Antiocheni Epistola..., 1861, p. 211–212].

(1a) Καὶ ἀδερφᾶ γράφει καὶ ὁ πατριάρχης τῆς Ἀντιοχείας ὁ γλαφυρώτατος Πέτρος, ἐν τῇ ἐπιστολῇ πρὸς τὸν Βενετίας ἀρχιερέα, τὸν καὶ Πατριάρχην φημίζεσθαι βουλόμενον, διὰ τὴν ἐρημωθεῖσαν δηλονότι ὑπὸ τῶν Γότθων καὶ τῶν Βαντάλων καὶ τῶν Λογγιβάρδων πόλιν τῆς Ἀκυληίας, καθάπερ φησὶ πέντε εἰσὶν αἱ αἰσθήσεις: ὅρασις, ὅσφρησις, ἀκοή, γεῦσις καὶ ἀφή, καὶ οὐκ ἔστιν ἔτέρα $\zeta^{\text{ον}}$ αἰσθήσις ἐν τῷ σώματι, οὕτως οὐ δὲ παρὰ τοὺς πέντε Πατριάρχας ἔτερον Πατριάρχην $\zeta^{\text{ον}}$ δώσει τις εὐ φρονῶν εἶναι, ἀλλὰ μόνον πᾶσαι αἱ πατριαὶ τῶν ἔθνῶν καὶ αἱ κατὰ τόπους ἐπισκοπαὶ θεοπρεπῶς οἰκονομοῦνται καὶ διεξάγονται συναρμολογούμεναι ὡς ἐν μιᾷ κεφαλῇ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν, αἱ καθέδραι, ὥσπερ ἀμέλει αἰσθήσεις ἐν τῷ σώματι τοῦ Χριστοῦ ἐνίδρυνται σφζόμενα ὄμοιογουμένως (БРА, л. 13).

(1b) Сходно съ этимъ пишеть и Петър, Патріархъ Антіохійскій въ посланіи своеемъ къ Архіерею Венціанскому, хотѣвшему именоваться Патріархомъ, по случаю раззоренія Аквилеи Готфами, Вандалами и Лангобардами: «какъ въ тѣлѣ пять чувствъ и нѣть шестаго, такъ не можетъ быть и шестаго Патріарха, но всѣ народы и епархіи управляются, соединяемые во Христѣ, какъ въ единой главѣ» (ББ, л. 13 об.).

Единой традиции соотнесения одних и тех же органов чувств с определенными кафедрами не существовало. Примеры разных отождествлений приведены Б. А. Успенским [1998, с. 473]. Так, Римская кафедра сравнивалась и со зрением (Анастасий Библиотекарь, † 879), и со вкусом (Никита Сеид, † перв. пол. XII в.), и с осознанием (Георгий Трапезундский, † около 1472/1473). А слух соотносился с Александрийской (Никита Сеид) и Антиохийской

(Георгий Трапезундский) кафедрами. Полное совпадение символического отождествления патриарших кафедр с конкретными чувствами обнаруживается у Лигарида и византийского писателя и богослова Никиты Сеида.

Καὶ τύπον τῶν πέντε αἰσθήσεων ἔχουσιν τὰ πέντε πατριαρχεῖα ταῦτα τὰ μὲν Ἱεροσόλυμα τῆς ὄράσεως διὰ τὸ ἐν αὐτοῖς πρώτοις ὄραθῆναι καὶ ἐπιγνωσθῆναι Χριστὸν κἀκεῖθεν τοὺς ὄρῶντας ἀπάντας εἴναι· ἡ δὲ Ἀντιόχεια τῆς ὁσφρήσεως, ἐκεῖθεν γὰρ πρώτως ἡ εὐνωδία τῆς ἀπὸ Χριστοῦ κλήσεως ἡμῶν ὄσμὴ μύρου πολυτελοῦς εἰς τὰ τῆς οἰκουμένης κέρατα ἐξεχύθη, βεβαιοὶ δὲ τοῦτ’ ὡς εἴπομεν καμψότερον Εὔοδος μετὰ τὸν μέγαν Πέτρον αὐτίκα ἐν Ἀντιοχείᾳ ποιμεναρχήσατο. Η δέ γε Ῥώμη ὡς οἷμα τὸν τῆς γεύσεως ἔλαχε τύπον, ὅτι τε Πέτρος ἐν αὐτῇ τοῦ Πέτρου ἐγεύσατο τοῦ διὰ Χριστὸν θανάτου καὶ Κλήμης ἐν αὐτῇ παρ’ αὐτοῦ ἐφυτεύθη, ἵνα δὲ πάλιν φλαφυρότερον (sic!) εἴπομεν ὅτι καὶ διάκρισις ἀκριβῆς Ἐλληνισμοῦ τοῦ πικραίνοντος καὶ Χριστιανισμοῦ τοῦ γλυκαίνοντος ἐν ταύτῃ μᾶλλον διὰ τοῦ ισαποστόλου γέγονε βασιλέως.

Η δὲ Αλεξανδρεία ἀκοῆς, ἐν αὐτῇ γύρῳ τῇ κατ’ Αἴγυπτον διὰ τῶν μάγων ἡκουόσθη πρώτως τὸ φρικτὸν ἄκουσμα τῆς οἰκουμένης καὶ Χριστοῦ δὲ ἐκεῖσε παραγενομένου ἡ φῆμη τοῦ θαύματος ἐξερήραγη τῶν δαιμονικῶν ἀγαλμάτων κατασεισθέντων. Ή δέ γε νέα Ῥώμη καὶ ἡ ἡμετέρα τὴν ἀφῆν εἰκονίζει ὡς ὑστάτη μὲν καθολικώτεραν δὲ τῶν αἰσθήσεων, ἐπὶ πᾶσας γὰρ διατρέχει καὶ <...> διὸ καὶ οἰκουμενικὴ ταύτη ἡ ἐκκλησία καλεῖται, ἀλλὰ δὲ καὶ ἡ βασιλεία [Νικήτας Σείδης, 1975, s. 71–73 (cod. I)].

(2a) Καὶ τὰ μὲν Ἱεροσόλυμα φέρει τύπον ἀπλανῆ τῆς ὄράσεως, διὰ τὸ ἐν αὐτοῖς αον ὄραθῆναι τε καὶ γνωσθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ κεῖθεν οἱ ἐωρακότες αὐτὸν ὄρμήσαντες τὸ ιερὸν ἐκεῖνο ἐκήρυξαν Εὐαγγέλιον, κατὰ τὸ εἰρημένον, ἐκ Σιών ἐξελεύσεται νόμος καὶ λόγος Κυρίου ἐξ Ἱερουσαλήμ. Ή δ’ Ἀντιόχεια τύπον ἔχει τῆς ὁσφρήσεως. Ἐκεῖθεν γὰρ αὐτὸς ἡ εὐνωδία τῆς ἀπὸ Χριστοῦ κλήσεως ἡμῶν τε, ὥσπερ ὄσμὴ πολυτελοῦς μύρου εἰς τὰ τῆς οἰκουμένης πέρατα ἐξεχύθη. Βεβαιοὶ δὲ τοῦτο κομψότερον Εὔόδιος, ὁ μετὰ τὸν μέγα Πέτρον αὐτίκα ἐν Ἀντιοχείᾳ ποιμεναρχήσας καλῶς. Ή δέγε Ῥώμη τὸν τῆς γεύσεως ἔλαχε τύπον ὅτι Πέτρος ἐν αὐτῇ ἀπεγεύσατο τοῦ διὰ Χριστὸν θανάτου κατώκαρο σταυρωθείς. Καὶ Κλήμης ἐν αὐτῇ παρ’ αὐτοῦ ἐφυτεύθη μετὰ Λίνον καὶ Ανάκλητον τοὺς συνεπισκόπους. Χρῆν δ’ ὅρα ἔτερόν τινα λαβεῖν τὸν τύπον τῆς γεύσεως, ἵνα μὴ ἀγευστος μένοι ἀνὴ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία. Ή δὲ Αλεξανδρεία σώζει τύπον ἀκοῆς, ἐν αὐτῇ γὰρ τῇ κατ’ Αἴγυπτον διὰ τῶν μάγων εἰσηκούσθη αον τῆς οἰκουμένης τὸ φρικτὸν καὶ τρισμέγιστον ἄκουσμα, διὸ καὶ τοῦ Χριστοῦ ἐκεῖσε παραγενομένου, ἡ φῆμη τοῦ θαύματος ἐξερήραγη καὶ τὰ δαιμονικὰ ζόνα κατασεισθέντα πεπτώκασιν. Ή δὲ νέα Ῥώμη τὴν ἀφῆν εἰκονίζει, τὴν καθολικώτερον οὖσαν πασῶν τῶν αἰσθήσεων, διὸ καὶ οἰκουμενικὴ αὐτῇ καλεῖται ἡ ἐκκλησία (БРА, л. 12 об.).

(2b) Иерусалимъ подобенъ зрењио, ибо тамъ впервые зрењио было Господь нашъ, и оттуда узрѣвшіе Его устремились на проповѣдь Евангельскую, по реченному: «Отъ Сиона изыдеть законъ и Слово Господне изъ Иерусалима». Антиохія – образъ обонянія, ибо оттуда разлилось название наше – христіанъ; удостовѣряеть въ этомъ Эводій (по-гречески «благовонный»), хорошо правившій Церковію Антиохійскою послѣ великаго Апостола Петра. Риму соотвѣтствуетъ вкусъ, ибо тутъ Петъръ вкусиль смерть Христа ради. Александрия напоминаетъ слухъ, ибо тутъ волхвами услышаны были великие слухи. Новый Римъ изображаетъ осъязаніе, самое общее изъ всѣхъ чувствъ, почему эта Церковь и называется вообще Вселенскою (ББ, л. 12 об.).

Полемическое творчество иконийского клирика, автора двух сочинений против латинян (1112–1114) и других богословских и научных трудов Никиты Сеида [Павлов, 1878, с. 186–188] стало известно в России только в конце 1692 г., когда племянник Иерусалимского патриарха Досифея II Нотара (в 1669–1707) архимандрит Святого Гроба в Константинополе Хрисанф (и будущий патриарх Иерусалимский в 1707–1731) привез в Москву 29 греческих манускриптов и печатных книг и грамоту дяди-патриарха с просьбой издать в русской столице подготовленный Досифеем свод антилатинских полемических сочинений [Фонкич, 1977, с. 205–208, 211]. Обстоятельства сложились так, что этот кодекс в Москве напечатать не смогли. Но среди переданных восточным патриархом рукописей, впоследствии ставших частью Патриаршой библиотеки, оказались греческие списки 2-й пол. XIII и 2-й пол. XVII в. двух антилатинских произведений Никиты Сеида – ГИМ. Синодальное греч. собр. № 240 и 250 [Владимир (Филантропов), архим., 1894, с. 314–319, 335–344]. В сборнике № 240 находится первое антилатинское сочинение византийского автора – «Импровизированное слово к римлянам...», состоящее из четырех «стояний», в последнем из которых богослов и изложил свою концепцию о пяти патриархатах Вселенской Церкви как образах пяти чувств.

В пассаже, составленном митрополитом Газы из отсылок к книгам Нового Завета и 34-му правилу святых апостолов, отчетливо звучит тема единства в вере и благодати внутри пентархии. Содержание компиляции утверждает экклезиологическое единство мистического и канонического аспектов учения о Церкви:

(3a) Μηδεὶς δέμοι ἀντιλεγέτω ἐναντιούμενος, μὴ πλέον ἄλλον δύνασθαι ἀντ' ἄλλου τίθεσθαι ἀρχιεράρχην, ναὶ δὴ καὶ αὐτοκέφαλον φημισθῆναι, ὅτι περ ἡ χάρις οὐ διεκόπη τοῦ Πνεύματος πάποτε, ἀλλὰ μένει πάντα καὶ μενεῖ ἀδιαστάτως ἐν τῇ ἀγίᾳ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίᾳ, οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ καὶ Ιουδαϊκὸν τὸ περιγράφειν ἐν τόπῳ καὶ χρόνῳ τοῦ Πνεύματος τὴν ἐνέργειαν, καὶ τοῦτο ἐξ ἐπαγωγῆς ἐπιδείκνυται. Βούλεσθ' ὅπως τούτι τὸ ἐπιχείρημα διὰ πλειόνων ἐπιγυμνάσωμεν; Ὑπερευκάτοιδα καὶ ὅτι μὲν τὴν ισχὺν καὶ ἀξίαν τὴν ἀνὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἐκτεταμένην ἔχει λαβοῦσα ἡ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία παρὰ τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατημαζευμένην ἔνι τοῖς πᾶσι καὶ διακεκωδωνισμένον. Ἔλεγε γὰρ ὁ παγκόσμιος καθηγητής πρὸς τὴν ιερὰν χορείαν τῶν πανιερῶν ἀποστόλων, ὅσα ἀν δήσητε ἐπὶ τῆς γῆς, σημειώσαι, ὡς φιλότης, αὐτὸ τοῦτο τὸ ἐπὶ τῆς γῆς. Μεγίστην γὰρ ἐν ἑαυτῷ περιέχει τὴν ἔμφασιν, καθὼς καὶ τὸ ἐγώ κρίνω, τοῦ Ἀδελφοθέου Ἰακώβου ἡ λέξις, πολλὴν παριστᾶ καὶ ὑπεκφαίνει τὴν δύναμιν. Ἀλλὰ καὶ ἡ τοῦ Σωτῆρος ὑπόσχεσις, ὅπου ἀν ὕστι δύο, ἡ τρεῖς συνηγμένοι ἐν τῷ τούτου ὀνόματι, αὐτὸν ἐν μέσῳ παρεῖναι παρεγγυώμενον, τὴν συνοδικήν συνέλευσιν ἐπικυροῦ καὶ κρατοῦντει ταμάλιστα, ἐνέσπαρται ἄρα ἡμῖν ὡς κόκκος σινάπεως, καταβεβλημένος, ἔξουσία καὶ δύναμις τῆς ἀρχιερατικῆς ἐνέργειας καὶ χάριτος, ἥτις ἔξουσία ἐκφέρεται, κἀν τῷ λόγῳ κανόνι τῶν εὐαγῶν ἀποστόλων, τῷ φάσκοντι, τούς ἐπισκόπους ἐκάστου ἔθνους, εἰδέναι χρὴ τὸν ἐν αὐτοῖς αὐτῷ, καὶ ἡγεῖσθαι αὐτὸν ὡς κεφαλήν, καθότι καὶ τῇ ἀρχῇ ἀκολουθεῖ τὸ ἀρχόμενον καὶ τῇ κεφαλῇ τὰ μέλη συνδέεται (БРА, л. 12–12 об.).

(3b) Да не возразить мнѣ кто-либо, что не можетъ быть поставленъ еще какой-либо іерархъ на мѣсто другаго, можетъ и даже называться самостоятельнымъ (αὐτοκέφαλος), ибо благодать Божія не пресъклась никогда, но пребываетъ и пребудетъ неизмѣнно. Спаситель сказалъ Апостоламъ: «елика свяжете на земли» (ср.: Мф. 18: 18): тутъ слово «на земли» имѣеть великое значеніе (ἐλέφασιν) равно какъ и обѣщаніе Его: «идѣже суть двое или трое во имя Мое, тутъ и Азъ посрѣдѣ ихъ» (ср.: Мф. 18: 20), утверждающее съборныя соединенія. Власть архіерейская посъяна между нами, какъ зерно горчичное (ср.: Мф. 13: 31–32; Мк. 4: 30–32; Лк. 13: 18–19); она обозначена и въ 34-мъ правилѣ Апостольскомъ, гласящемъ, что епископы каждого народа должны знать первого среди ихъ и признавать его за главу, такъ какъ власти послушествуетъ властуемое и съ головою связанны члены (ББ, л. 13 об.).

В концепции о пяти патриархатах Никита Сейд установил иерархическую подчиненность их друг другу. Из заглавных букв именований патриарших престолов богослов образовал слово *κάραι* – *главы*, в котором последовательность литер соответствовала названиям населенных пунктов, где располагались патриаршие кафедры. В этой вербальной модели византийская столица – Константинополь получила первенство над другими городами, а Рим, как видим, занял третью позицию.

Подобные манипуляции с литерами приобрели популярность у древних авторов; занятия византийских интеллектуалов, прятавших внутренний духовный смысл своих идей в причудливых буквенных построениях, в изобретаемых энциклопедистами новых словах и замысловатых фразах, актуализировались в Средние века и Новое время в виде упражнений и задач с поиском скрытых значений. Занимательные игры с отдельными буквами и флексиями, словами и цифрами любил и Лигарид. Буква *P* у него как самостоятельное явление со своим собственным содержанием есть часть умственной загадки. В самом конце посвящения *Книги о соборе* царю Алексею Михайловичу, после объяснения заключенного в имени Алексей его истинного, с точки зрения Лигарида, смысла, связанного с освободительной миссией Московского правителя на Христианском Востоке, Газский митрополит восклицает:

(4a) Δῷ τι ὁ Παντοκράτωρ καὶ Παντοδύναμος, ὅπως πληρωθῇ τὸ εἰρημένον ὑπὸ τοῦ μακαρίου Ἀνδρέου τοῦ διὰ Χριστὸν σαλοῦ, καὶ τὸ ζῶν στοιχεῖον τὸ ἀνακεφαλαιούμενον ἐν τοῖς κδ' ἐλληνικοῖς γράμμασι συμπληρωθῇ τελειούμενον εἰς τὸ ἔθνος τῶν Ρώσων ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ τῆς παμμακάριστου καὶ τρισευδαίμονος βασιλείας σου (БРА, л. 5).

(4c) Дал бы Вседержитель и Всемогущий, чтобы сбылось сказанное Блаженным Андреем, Христа Ради юродивым, как и семнадцатая буква (имеется в виду буква *P*. – Примеч. авт.), содержащаяся среди 24 греческих букв, стало исполненным благородия народу России в этот период пресватливейшего и преуспешнейшего твоего правления.

Буква *P* в данном случае означает слово «русый», т. е. «русский», и отправляет к пророчествам Льва Мудрого о «русом» народе, который под предводительством русского царя должен стать освободителем христианских народов, томящихся под османским игом. Именно так трактовал профетические тексты византийского императора Паисий Лигарид.

Но вернемся к теме пентархии. В русском переложении XIX в. *Книги о соборе* переводчик сохранил два, как может показаться при первом прочтении, противоположных по смыслу рассуждения Лигарида о месте Московского патриарха во Вселенской Церкви. Первое упо-

минание, основанное на «литерной» теории Никиты Сеида, – в самом начале анализируемой главы (5а); второй пассаж – в самом конце (6а) демонстрирует отказ Лигариды от сказанного ранее. Однако при внимательном рассмотрении греческого оригинала и его современного перевода (6с) оказывается всё не так однозначно:

(5а) Ἐπειδὴ δὲ ἄρα ὁ Ἀριστοφάνης οὐκ οἶδ’ ὅπως ἔξεκόπη τῶν ἀλλων Πατριαρχῶν, ὥφειλεν ἀντ’ αὐτοῦ ἔτερόν τινα πληρῶσαι τὸν τόπον τοῦ Ἀριστοφάνη, ἵνα δηλαδὴ πληρωθῆ ὁ τέλειος ἀριθμὸς τῶν ε’ καρῶν, ἔνθεν τοι καὶ προσφυῶς εἰσῆχθη ὁ Πατριάρχης Ῥωσσίας, σώζων ἀπαραλλάκτως τὸ στοιχεῖον τοῦ Ρ (БРА, л. 12).

(5б) ...но поелику не знаю, какимъ образомъ Римскій отдѣлился отъ прочихъ Патріарховъ, надлежало иному кому-либо замѣнить его, дабы исполнилось полное число пяти главъ, почему и введенъ былъ прилично Патріархъ Россійскій, сохраняющій совершенно такимъ же образомъ букву Р (ББ, л. 12).

(6а) Καὶ δὲ τὸ προκείμενον τῆς ἱστορίας ἵτεον, τῆς ἥδη ἀποφηναμένης, τὸν Ῥωσσίας ε^{ον} εἶναι καὶ λέγεσθαι Πατριάρχην. Οὐχ ὅτι γὰρ εἴπομεν ἀγωνιστικώτερον ἀνωθεν τὸν Ῥωσσίας τύπον ἔχειν τοῦ Ἀριστοφάνη, αὐτόχρημα συμπερᾶναι χρεῶν καὶ τοῦ Ἀριστοφάνη εἰληφέναι τὸν τόπον, πολλοῦ γε καὶ δεῖ, οὕτω γὰρ ἀν εἴη τοῦ λακτίζειν τὰ πατριαρχεῖα, ὡς πρὸς τὰ κέντρα κατὰ τὴν παροιμίαν κακεντρεχός. Ετέροις γὰρ καὶ νενομοθέτηται παρὰ τῶν οἰκουμενικῶν ἀγίων συνόδων, ὡς οὐδενὶ ἔξεστι μεταίρειν ὄρια, ἀπέρ ἔθεντο οἱ Πατέρες ἡμῶν, ἔξαρκεῖ γοῦν τῷ Πατριάρχῃ Μοσχοβίας καὶ Ῥωσσίας εἶναι κεφαλὴν τῶν Ῥώσων αὐτοκέφαλον, καθὼς καὶ οἱ λοιποὶ τῆς Ανατολῆς Πατριάρχαι καὶ πλέον οὐδέν (БРА, л. 12).

(6б) Россійскій называется пятымъ не потому, будто бы онъ занимаетъ мѣсто Римскаго, какъ прежде сказали мы вскорѣ, // въпопыхахъ, ибо на основаніи Соборовъ не слѣдуетъ никому перемѣнить положеніе отцами нашими предѣлы. Достойно Патріарху Московскому (Русскому) быть главою Русскихъ, автокефальными, подобно прочимъ Восточнымъ Патріархамъ – и ничего больше (ББ, л. 14 об. – 15).

(6с) Однако же надо вернуться к предмету истории, уже сказанной, о том, что патриарх Россійскій является и называется пятымъ. Ведь, хотя выше мы сказали въ большей спешкѣ, что Россійский патриарх имеетъ образ Римскаго, конечно же, точно не следуетъ делать выводъ, что онъ и Римскаго занялъ место. Ведь такимъ образомъ это было бы всѣ равно, что коварно идти противъ патриархатовъ, какъ противъ рожна, поскольку по-другому было положено святыми Вселенскими соборами, что никому не позволено переносить границы, которые установили наши отцы. Въ самомъ дѣле, достаточно патриарху Московскому и Россійскому быть автокефальнымъ главою русскихъ, какъ остальные восточные патриархи. И больше ничего.

Во-первыхъ, переводчик XIX в. не смогъ передать игру словъ автора *τύπον – образ и τόπον – место* (см. 6а) и сказалъ только о месте: «занимаетъ мѣсто». Слово же *τύπον – образ* отсылаетъ къ точной цитатѣ Никиты Сеида объ органахъ чувствъ (см. 2а), которую Паисий Лигарид дополнилъ собственной фразой, не отображенной въ переложении XIX в.:

(7а) Χρῆν δὲ ἄρα ἔτερόν τινα λαβεῖν τὸν τύπον τῆς γεύσεως, ἵνα μὴ ἀγευστος μένοι ἀν ἡ τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησία.

(7с) Вотъ и необходимо кому-то другому получить образъ вкуса, чтобы безвкусной не осталась Церковь Христова.

Во-вторыхъ, речь идетъ не о противоречии себѣ, а объ уточнении вышесказанного въ целомъ. Заметимъ, что къ вопросу очередности пяти патриарховъ митрополит Газы обращается еще не сколько разъ. Желая показать свою объективность, о которой онъ не разъ заявляетъ въ текстѣ, полемист приводитъ известные ему на эту тему цитаты изъ Никиты Сеида, посланія Антиохийскаго патриарха Петра III, 131-й новеллы Юстиниана и, действительно, при такомъ объемѣ «не имеетъ времени» уточнить, что Россійский патриархъ занимаетъ место Римскаго, но не по очередности. Въ третьей главѣ, описывая исторію создания патриаршества на Руси, Лигарид четко говоритъ о пятомъ месте Московскаго патриарха – сразу послѣ Иерусалимскаго:

(8а) ...Ως ἔστιν ιδεῖν ἐν τῇ πατριαρχικῇ σελίδῃ, ἐν ἡ καὶ τόδε διώριστο: εἰς τὸν ἐφεξῆς ἀπαντα χρόνον (...) ἔχειν ἄδειαν τοὺς τοπικοὺς τῆς Ῥωσσίας ἀρχιερεῖς τοῦ ποιῆσαι τὴν ἐκλογὴν τοῦ Πατριάρχου Μοσχοβίας τε καὶ Ῥωσσίας, κατὰ τὴν σφῶν αὐτῶν ἔφεσίν τε καὶ βιούλησιν, οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ καὶ τὰ πρεσβεῖα τῆς πατριαρχικῆς δεσποτείας ἐτέχειν, μετὰ τὸν Πατριάρχην τῆς ἀγίας πόλεως Ἱερουσαλὴμ καὶ πάστος Παλαιστίνης, ε^{ον} εἶναι τε καὶ λογίζεσθαι. Καθάπερ γὰρ ἡ Κωνσταντινούπολις μετὰ τὸν Ἀριστοφάνην ἐπίσκοπον εἰληφε τὰ πρεσβεῖα, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν βασιλεύουσαν πόλιν παρὰ τῶν Θεοφόρων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντίνῳ καὶ τῶν ἐν Χαλκηδόνι συνοδικῶς συναχθέντων, ὅμοιως ἀπεφήνατο καὶ ἡ σεβασμιωτάτη τετρακτὺς τῶν παναγιωτάτων Πατριαρχῶν καὶ ἡ λοιπὴ τῶν πανιερωτάτων ἀρχιερέων ὁμίγυρις τὴν βασιλεύουσαν νῦν Μοσχοβίαν, βασιλείᾳ καὶ συγκλήτῳ

τετιμηένην, τῶν ἵσων προνομίων ἐπαπολαύειν, ὃν αἱ πρότερον βασιλεύουσαι πόλεις ἐπεκληρώσαντο, «καὶ τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς μεγαλύνεσθαι πράγμασι», συνοδικῇ τῶν Πατέρων ὁροθεσίᾳ (БРА, л. 11).

(8с) ...как можно увидеть в патриаршем уложении, в котором было указано следующее: отныне и на века местным российским святителям иметь позвление избирать патриарха Московского и России по своей собственной воле и желанию, и кроме того обладать [ему] особыми правами патриаршой власти, после патриарха святого града Иерусалима и всей Палестины пятым быть и считаться. Ведь как Константинополь получил права старшинства после епископа Римского, поскольку это был царствующий город, по решению богоносных отцов, в граде Константиновом и в Халкидоне соборно собравшихся, так и пресвященная четверка святейших патриархов и остальной собор всесвященнейших иерархов провозгласили, что ныне царствующая Москва, удостоенная царского двора и синклита, должна пользоваться равными привилегиями, которые были присуждены ранее царствующим городам, и «в делах церковного величания», согласно синодальному разграничению отцов.

Цитируемый отрывок оригинального текста из середины третьей главы (7а) примечателен и тем, что он демонстрирует, насколько мастерски митрополит Газский подбирает слова: повторяя и перефразируя словосочетания в конце четвертой главы (см. таблицу), он показывает, что апеллирует именно к нему.

Примеры перефразирования

Глава 4 (БРА, л. 12) (6а)	Глава 3 (БРА, л. 11) (8а)
1) ε ^{ον} είναι καὶ λέγεσθαι (является и называется пятым)	1) ε ^{ον} είναι τε καὶ λογίζεσθαι (пятым быть и считаться)
2) ὄρια, ἀπέρ ἔθεντο οἱ Πατέρες ἡμῶν (границы, которые установили наши Отцы)	2) συνοδικῇ τῶν Πατέρων ὁροθεσίᾳ (согласно синодальному разграничению Отцов)

Закрывая в конце четвертой главы тему пентархии и места Московского патриарха во Вселенской Церкви, Паисий Лигарид подводит итог сказанного им об этом ранее и для большей убедительности создает намеренные лексические повторы. Митрополит Газы конкретизирует свою точку зрения о важности и значимости места Российского патриарха, заменившего Римского, среди пяти иерархов и неоднократно подчеркивает, что за Московским первосвятителем сохраняется пятое место в особой очередности, определенной святыми отцами.

Нумерологические сюжеты с использованием простых чисел первого десятка занимают в *Книге о соборе* Паисия Лигарида особое место. Для Газского митрополита – человека творческого, необычайно талантливого, неординарно осмыслившего исторические события и обнаруживавшего в каждом из них профетический смысл, прямое цифровое значение числа всегда сопровождается символическим. Такое его интерпретирование цифрового содержания не только близко существовавшей в христианстве традиции придания священным предметам, историческим событиям метафорических значений, но и связано с древнейшими, восходящими к античности, интеллектуальными практиками сокрытия и дальнейшего обнаружения тайного их смысла. Подобные занимательные поединки, актуализировавшиеся в средневековой культуре, получили огромную популярность в Новое время в Европе в среде высокообразованных людей, каким и был Лигарид.

Число пять, священное в библейской нумерологии, применительно к количеству патриарших кафедр Вселенской Церкви имело в христианской традиции разные метафорические интерпретации. Самые популярные из них, связанные с символикой органов чувств, с христианской антропологией и так называемым сенсорным богословием, соотносящими части человеческого тела и пять чувств с разными церквями, находим у Лигарида. Погруженность полемиста в символико-теологическую сенсорику была обусловлена его широкой начитанностью в сочинениях ранних христианских авторов и произведениях почитаемых всем христианским миром святых отцов, а также базировалась на Священном Писании и Предании, которые Паисий знал безупречно. Многие древние сочинения и их авторы стали известны

русскому элитарному читателю в XVII в. благодаря апелляциям к ним Лигарида. Ссылки на редкие и не сохранившиеся до наших дней тексты свидетельствуют не только об энциклопедизме Паисия, но и об особом характере повествования, базирующемся на связи исторического, символико-метафорического, профетического и богословского содержания явлений действительности, за прямым цифровым значением скрывающем его тайный смысл. Разгадать и соотнести внешнее содержание с его потаенным значением мог только равный по интеллекту Паисию читатель. Таким был царь Алексей Михайлович, которому Газский митрополит посвятил свою *Книгу о соборе* и которому в специальной главе подробно объяснил значение и место Московской патриаршей кафедры во Вселенской Церкви.

Список литературы

- Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Т. Iб: Евангелие от Матфея 14–28 / Пер. с англ., греч., лат. и сир. Тверь: Герменевтика, 2007. 432 с.
- Брагинская Н. В.** Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исаия, 19:18 // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2005. № 9. С. 32–38.
- Владимир (Филантропов), архим.** Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М.: Синод. тип., 1894. Ч. 1: Рукописи греческие. 880 с.
- Кириллин В. М.** Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
- Павлов А.** Критические опыты по истории древнейшой греко-русской полемики против латинян. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. 217 с.
- Послание патриарха Антиохийского Петра III об опресноках в славянской письменности / Критическое издание древнерусского текста, пер., ввод. ст., примеч. А. В. Сизикова // Библия и христианская древность. 2020. № 3 (7). С. 15–55. DOI 10.31802/BCA.2020.7.3.001
- Севастьянова С. К.** Паисий Лигарид об учреждении Московского Патриархата: источники и задачи полемиста // Сибирский филологический журнал. 2023а. № 4. С. 49–61. DOI 10.17223/18137083/85/4
- Севастьянова С. К.** Семиотика числа четыре в Книге о соборе Паисия Лигарида // Критика и семиотика. 2023б. № 2. С. 9–29. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-9-29
- Севастьянова С. К., Рылик П. А., Бондач А. Г.** Неизвестные страницы сочинения Газского митрополита о суде над патриархом Никоном // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. № 22. С. 29–63. DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-29-63
- Селезнев М. Г.** Город Аседек // Александрова Е. В., Атанасаки Л. и др. Миф, ритуал, литература: Коллективная монография. М.: ИД ВШЭ, 2023. С. 66–81. DOI 10.17323/978-5-7598-2553-1
- Успенский Б. А.** Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 680 с.
- Фонкич Б. Л.** Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М.: Наука, 1977. 250 с.
- Цыпин Владислав, прот.** Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004. 706 с.
- Νικήτας Σεΐδης.** Λόγος σχεδιασθεὶς πρὸς τοὺς Ῥωμαίους καὶ δύο ταῦτα ἀποδεικνύων, ὅτι αἰδεσπιώτερα τὰ νέα τῶν παλαιῶν καὶ ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνου οὐχὶ δὲ καὶ ἐκ τοῦ νιοῦ ὡς αὐτοὶ λέγουσιν ἐκπορεύεται τὸ ὄγιον πνεῦμα // Gahbauer R. Gegen den Primat des Papstes: Studien zu Niketas Seides; Ed., Einf., Kommentar. Münch., Verlag Uni-Druck, 1975. S. 2–78.
- Petri Patriarchae Antiocheni Epistola ad Dominicum Gradensem** // Will C. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. Lipsiae & Marpurgi: Sumptibus N. G. Elwerti Bibliopolae Academicici, 1861. P. 208–227.

References

- Bibleiskie kommentarii ottsov Tserkvi i drugikh avtorov I–VIII vekov. Novyi Zavet. T. Ib: Evangelie ot Matfeya 14–28 [Biblical Commentaries by Church Fathers and Other Authors of the 1st – 8th centuries. New Testament. T. Ib: Gospel of Matthew 14–28]. Transl. from English, Greek, Latin, and Syriac. Tver, Germenevtika, 2007, 432 p. (in Russ.)
- Braginskaya N. V.** Polemika vokrug khrama Onii i ispravlenie prorochestva: Isaiya, 19: 18 [Polemics Around the Temple of Onias and the Correction of Prophecy: Isaiah, 19: 18]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2005, no. 9, pp. 32–38. (in Russ.)
- Fonkich B. L.** Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. (Grecheskie rukopisi v Rossii) [Greek-Russian Cultural Relations in the 15th – 17th Centuries (Greek Manuscripts in Russia)]. Moscow, Nauka, 1977, 250 p. (in Russ.)
- Kirillin V. M.** Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi (XI–XVI veka) [The Symbolism of Numbers in Old Russian Literature (11th – 16th Centuries)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000, 320 p. (in Russ.)
- Νικήτας Σείδης.** Λόγος σχεδιασθείς πρὸς τοὺς Ῥωμαίους καὶ δύο ταῦτα ἀποδεικνύον, ὅτι αἰδεσιμώτερα τὰ νέα τῶν παλαιῶν καὶ ὅτι ἐκ τοῦ πατρὸς μόνου οὐχὶ δὲ καὶ ἐκ τοῦ νιοῦ ὡς αὐτοὶ λέγουσιν ἐκπορεύεται τὸ ἄγιον πνεῦμα. In: Gahbauer R. Gegen den Primat des Papstes: Studien zu Niketas Seides. Ed., Einf., Kommentar. Münch, Verlag Uni-Druck, 1975, S. 2–78. (in Greek, in German)
- Pavlov A.** Kriticheskie opyty po istorii drevneishei greko-russkoi polemiki protiv latinyan [Critical Essays on the History of the earliest Greek-Russian Polemic Against the Latins]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi AN, 1878, 217 p. (in Russ.)
- Petri Patriarchae Antiocheni Epistola ad Dominicum Gradensem. In: Will C. Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saeculo undecimo composita extant. Lipsiae & Marpurgi, Sumptibus N. G. Elwerti Bibliopolae Academicici, 1861, pp. 208–227. (in Latin, in Greek)
- Poslanie patriarcha Antiochiiskogo Petra III ob opresnokakh v slavyanskoi pis'mennosti [The Epistle of Patriarch Peter III of Antioch Concerning Unleavened Bread in Slavic Script], kriticheskoe izdanie drevnerusskogo teksta, perevod, vvodnaya stat'ya, primechaniya A. V. Sizikova. *Bibliya i khristianskaya drevnost'* [Bible and Christian Antiquity], 2020, no. 3 (7), pp. 15–55. (in Russ.) DOI 10.31802/BCA.2020.7.3.001
- Seleznev M. G.** Gorod Asedek [City of Asedek]. In: Aleksandrova E. V., Atanasaki L. et al. Mif, ritual, literatura [Myth, Ritual, literature]. Collective monograph. Moscow, HSE Publ., 2023, pp. 66–81. (in Russ.) DOI 10.17323/978-5-7598-2553-1
- Sevastyanova S. K.** Paisiy Ligari ob uchrezhdenii Moskovskogo Patriarkhata: istochniki i zadachi polemista [Paisius Ligarides on the Establishment of the Moscow Patriarchate: Sources and Tasks of the Polemicist]. *Sibirskiy Filologicheskiy Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2023, no. 4, pp. 49–61. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/4
- Sevastyanova S. K.** Semiotika chisla chetyre v Knige o sobore Paisiya Ligarida [The Semiotics of the Number Four in Paisios Ligarides' Book on the Council]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2023, no. 2, pp. 9–29. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-9-29
- Sevastyanova S. K., Rylik P. A., Bondach A. G.** Neizvestnye stranitsy sochineniya Gazskogo mitropolita o sude nad patriarchom Nikonom [Unknown Pages of the Work of the Metropolitan of Gaza on the Trial of Patriarch Nikcon]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 2023, no. 22, pp. 29–63. (in Russ.) DOI 10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-29-63
- Tsypin Vladislav, protoierei.** Kurs tserkovnogo prava [A Course in Church law]. Klin, Khristianskaya zhizn', 2004, 706 p. (in Russ.)
- Uspensky B. A.** Tsar' i patriarch: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie) [The Tsar and the Patriarch: the Charisma of Power in Russia (The Byzantine

Model and its Russian Reinterpretation)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, 680 p. (in Russ.)

Vladimir (Filantropov), arkhim. Sistemicheskoe opisanie rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi (Patriarshei) biblioteki. Ch. 1. Rukopisi grecheskie [Systematic Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) Library. Part 1. Greek manuscripts]. Moscow, Sino-dal'naya tip., 1894, 880 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57192178225

Полина Александровна Рылик, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 58116748500

Information about the Authors

Svetlana K. Sevastyanova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57192178225

Polina A. Rylk, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 58116748500

Вклад авторов

С. К. Севастьянова – разработка концепции исследования, анализ содержания источника, подготовка текста статьи.

П. А. Рылик – анализ грекоязычных источников, текстологический анализ источника, редактура текста.

Contribution of the Authors

Svetlana K. Sevastyanova – elaboration of the research concept, analysis of the source content, preparation of the paper text.

Polina A. Rylk – analysis of Greek-language sources, textual analysis of the sources, text editing.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.08.2024
The article was submitted on 07.04.2024;
approved after reviewing on 30.07.2024; accepted for publication on 02.08.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-20-29

Репрезентация бинарных концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира (на материале социальных сетей периода 2015–2025 годов)

Сун Ифэй

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

songvictor@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9121-709X>

Аннотация

Представлен анализ бинарных концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира. В качестве материала использовано 2 000 контекстов с лексемами-репрезентантами концептов *СВЕТ* и *ТЬМА*, извлеченных из подкорпуса «Социальные сети» «Национального корпуса русского языка» за период 2015–2025 гг. Основные когнитивные признаки концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* интерпретированы путем анализа частотности их репрезентации, степени абстрактности, роли в формировании оппозиции, а также степени их образности и эмоциональности. Сделаны выводы о том, что структура концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* может быть представлена в виде полевой модели с ядерной, околоядерной и периферийной зонами, а выявленные когнитивные признаки концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* с разной степенью абстрактности формируют множество частных рядов оппозиций в структуре общего противопоставления.

Ключевые слова

бинарные концепты, концептуальная оппозиция, *СВЕТ* и *ТЬМА*, когнитивные признаки, структура концепта, языковая картина мира

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей

Для цитирования

Сун Ифэй. Репрезентация бинарных концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира на фоне китайского (на корпусном материале периода 2015–2024 годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 20–29. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-20-29

Representation of the Binary Concepts *LIGHT* and *DARKNESS* in the Russian Linguistic Worldview (Based on Social Media Materials from 2015 to 2025)

Song Yifei

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

songvictor@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9121-709X>

Abstract

Purpose. This article presents an analysis of the binary concepts of *LIGHT* and *DARKNESS* in the Russian linguistic picture of the world. The study is based on corpus material covering the period from 2015 to 2025.

© Сун Ифэй, 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 20–29
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 20–29

Results. The material used was social networks contexts with lexemes representing the binary concepts of *LIGHT* and *DARKNESS*. These contexts were extracted from the subcorpora “Social Networks” within the “National Corpus of the Russian Language”. The main cognitive features of the concepts of *LIGHT* and *DARKNESS* were identified by analyzing their core zone, degree of abstraction, opposition in structure and figurative and emotional features. A sample of 2,000 contexts was analyzed for the study.

Conclusion. Conclusions are made that the number of cognitive features of the concepts *LIGHT* and *DARKNESS* based on contexts is presented in the form of a nuclear zone, a perinuclear zone and a peripheral zone, cognitive features of the concepts *LIGHT* and *DARKNESS* with varying degrees of abstraction, features that form oppositions in the structure of the concepts *LIGHT* and *DARKNESS*, as well as features of the concepts *LIGHT*, *DARKNESS* in specific features. In general, this research is innovative and has a developmental impact on the study of linguistic culture. It is also the basis for cross-cultural research and multilingual comparative research.

Keywords

binary concepts, conceptual opposition, *LIGHT* and *DARKNESS*, cognitive features, concept structure, linguistic worldview.

Acknowledgements

This work was funded by China Scholarship Council (CSC)

For citation

Song Yifei. Representation of the Binary Concepts *LIGHT* and *DARKNESS* in the Russian Linguistic Worldview (Based on Social Media Materials from 2015 to 2025). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 20–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-20-29

Цель данной статьи – представить особенности структуры оппозиции *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира на материале социальных сетей периода 2015–2025 гг. Актуальность определяется особым интересом к концептам в современной лингвистике, кроме того, моделирование оппозиций в структуре концептов может сформировать представление о противоположностях в лингвокультуре. Концепты *СВЕТ* и *ТЬМА* имеют особое значение для разных языковых картин мира, так как их образные составляющие связаны с представлением различных сфер, но структура оппозиции *СВЕТ* – *ТЬМА* на основе современных контекстов до сих пор изучена мало.

Объект исследования – лексические репрезентанты концептов *СВЕТ* и *ТЬМА*, предметом исследования является структура оппозиции *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира (далее – ЯКМ).

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы по концептологии, теории языковой картины мира и языковых оппозиций. В рамках исследования мы исходим из представления о том, что описание лингвокультурного концепта позволяет выявить особенности национального мировосприятия [Степанов, 2004], а также из общей схемы анализа когнитивных признаков концепта, предполагающей реконструкцию четкой структуры концепта и набора разноуровневых когнитивных признаков и когнитивных классификаторов [Попова, Стернин, 2007].

Несмотря на распространенность оппозиционных отношений в ЯКМ, общие оппозиции на концептуальном уровне остаются недостаточно изученными. Существуют отдельные работы по концептам *СВЕТ* и *ТЬМА* (например, [Григорьева, 2004; Гуревич, 2005; Садыкова, 2007; Азаренко, 2007; Магомедова, 2009; Гюлумян, 2018]), но эти концепты ранее не рассматривались как целостная оппозиция. Данное исследование продолжает работу по реконструкции общей структуры оппозиции (см. [Сун Ифэй, Берендеева, 2025]).

Материалом послужили 2 000 контекстов с однокоренными словами, которые происходят от лексем *свет* и *тьма*, из подкорпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка¹.

В работе использованы комплекс методов лексической семантики и метод концептуального анализа с выделением когнитивных признаков концептов и вербальным описанием структуры концептов.

Далее рассмотрим результаты исследования поэтапно.

¹ В примерах особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

Первый этап исследования связан с группировкой контекстов на основе сходства и с выявлением когнитивных признаков, представленных в каждой группе, а также с определением частоты каждого признака. Выявленные когнитивные признаки представлены в порядке убывания частоты, статистика приводится для всего периода 2015–2025 гг.

Признаки, формирующие оппозиции в структуре концепта *СВЕТ*.

1. **Источник света (34,1 %)**. Эта группа занимает первое место по статистике, она представлена рядом признаков, связанных с естественным, искусственным или комбинированным светом, т. е. с конкретной, физической, стороной явления: ‘источник света’, ‘природные явления’, ‘светлячки, которые испускают свет’, ‘освещенное место’, ‘свет как условие для комфортного существования’, ‘реакция объекта на свет’, ‘наличие света для действия’, ‘предмет, являющийся источником света’ (всего 341 контекст). Приведем следующие примеры:

По сравнению с остальным лесом в заповеднике тут очень мало низких деревьев, кустарников и вообще много места и света (Александра sandra dey. Фильмы (2019)) (естественный свет в природе, ‘свет как условие для комфортного существования’);

Полная луна светила так ярко, что походила на огромного ночного светлячка (vk (14.09.2015)) (‘светлячки, которые испускают свет’, контекст основан на установлении в ЯКМ сходства между живыми и неживыми источниками света).

2. **Что-то хорошее (16,1 %)**. Эта группа связана в контекстах со следующими признаками: ‘умственные способности’, ‘лучшие качества’, ‘качество человека’, ‘радость, безмятежность, счастье’, ‘польза’, ‘идеал’, ‘надежда’, ‘светлый праздник Пасхи, освящение в религии’, ‘добро’, ‘здоровье’ (всего 161 контекст):

Снова слышал том же лагерь что верит в светлое будущее? (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (25.09.2022)) (‘надежда’).

3. **Связь с распространением знаний, освещением как метафорой видимого умом (11,7 %)**. К данной группе относятся признаки ‘название министерства’, ‘распространение знаний’, ‘освещение, объяснение’ (всего 117 контекстов):

Товарищи, а осветите такой вопрос, почём стрелять есть? (Охота и рыбалка в Воронеже и области. Охотничий клуб (2010–2020)) (‘освещение, объяснение’);

С родителей не должны собирать деньги на ремонт школ, это уголовное дело, заявил министр просвещения России Сергей Кравцов (Бобров Сегодня. Город Бобров (2022)) (‘название министерства’).

4. **Степень окрашивания, цвет (8,6 %)**. К этой группе отнесено 86 контекстов, которые связываются с признаками ‘описание внешности человека’ (в том числе про глаза, волосы, кожу), ‘описание галантерейных товаров’, ‘степень окрашивания, градация цвета’, ‘описание цвета артефактов’:

Даже в «темные времена» ковидной изоляции в нашем баре всегда можно было найти бутылочку-другую светлого или темного норвежского с легко узнаваемой этикеткой (Огни. OGNI. Bar & Kitchen, Воронеж (2022)) (в примере используется также языковая игра, основанная на смешении разных значений лексем *светлый* и *темный*).

5. **Устройство для регулирования движения транспорта и пешеходов (5,3 %)** – изолированный признак, ассоциированный с лексемой *светофор* (всего 53 контекста):

Перекресток нерегулируемый, так как светофор выкл, значит едем по знакам приоритета (schooljaguar. Автошкола Ягуар Воронеж (2022)).

6. **Физические свойства света (4,4 %)**. К этой группе можно отнести 44 контекста с признаками ‘измерение расстояния’, ‘измерение скорости’, ‘светопропускание’, ‘отражение света’, ‘излучение света’, ‘спектр света’, ‘интенсивность света’:

Особенно хорошо различим он в рентгеновском свете (47256091. vk 47256091 (07.12.2019)) (‘спектр света’).

7. **Светящийся предмет (4,3 %)**. Эта группа связана с признаком предмета (всего 43 контекста):

*А если у вас нет камина, то купите много **свечей** и особое, романтичное настроение обеспечено* (Университет СИНЕРГИЯ Воронеж. Образование (2019)).

8. Электричество (3 %). К этой группе относится всего **30** контекстов:

*Судя по всему, Вам там не только **свет** отключили, но и кислород перекрыли* (Наш космос 2 (2018–2021)).

9. Время суток (2,8 %). Эта группа связана с признаками ‘начало восхода солнца’, ‘период от восхода до захода солнца’ (всего **28** контекстов):

*Чиновники предупреждают, что в **светлое** время суток иллюминация не такая красивая, как вечером* (Черноземец. Новости, общественная жизнь, развлечения (2019)) (‘период от восхода до захода солнца’).

10. Способность видеть и ее метафорическое осмысление (2,7 %). К этой группе относятся признаки ‘показ чего-либо’, ‘связь с точкой зрения’ (всего **27** контекстов):

*Вопрос конечно не по теме, в **свете** последних событий – есть ли проблема с оплатой из России?* (tvOS (AppleTV4/4K). telegram tvOS (AppleTV4/4K) (28.02.2022)) (‘связь с точкой зрения’).

11. Названия (лексемы **светлый, свет, рассвет и т. п. порождают символы с положительным значением) (1,9 %).** Представлено всего **19** контекстов, например:

*Форум проводится совместно с благотворительным фондом «Подари солнечный **свет**»* (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект (2022)) (название фонда, внутренняя форма основана на положительных коннотациях).

12. Отсутствие света как источник связи, с негативным значением (1,3 %). Здесь представлен единственный признак ‘отсутствие надежды’ в период 2015–2019 гг., в более поздних примерах он не репрезентирован (всего **13** контекстов):

*Если мне ничего не **светит**, от прекрасной половины, то наверно уйду в работу* (Радости суперсвободных (2016–2020)) (‘отсутствие надежды’, признак во всех случаях репрезентирован через отрицательную конструкцию).

13. Свет в художественном понимании (1,1 %). К этой группе отнесено **11** контекстов, которые связываются с признаками ‘свет в искусстве’, ‘свет в технике фотографии’:

*Конечно, «импрессионизм» имеет внутри себя различные направления и школы, но главное понятие, объединяющее художников – это стремление зафиксировать впечатление, эмоцию в произведении и постараться сильное эмоциональное чувство передать зрителю, посредством цветовых и **световых** ощущений* (likivrn. Искусство (2022)) (‘свет в искусстве’).

Далее приведем группы признаков, формирующих оппозиции в структуре концепта *ТЬМА*, т. е. являющихся симметричными каким-то из признаков концепта *СВЕТ*:

1. Степень окрашивания, цвет (48,5 %). Эта группа является наиболее часто репрезентируемой и включает признаки ‘болезнь’, ‘описание внешности человека (про глаза, волосы, кожу и т. д.)’, ‘степень окрашивания, градация цвета’, ‘характеристика продукции’, ‘связь с экраном, обоями телефона или компьютера’, ‘характеристика цвета, без указания спектра’ (всего **485** контекстов):

*Окраска цветков очень разнообразная (белая, розовая, кремовая, желтая, оранжевая, двух- и трехцветная, красная и **темно-бордовая**, почти черная)* (Садовые растения (2009–2020)) (‘степень окрашивания, градация цвета’).

2. Отсутствие света (21,1 %) связано с признаками ‘плохо освещенное место’ и ‘боязнь темноты’ (всего **211** контекстов), например:

*У ребенка недавно появились страхи оставаться одной в своей комнате и боязнь **темноты*** (Валентина Артемчук. Дневники Валентины – Ангела света (2019)).

3. Что-то плохое (14,8 %). К данной группе отнесено **148** контекстов. Группа связана со следующими признаками: ‘плохая сторона, о которой мы не знали’, ‘темный аспект личности’, ‘что-то тайное’, ‘неправомерные действия’, ‘неизвестное, скрытое’, ‘плохое в прошлом’, ‘абстрактные представления о зле’, ‘тьма в душе’, ‘времена хаоса’, ‘период трудностей’:

*И даже в самой **темной** душе я пытаюсь разглядеть свет* (Екатерина Покусаева. Катя Покусаева Стилист (25.05.2020)) ('темный аспект личности', акцентировано противопоставление).

4. Время суток (8,2 %). Эта группа связана с признаками 'темное время суток (градация от 'начинает темнеть', 'уже темнеет' до 'темная ночь')', 'начало восхода солнца', 'видимость' (всего 82 контекста):

*лучше в суб. или воск. с 8.00 и до **темноты**. В будние практически каждый день силовики на 100 метрах тренируются, другие направления свободны* (Охота и рыбалка в Воронеже и области. Охотничий клуб (2010–2020)) ('начинает темнеть').

5. Представление о незнании (незнание – плохое, не освещает, не делает понятным и известным) (4,3 %). В этой группе всего 43 контекста с признаками 'невежество, глупость и отсталость', 'невежество, незнание', 'бескультурье', 'непрямой стиль коммуникации':

*странно она у них считает) для меня их расчеты **темный лес*** (Работа в такси (2007–2021)) ('незнание').

6. Название (лексемы *темный*, *тьма* порождают символы с негативным значением) (1,8 %), 18 контекстов, только в период 2015–2020 гг.:

*Статья Добролюбова «Луч света в **тёмном** царстве» (по «Грозе» Островского) (Черномазова Д. А. Наука, образование (2022)) ('название статьи', прецедентное выражение, основанное на противопоставлении).*

7. Физическая теория (1,1 %). Группа представлена признаками 'гипотетический вид энергии' и 'гипотетическая форма материи', только в период 2020–2025 гг. (всего 11 контекстов):

*космос покорили? Объяснили **тёмную** материю? Мы: смерть или тюрьма...* (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (23.09.2022)).

8. Представление о неожиданно сильных качествах и победе (0,2 %):

*Смартфон от «**тёмной** лошадки» – владелец брендов Alcatel и Blackberry китайской TCL* (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (05.09.2019)).

Составляющие рассматриваемых концептов соотносятся с категориями, охватывающими как физические, так и эмоциональные аспекты, кроме того, контексты, выражающие противопоставление, составляют почти все признаки концепта *ТЬМА*, однако концепт *СВЕТ* обладает более широкими самостоятельными характеристиками. Так, в структуре обоих концептов есть представление о бытовом аспекте наличия или отсутствия света, о физической теории и свойствах света, о времени, градации цвета, метафорическом понимании связи света с известной информацией, об эмоционально-образной ассоциации шкалы света со шкалой *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ*, а также о следующей из этой связи тенденции к формированию прецедентных текстов и онимов. Это подтверждает, что концепты *СВЕТ* и *ТЬМА* можно рассматривать как единый ментальный комплекс.

На втором этапе исследования все признаки концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* разделены на ядерные, околоядерные и периферийные. Распределение проведено на основе показателей частотности: три признака, которые в контекстах составляют более 10 % от общего количества, отнесены к ядерной зоне, признаки, составляющие от 2 до 10 %, – к околоядерной зоне, остальные признаки отнесены к периферийным. Далее приведем все выявленные когнитивные признаки в порядке убывания частотности.

Ядерные признаки концепта *СВЕТ*:

- 1) 'источник света' (*солнечный свет, источник света, светить, естественное освещение, яркий светильник*) – 34,1 %;
- 2) 'что-то хорошее' (*светлый человек, светлая сторона, истинный свет, светлый сон, светлое будущее, Светлая седмица*) – 16,1 %;
- 3) 'связь с распространением знаний' (*уровень просвещения, центр просвещения, просвещенная голова, вопрос не освещён, освещение глубины проблемы*) – 11,7 %.

Ядерные признаки концепта *ТЬМА*:

- 1) 'степень окрашивания, цвет' (*тёмный режим, тёмно-синий, тёмная кожа, тёмный шоколад, тёмные очки*) – 48,5 %;
- 2) 'отсутствие света' (*в тёмных подвалах, тёмная комната, тёмная улица*) – 21,1 %;
- 3) 'что-то плохое' (*тёмная сторона жизни, в сердце тьма, внутренняя тьма, тёмная душа, тёмное прошлое*) – 14,8 %.

Околоядерные признаки концепта *СВЕТ*:

- 1) 'степень окрашивания, цвет' (*светловолосый мальчик, светлые глаза, светлая кожа, светлые тени, светлый свитер, светло-желтый*) – 8,6 %;
- 2) 'устройство для регулирования движения транспорта и пешеходов' (*на светофоре, зелёный, жёлтый, красный свет*) – 5,3 %;
- 3) 'физические свойства света' (*скорость света, световой год, светопропускаемость, отражённый свет*) – 4,4 %;
- 4) 'сияющий предмет' (*световой меч, свечка, светлячок*) – 4,3 %;
- 5) 'свет как электричество' (*свет отключили, квитанция за свет, отрубают свет*) – 3 %;
- 6) 'время суток' (*на рассвете, от заката до рассвета, в светлое время суток*) – 2,8 %;
- 7) 'способность видеть' (*светиться в телевизоре, в свете решений*) – 2,7 %;
- 8) 'отсутствие света как источник связи с негативным значением' (*никаких просветов не видать, не светит ничего*) – 1,3 %.

Околоядерные признаки концепта *ТЬМА*:

- 1) 'время суток' (*тёмное время суток, начало темнеть, до темноты, наступление темноты*) – 8,2 %;
- 2) 'представление о незнании' (*тёмный лес, я тёмная, говорить темно*) – 4,3 %.

Периферийные признаки концепта *СВЕТ*:

- 1) 'название' (*светлый путь, луч света, рассвет*) – 1,9 %;
- 2) 'свет в художественном значении' (*свет классно лег, хороший свет*) – 1,1 %;
- 3) 'разрешение, возникновение возможности' (*зона зеленого света*) – 0,7 %;
- 4) 'связь со строительством' (*пять световых осей, две 17-этажные «свечки»*) – 0,5 %;
- 5) 'щель, расстояние между объектами' (*выложил в просвет кирпич, не должно быть просветов*) – 0,7 %.

Периферийные признаки концепта *ТЬМА*:

- 1) 'название' (*тёмная сторона луны, «тёмный рыцарь»*) – 1,8 %;
- 2) 'физическая теория темноты' (*тёмная материя и тёмная энергия*) – 1,1 %;
- 3) 'представление о неожиданно сильных качествах и победе' (*тёмная лошадка*) – 0,2 %.

Концепты имеют четко выраженное ядро и расширяющуюся область ассоциаций: свет прежде всего ассоциируется с физическим источником как с положительным явлением и символом знания, а тьма рассматривается как отсутствие света и развивает преимущественно негативные коннотации, однако околоядерные и периферийные признаки демонстрируют амбивалентность и связь с различными сферами жизни и деятельности.

Третий этап исследования связан с определением таких особенностей выявленных признаков, как степень абстракции, их образный или эмоциональный характер.

Далее представим выявленные признаки, классифицируя их по степени абстрактности – от наиболее конкретных до наиболее абстрактных (см. таблицу).

Таким образом, в русской ЯКМ концепт *СВЕТ*, в отличие от концепта *ТЬМА*, имеет более тесную связь с материальным миром и повседневной реальностью, развивая множество конкретных и нейтральных признаков. Эта связь проявляется как на физическом уровне, где *СВЕТ* ассоциируется с источниками света, так и на психологическом, символизируя позитивные ценности, знания и добро. Хотя концепт *ТЬМА* также связан с абстрактными понятиями, он в меньшей степени отражает связь с конкретными объектами повседневной жизни.

Когнитивные признаки концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* с разной степенью абстракции
 Cognitive features of the concepts *LIGHT* and *DARKNESS* with different degrees of abstraction

Степень	Признаки <i>СВЕТ</i>		
Конкретные	свет как лампа устройство для регулирования движения транспорта и пешеходов сияющий предмет		
Нейтральные	источник света степень окрашивания цвет время суток физические свойства света свет в художественном значении связь со строительством щель расстояние между объектами свет как электричество		
Абстрактные	что-то хорошее связь с распространением знаний освещение как метафора видимого умом свет как источник связи с негативным значением способность увидеть разрешение возникновение возможности		
<i>ТЬМА</i>			
Конкретные	отсутствие света степень окрашивания цвет время суток физическая теория болезнь интенсивность света в искусстве		
Абстрактные	что-то плохое представление о незнании представление о хорошем потеря сознания		

Далее, основываясь на ключевых признаках ‘источник света’ и ‘отсутствие света’, рассмотрим в контекстах те лексические единицы, которые представляют первичное образное восприятие света и темноты, рецепцию через органы чувств и связанные с ней эмоции воспринимающего субъекта, разделим выявленные единицы, сочетающиеся в контексте с представителями концептов *СВЕТ* и *ТЬМА*, на ядерные и периферийные в зависимости от частоты использования.

Лексемы, формирующие ряд «освещение, свет»

Ядерная группа: *включаться, включать / включить, включенный, выключеный, выключать / выключить, гореть, отключить, просторно, солнышко, просторный, солнце, плохой, солнечный, яркий, ярко*. Периферийная группа: *больше, достаточно, достаточный, мало, много, неважно, недостаток, хороший, хорошо, воздух, праздничный, любовь, тепло, теплый,*

красиво, красивый, уютно, уютный, луна, лунный, весна, дневной, счастливый, жарко, нежный, удобный, комфортный.

Лексемы, формирующие ряд «затемнённый, темный, темнота, тьма»

Ядерная группа: *страх, прохладный, страшный, тишина, бояться, боязнь, один, пустота, страшно, сухой, жуткий, жутко, жутковато, холод / холодно, холодный*. Периферийная группа: *страдать, устать, боль, быть одному, кошмар, неходить, пауки, потерянный, смелый, ярость, друг, нескучно, красота*.

Таким образом, интенсивность света, особенно естественного, вызывает физические ощущения тепла и создает комфортную атмосферу, в то время как отсутствие света создает ощущение холода, темноты и тишины, что может вызывать негативные эмоции, такие как страх, одиночество и ощущение пустоты. Отметим, что выделенные выше периферийные лексемы подтверждают амбивалентность концепта *ТЬМА* и его возможную связь с положительными эмоциями.

Далее рассмотрим особенности симметричных конкретных признаков ('время суток' и 'цвет'), формирующих шкалу в пределах оппозиции.

1. Представления о времени суток включают множество переходных фаз, в которых граница между контрастными концептами *СВЕТ* и *ТЬМА* стирается. Представим данный скалярный признак через группы лексем и типичных фрагментов контекстов: *было ещё очень темно → в предрассветной тьме → рассвет → ни свет ни заря → по световому дню → после работы светлого времени остается мало → скоро начинает темнеть → станет темно → начало темнеть → уже темно → вышла уже по темноте → глядя в темную холодную ночь → проснулся в полной темноте ночи*.

2. Градацию яркости света и цвета также проиллюстрируем фрагментами контекстов: *Свет светит во тьме, и тьма не поглотила Его → устанавливаем на светлом подоконнике → освещенные села → в квартире темновато освещение → темно в комнате, Свет светит во тьме, и тьма не поглотила Его → вокруг кромешная темнота; светлые волосы → менять цвет волос, делать их светлее → а я люблю светло-синие → она в возрасте, в темно-зелёном платке → чем животное старше, тем темнее мясо → тёмная тема в Google Pay*.

Анализ контекстов показывает, что при описании времени суток чаще всего репрезентируется концепт *ТЬМА*: например, представление о темной ночи репрезентировано в 8,2 % выборки, а о светлом дне – только в 2,8 %. Однако в описаниях переходных периодов, таких как рассвет и сумерки, наблюдается двойственность: уровень освещения может быть описан с помощью репрезентантов обоих концептов.

Концепты *СВЕТ* и *ТЬМА* соотносятся в ЯКМ не только с яркостью, но и с цветом. С точки зрения яркости *СВЕТ* обозначает достаточную освещенность, а *ТЬМА* – ее отсутствие, образуя противоположные полюса шкалы с промежуточными степенями освещенности, такими как *светлый / освещенный, темновато, темно*, при этом *тьма* и *темнота* выступают как синонимы, обозначая полное отсутствие видимого света. Важно отметить, что сравнительные степени (*светлее, темнее*) используются преимущественно для характеристики насыщенности цвета, но не для описания степени видимости.

Проведенное исследование концептуальной оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* позволило выявить следующие особенности этих бинарных концептов.

1. Структурная асимметрия концептов: *СВЕТ* демонстрирует более сложную иерархию признаков с преобладанием конкретно-материальных ассоциаций ('источник света', 'цвет', 'физические свойства'), что отражает его укорененность в повседневном опыте. *ТЬМА* тяготеет к абстрактно-символическим признакам ('негативные эмоции', 'незнание'), но ядро формируется через конкретные признаки, связанные с цветом (48,5 %) и отсутствием света. С этим связана асимметрия зон: у концепта *СВЕТ* шире околовидерная зона (8 признаков против двух у концепта *ТЬМА*).

2. Различия в степени абстрактности и выражении культурной специфики: *СВЕТ* совмещает конкретные (*лампа, светофор, свеча*) и абстрактные (*добро, знание*) признаки; *ТЬМА* сохраняет связь с абстракцией даже в ядерных признаках ('цвет'), что отражает вторичную роль этого концепта как антитезы концепту *СВЕТ*. В русской лингвокультуре *СВЕТ* устойчиво ассоциируется с позитивными ценностями (16,1 % контекстов), тогда как *ТЬМА* маркирует негативные (14,8 %), однако случаи амбивалентности указывают на двойственность концептов.

3. Противопоставление и взаимодействие: основу пары концептов составляет оппозиция, что соответствует универсальным бинарным моделям. Отметим парадоксальное пересечение: в описании переходных состояний (*рассвет, сумерки*) и цветовых характеристик оба концепта проявляют синкретизм, что отражается в таких элементах, как *предрассветная тьма* (пространственно-временная нейтральность), *темно-зелёный* (цвет как зона совмещения состояний).

4. Наличие противопоставленных эмоционально-образных маркеров: *СВЕТ* коррелирует с лексикой позитивных эмоций (*тепло, уют, счастье*), физического комфорта и визуальной ясности; *ТЬМА* ассоциируется со страхом, одиночеством, пустотой, но в отдельных контекстах приобретает эстетическую или интроспективную ценность (*красота темноты, тишина ночи*).

Таким образом, оппозиция концептов *СВЕТ – ТЬМА* в русской ЯКМ предстает как динамичная система, сочетающая универсальные бинарные паттерны и культурно обусловленную символику.

Список литературы

- Азаренко Н. А.** Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира Ф. М. Достоевского: на материале романа «Преступление и наказание»: Дис. ... канд. филол. наук. Липец, 2007. 248 с.
- Григорьева Т. В.** Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 253 с.
- Гуревич А. Г.** Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 168 с.
- Гюлумян Л. К.** Концепты СВЕТ и ТЬМА и средства их вербальной манифестации в художественной модели мира Л. Н. Андреева: Дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2018. 220 с.
- Магомедова Н. А.** Семантическое пространство концептов «свет» и «тьма» в лезгинском и французском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 209 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 315 с.
- Садыкова М. А.** Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах священного писания: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 159 с.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Сун Ифэй, Берендеева М. С.** Структура концептуальной оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* в русской языковой картине мира по данным ассоциативного эксперимента (на фоне китайской оппозиции *光明 – 黑暗*) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 223–237.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 13.01.2025).

References

- Azarenko N. A.** Kontseptualizatsiya sveta i t'my v yazykovoi kartine mira F. M. Dostoevskogo: na materiale romana “Prestuplenie i nakazanie” [Conceptualization of Light and Darkness in F. M. Dostoevsky’s Linguistic Worldview: Based on the Novel “Crime and Punishment”]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Lipets, 2007, 248 p. (in Russ.)
- Grigorieva T. V.** Semanticheskaya interpretatsiya kontseptov “Svet” i “T'ma” v russkom yazyke [Semantic Interpretation of the Concepts “Light” and “Darkness” in the Russian Language]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Ufa, 2004, 253 p. (in Russ.)
- Gurevich A. G.** Kontsept sveta i t'my v russkoj i angliiskoj yazykovykh kartinakh mira [The Concept of Light and Darkness in the Russian and English Linguistic Worldviews]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Makhachkala, 2005, 168 p. (in Russ.)
- Gyulumyan L. K.** Kontsepty SVET i T'MA i sredstva ikh verbal'noi manifestatsii v khudozhestvennoi modeli mira L. N. Andreeva [The Concepts of LIGHT and DARKNESS and the Means of their Verbal Manifestation in L. N. Andreev's Artistic Model of the World]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Armavir, 2018, 220 p. (in Russ.)
- Magomedova N. A.** Semanticheskoe prostranstvo kontseptov “svet” i “t'ma” v lezginskom i frantsuzskom yazykakh [The Semantic Space of the Concepts “Light” and “Darkness” in the Lezgin and French languages]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Makhachkala, 2009, 209 p. (in Russ.)
- Popova Z. D., Sternin I. A.** Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007, 315 p. (in Russ.)
- Sadykova M. A.** Lingvokul'turnyi analiz mifologizirovannykh kontseptov “svet / light” i “t'ma / darkness” v tekstakh svyashchennogo pisaniya [Lingvocultural Analysis of the Mythologized Concepts “Light” and “Darkness” in Sacred Scripture Texts]. Thesis of Cand. Philol. Sci. Izhevsk, 2007, 159 p. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 992 p. (in Russ.)
- Song Yifei, Berendeyeva M. S.** Struktura kontseptual'noi oppozitsii SVET – T'MA v russkoi yazykovoi kartine mira po dannym assotsiativnogo eksperimenta (na fone kitaiskoi oppozitsii 光明 – 黑暗) [The Structure of the Conceptual Opposition LIGHT – DARKNESS in the Russian Linguistic Worldview According to Associative Experiment Data (on the Background of the Chinese Opposition 光明 – 黑暗)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 223–237. (in Russ.)

List of Sources

National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 13.01.2025).

Информация об авторе

Сун Ифэй
SPIN 3301-2898

Information about the Author

Song Yifei
SPIN 3301-2898

Статья поступила в редакцию 26.01.2025;
одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 29.05.2025
The article was submitted 26.01.2025;
approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 29.05.2025

Научная статья

УДК 811.161.1'37
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-30-40

Неогастронимы вьетнамского происхождения в русском языке

Фан Нгок Шон

Институт социально-гуманитарных наук
Хошимин, Вьетнам
Вьетнамский национальный университет г. Хошимина
Хошимин, Вьетнам
phanson@hcmussh.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0001-6461-1140>

Аннотация

Рассматриваются русские неологизмы, появившиеся в рамках вхождения паназиатской кухни, особенно вьетнамской, в русскую культуру. Цель работы состоит в выявлении образованных во время распространения вьетнамской кухни в России неологизмов, уточнении их словообразовательных, грамматических, семантических, pragматических особенностей. Материалом для исследования послужили русскоязычные СМИ, сайты о вьетнамской кухне и туристические форумы. В работе используются метод контекстного анализа, метод компонентного анализа для выявления лексических значений неологизмов. В результате исследования выявлено семь лексем, которые появились в ходе распространения вьетнамской кухни в России. С лексической точки зрения данные неологизмы напрямую связаны с заведениями торговли вьетнамскими блюдами и популярным среди гурманов в России супом фобо. В данной работе раскрывается употребление неологизмов-гастронимов в разных контекстах.

Ключевые слова

вьетнамская кухня, неологизм, русский язык, неогастроним, Вьетнам

Для цитирования

Фан Нгок Шон. Неогастронимы вьетнамского происхождения в русском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 30–40. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-30-40

Neogastronyms of Vietnamese Origin in the Russian Language

Phan Ngoc Son

University of Social Sciences and Humanities
Ho Chi Minh City, Vietnam
Vietnam National University, Ho Chi Minh City
Ho Chi Minh City, Vietnam
phanson@hcmussh.edu.vn, <https://orcid.org/0000-0001-6461-1140>

Abstract

Purpose. This article examines the neologisms in the Russian language that were created during the assimilation of Pan-Asian cuisine into Russian culture, with a particular focus on Vietnamese cuisine that emerged. The aim of the investigation is to identify Russian neologisms that were developed during the dissemination of Vietnamese cuisine in Russia, as well as to clarify their word-formation, grammatical, semantic, and pragmatic characteristics. The research

© Фан Нгок Шон, 2025

material comprised Russian-language media, Russian-language websites regarding Vietnamese cuisine, and Russian-language tourist forums. The lexical meanings of neologisms are identified in the paper through the use of the contextual analysis method and the component analysis method.

Results. Seven lexemes were identified that emerged during the dissemination of Vietnamese cuisine in Russia. The neogastronym group is formed in two ways: semantic (1 lexeme) and word-formation (6 lexemes) from the perspective of the neologism formation method. The phobo soup, a popular choice among gourmets in Russia, and establishments that sell Vietnamese cuisine are directly associated with these neologisms from a lexical perspective. This work divulges the use of neologisms that signify catering in a variety of contexts.

Conclusion. The examination of neologism-gastronyms of Vietnamese origin in the Russian language generally suggests a new phase in the evolution of Vietnamisms, as they have the potential to generate derivatives in the Russian language.

Keywords

Vietnamese cuisine, neologism, Russian language, neogastronym, Vietnam

For citation

Phan Ngoc Son. Neogastronyms of Vietnamese Origin in the Russian Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 30–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-30-40

В России в последние десять лет наблюдается настоящий бум паназиатской, особенно вьетнамской, кухни. Об этом свидетельствует появление рекордного числа заведений вьетнамской еды в России в последнее время [Коновалова, 2020]. Данный процесс нашел отражение и в русском языке. Речь идет о появлении новых лексических единиц – неологизмов, напрямую связанных с вьетнамской гастрономией. Для обозначения слов, которые являются неологизмами и относятся к гастрономической области, употребляется термин «неогастроним» [Яковлева, 2018]. Именно неогастронимы и стали предметом данного исследования.

Еще 15 лет назад значение слова *фошная* было бы непонятно для среднестатистического жителя России. Вот что пишет об этом казанский интернет-портал: «Простой вопрос, но только не в 2010 году. Слово “фошная” для казанца из прошлого здесь как икс в уравнении – неизвестное»¹. В данном контексте зафиксировано появление группы неогастронимов вьетнамского происхождения в русском языке.

Наряду со словом *фошная*, в русском языке появились также другие неологизмы, представляющие концепт *ВЬЕТНАМСКАЯ КУХНЯ*. Внутри этой группы неологизмов создаются особые словообразовательные, грамматические и семантические связи. Изучение данных лексических нововведений позволяет систематизировать лексемы соответствующей тематической группы, которая сформирована на основе разных источников, включающих СМИ, форумы, рекламные тексты и др.² Далее рассмотрим состав исследуемой группы слов и отношения между ними.

В научном дискурсе в последнее время отмечается ряд работ, посвященных лингвистическим изменениям, происходящим в эпоху бурного распространения вьетнамской кухни. В работе «О проблемах перевода прямой речи во вьетнамских художественных текстах» слово *фошица* заключается в кавычки, это отражает его статус неологизма: «В диалоге речь идет не о названиях супа фо, а о названиях улиц, на которых расположены известные в городе “фошицы”» [Бритов, 2018, с. 142]. Несмотря на то что в данной работе не рассматриваются лингвистические особенности неологизма *фошица*, упоминание лексемы свидетельствует о ее включении в сферу возможных объектов лингвистического описания.

Авторами Тх. Н. Хо и Н. Г. Брагиной в 2020 г. был проанализирован языковой ландшафт Москвы на примере вьетнамской лексики. В рамках исследования авторы изучили вьетнамские наименования блюд в ресторанах столицы и отметили вхождение заимствованных гастронимов в русский язык следующим образом: «В словарном обиходе чаще всего встречаются такие названия вьетнамских блюд, как “фо бо”, “фо га”, “нем”, “гой куон”, “бун ча” и т. д. Транслитерируются также и другие названия блюд, встречающиеся реже вышеупомянутых» [Хо, Брагина, 2020, с. 237]. Список указанных кулинарников говорит о том, что

¹ URL: <https://e-kazan.ru/news/show/44610> (дата обращения 10.07.2024).

² Примеры приводятся с сохранением особенностей орографии и пунктуации источника.

вьетнамская кухня в России представлена довольно широко, и именно это стало основой для появления связанных с вьетнамской культурой неологизмов.

В 2023 г. Е. Н. Ильиной и другими исследователями были описаны особенности лингвистических и литературных ландшафтов разных городов России, включая ономастические особенности ресторанов. Отмечено, что наряду с другими номинациями заведений, такими как *кафе*, *ресторан* и др., для указания на общепит вьетнамской еды употребляется слово *фобошная*, его описание в данной работе можно считать первым появлением лексемы в научном дискурсе [Ильина и др., 2023].

В работе «Вьетнамские заимствования – кулинарные в русскоязычных СМИ» группа авторов выделила вьетнамские заимствования среди наименований блюд, а также выявила их графические, семантические и грамматические особенности в русском языке. Слово *фобошная* определяется авторами как рестораном, отмечены также прилагательные *фошная* и *фошный* как номинации заведений вьетнамской кухни либо набора признаков, связанных с этими заведениями. Однако следует учесть, что в работе изучались только русскоязычные СМИ, которые не отражают все существующие лингвистические изменения таких лексем [Фан и др., 2024].

Цель настоящей работы состоит в выявлении неологизмов, которые зародились в период популярности вьетнамской кухни на российском рынке, а также в определении их семантических, грамматических, словообразовательных и pragматических особенностей.

Материалом данной работы послужили контексты из русскоязычных СМИ, сайтов о вьетнамской кухне и туристических форумов, включающие образованные в период распространения вьетнамской кухни в России неологизмы-гастронимы с русскими аффиксами. В результате сплошной выборки по указанному материалу выявлено 7 неологизмов в 197 словоупотреблениях, контексты с этими неологизмами из различных интернет-источников составили главную выборку исследования. Кроме того, для уточнения семантики лексемы *вьетнамка* в работе использованы контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (всего 73 словоупотребления из 46 контекстов), а к анализу семантического освоения лексемы *фобо*, от которой образован ряд неологизмов, привлекались контексты, собранные с помощью платформы Google³ (всего 78 единиц с выражением *фобо с курицей*).

Далее рассмотрим основные результаты исследования. На основе материала интернет-ресурсов выявлено семь неогастронимов, появившихся в период распространения вьетнамской кухни в России: *вьетнамка*, *фошная*, *фошный*, *фобошная*, *фобошный*, *фошица* и *фобошица*. С точки зрения частеречной принадлежности можно разделить их на 2 группы: существительные и прилагательные.

1. В группу существительных-неогастронимов входит слово *вьетнамка*, которое давно появилось в русском языке, его можно обнаружить в лексикографических источниках и в НКРЯ. В словаре Ожегова зафиксировано только значение ‘гражданка Вьетнама’ (Ожегов, Шведова, 2008), в то время как в НКРЯ по ключевому слову *вьетнамка* можно найти 73 примера в 46 контекстах, в которых реализовано два значения – ‘гражданка Вьетнама’ и ‘обувь’. Для иллюстрации проведем следующие примеры (пример 1 представляет значение ‘гражданка Вьетнама’, пример 2 – ‘обувь’):

(1) Маленькая *вьетнамка* с винтовкой наизготове конвоировала высоченного американского детину в белом мятом костюме» (И. Сахновский. Заговор ангелов. М.: АСТ, Астрель, 2009).

(2) Она думает, зачем пришел этот, во *вьетнамках* (Галина Щербакова. Кровать Молотова. М.: Вагриус, 2001).

Анализ примеров из НКРЯ показывает, что отличие этих двух вариантов лексемы *вьетнамка* заключается в частотности их употребления по категории числа: *вьетнамка* в значении ‘обувь’ употребляется только в форме множественного числа. Различия в грамматической парадигме свидетельствуют об их омонимичном статусе в современном русском языке,

³ URL: <https://bom.so/74H4om> (дата обращения 24.01.2025).

а статистика использования этих лексем – о степени их проникновения в различные русскоязычные источники – в СМИ, художественную литературу и т. д.

В эпоху популяризации вьетнамской кухни в России в гастрономической практике лексема *вьетнамка* получила новое значение, что определило ее статус семантического неологизма: в современных контекстах данная лексема стала использоваться в значении ‘заведение вьетнамской кухни’. Для примера приведем следующие контексты из статей о вьетнамской кухне в Новосибирске и Томске из основной выборки материала.

Для России такая плотность «вьетнамок» – выдающаяся⁴.

Рост количества «вьетнамок» объясняется прежде всего реальным спросом на такие заведения со стороны новосибирской публики⁵.

Начало бума вьетнамской кухни в России положили Даниловский рынок в Москве и «вьетнамка» на нем, стилизованная под уличную точку на каком-нибудь рынке⁶.

«Вьетнамки» в этом месяце обогнали даже точки с грузинской кухней (их сейчас 45)⁷.

Даже заведение с вьетнамской кухней здесь отличается от обычных *вьетнамок*, которых в городе уже больше трёх десятков⁸.

Томские «вьетнамки»: пять заведений, где можно попробовать не только Фо Бо⁹.

Значение, реализованное в этих контекстах, практически не связано с ранее зафиксированными значениями лексемы *вьетнамка*, потому можно сделать вывод о дальнейшем формировании омонимии.

К этой же группе можно отнести другие номинации заведений вьетнамской кухни. Как было установлено ранее на основе русскоязычных СМИ, слово *фошина* произведено от кулинаронаима *фо* путем словообразовательной деривации. В качестве примера использования этой лексемы можно привести следующие контексты:

В итоге за первую половину 2018-го в Казани открылось сразу пять *фошиных*¹⁰.

На днях в техническом режиме в Казани открылась *фошина* Chợ – в переводе с вьетнамского «ба-зар»¹¹.

Вскоре после этого в городе появилось индийское кафе Ostro, а за полгода 2018-го открылось сразу пять *фошиных*¹².

Надеемся, что *фошиные* не повторят судьбу бургерных, заполонивших весь город, ведь в мире так много кухонь, которые пока не представлены в Казани¹³.

Будучи субстантивом женского рода, это слово обозначает общепит вьетнамской кухни. В российском пространстве «фошина» понимается как место торговли характерными для российского рынка вьетнамскими блюдами: *фо, нэм, бунча, бульбоа, бульми, немкуон* и т. п., при этом блюдо «фо» занимает господствующую позицию с коммерческой точки зрения [Фан и др., 2024].

В значении ‘заведение вьетнамской еды’ стал использоваться в русском языке и другой неологизм – *фобошина*. Появление синонимического ряда со значением ‘общепит вьетнамской кухни’ отражает заметный рост интереса к вьетнамской культуре в российском обществе. При разборе данной лексемы можно выделить корень *фобо-*, который используется для

⁴ URL: <https://ngs.ru/text/business/2023/10/17/72814559/> (дата обращения 25.07.2024).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ URL: <https://ngs.ru/text/food/2024/04/25/73502792/> (дата обращения 25.07.2024).

⁸ URL: <https://ngs.ru/text/food/2024/02/04/73183277/> (дата обращения 25.07.2024).

⁹ URL: <https://obzor.city/article/667798---tomskie-vietnamki-pjat-zavedenij-gde-mozhno-poprobovat-ne-tolko-fo-bo/> (дата обращения 25.07.2024).

¹⁰ URL: <https://inde.io/article/14715-rybnyy-sous-dlya-fo-to-zhe-cto-smetana-dlya-borsch-a-etnicheskie-vietnamtsy-testiruyut-kazanskie-foshnye/> (дата обращения 15.07.2024).

¹¹ URL: <https://entermedia.io/food/fo-bo-mangovuj-shejk-i-uyutnyj-dvorik-v-kafe-vietnamskoj-kuhni-cho/> (дата обращения 15.07.2024).

¹² URL: <https://inde.io/article/14305-v-kazani-vse-est-sem-barov-restoranov-kafe-i-foshnyh-otkryvshih-sya-v-pervoy-polovine-leta/> (дата обращения 15.07.2024).

¹³ URL: <https://inde.io/article/14715-rybnyy-sous-dlya-fo-to-zhe-cto-smetana-dlya-borsch-a-etnicheskie-vietnamtsy-testiruyut-kazanskie-foshnye/> (дата обращения 15.07.2024).

наименования заведения еды с различными вьетнамскими блюдами. Можно сказать, что *фобо* играет доминирующую роль среди других продаваемых на российском рынке вьетнамских блюд. Новое слово можно увидеть в следующих фрагментах статей:

Одна из первых сетевых *фобошных* в Москве¹⁴.

Модная *фобошная* работает в формате полноценного кафе во дворе Столешникова переулка¹⁵.

Кроме того, сегодня в русском языке все чаще можно встретить названия *фошица* и *фобошица*, обозначающие кафе или ресторан вьетнамской еды. В их основе также лежат корни вьетнамского происхождения *фо-*, *фобо-*. Приведем примеры употреблений данных неогастронимов в СМИ:

В расположенной рядом популярной «*фошице*» дела тоже идут не так бойко, как раньше¹⁶.

Популярная вьетнамская кухня в целом, и особенно формат заведений с вьетнамским стритфудом, так называемые *фошицы*, первой из которых пять лет назад стало кафе Lao Lee, – рассказывает Леонид Калыниченко, управляющий партнер теперь уже сети Lao Lee¹⁷.

За аутентичную еду здесь отвечает Занг Нгуен, воплотившая в жизнь лучшие традиции стрит-фуда ханойских «*фошиц*»¹⁸.

2. Ко второй группе отнесены неологизмы, являющиеся именами прилагательными. Было выделено две лексемы – *фошиный* и *фобошный*, чаще всего эти слова можно найти на сайтах о туризме или о продукции вьетнамского происхождения. Слово *фошиный* приобрело новое значение, которое можно сформулировать как ‘относящийся к супу *фо*’. В качестве примера можно привести следующий контекст из отзыва посетителя вьетнамского кафе:

Не вкусная, не дешевая еда. Вок из *фошиной* лапши с соевым соусом¹⁹.

Отметим, что здесь *фошиный* отражает отношение к блюду «*фо*». Таким образом, лексема *фошиный* также является полисемантом в русском языке: сегодня она представляет следующие значения: 1) ‘относящийся к общепитам вьетнамской кухни’ [Фан и др., 2024]; 2) ‘относящийся к супу «*фо*»’.

Последней из списка исследуемых новых лексем является лексема *фобошный*, которая также часто встречается в интернет-дискурсе. Примером употребления данного неологизма служат следующие контексты:

Так что если уж и закидывать удочку в данный кулинарный водоем, то только ради того, чтобы поймать вкусные роллы и *фобошный* бульон²⁰.

Классный бульон, отдаленно напоминает *фобошный*. Лапша тоже неплохая. Если добавить еще несколько ингредиентов (типа яйцо, мясо какое-нибудь и тд), получается полноценный суп!²¹.

В этих примерах лексема *фобошный* фигурирует как имя прилагательное, определяющее бульон. Само слово относится к заимствованию *фобо*, обозначающему вьетнамский суп, а не к субстантиву *фобошная*. Таким образом, *фобошный* отличается от *фошиный* тем, что в данный момент *фобошный* имеет только одно значение, а *фошиный* – два.

Можно заметить, что *фо-*, *фобо-* являются продуктивными основами большинства описанных неологизмов. Следовательно, значения данных основ частично или полностью вошли в значения производных от них слов. Данные основы являются свободными, т. е. они образуют заимствованные из вьетнамского языка отдельные слова, а именно *фо* и *фобо*. При

¹⁴ URL: <https://journal.tinkoff.ru/list/viet-cafe-moscow/> (дата обращения 18.07.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: [https://ria.ru/20200226/1565216954.html/](https://ria.ru/20200226/1565216954.html) (дата обращения 18.07.2024).

¹⁷ URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/pochemu-iz-vseh-kuhon-mira-v-moskve-samaya-populyarnaya-vietnamskaya/> (дата обращения 18.07.2024).

¹⁸ URL: <https://www.vietnews.ru/culture/vietnamskiy-stritfud-lao-lee-v-stoleshnikovom/> (дата обращения 18.07.2024).

¹⁹ URL: [https://www.tripadvisor.ru>ShowUserReviews-g1009804-d9770314-r888047450-Surfing_Bird_s_WOK-Mui_Ne_Phan_Thiet_Binh_Thuan_Province.html/](https://www.tripadvisor.ru>ShowUserReviews-g1009804-d9770314-r888047450-Surfing_Bird_s_WOK-Mui_Ne_Phan_Thiet_Binh_Thuan_Province.html) (дата обращения 19.07.2024).

²⁰ URL: [https://www.moscow-restaurants.ru/restaurants/vkus_lotosa.html/](https://www.moscow-restaurants.ru/restaurants/vkus_lotosa.html) (дата обращения 18.07.2024).

²¹ URL: <https://surgut.perekrestok.ru/cat/170/p/lapsa-risovaa-big-bon-discovery-po-vietnamski-bystrogo-prigotovlenia-sousom-fo-bo-65g-4113990/> (дата обращения 18.07.2024).

этом, лексема *фо* в русском языке, являясь моносемантом, обозначает только ‘вьетнамский суп’, как и в языке-доноре. В то же время заимствованное слово *фобо* в русском языке имеет полисемичный характер, что выражается в следующих значениях: во-первых, ‘вьетнамский суп с говядиной’; во-вторых, просто ‘вьетнамский суп (вне зависимости от того, какое мясо входит в состав супа)’. Именно последнее значение, которое отсутствует в языке-доноре, подтверждает семантическое освоение лексемы. Появление второго значения данной лексемы обусловлено ее заимствованием без внутренней формы, т. е. по кулинарным кодам слово «фобо» во вьетнамском языке состоит из двух компонентов: «*фо* – суп с лапшой, *бо* – говядина» [Жучкова, 2024, с. 35], в то время как вошедший в русский язык компонент «*бо*» носит только графический характер.

Об этом свидетельствует семантическое повторение при присоединении слова *фобо* к русским словам в качестве словосочетания. Например:

Помимо классических *говяжьего фо бо* и куриного *фо га*, здесь подают *фо* с говяжьими фрикадельками, красный *фо* с тушеным мясом, вегетарианский и две особенно аутентичные версии: *фо* с козленком и классический ханойский *фо* со сложносочиненным бульоном, считающимся во Вьетнаме эталонным²².

Следует отметить, что в выделенном словосочетании зафиксирована двойная семантика, поскольку *говяжий* и *бо* отсылают к одному и тому же денотату. Наличие русского слова *говяжий* подчеркивает отличие от других вьетнамских кулинарников-заимствований, за счет чего носитель языка может идентифицировать указанное блюдо среди других однородных вариантов.

Отсутствие семантического плана компонента *бо* в составе лексемы *фобо* приводит к ложному наречению, которое заключается в том, что указанный ингредиент в кулинарном имене отсутствует в самом блюде [Фан, 2020]. Для иллюстрирования данного феномена приведем кулинарным *Суп фобо с курицей*²³, который прикреплен к рецепту по приготовлению вьетнамского супа. Судя этому рецепту, *фо* готовится на курином бульоне и подается с куриным мясом. Однако в самом названии содержится и компонент *бо* с первоначальным значением ‘говядина’, хотя говядина совсем не входит в состав данного блюда. Поиск по запросу *фобо с курицей* на платформе Google показывает 78 единиц, что свидетельствует о распространенности данного словосочетания. Можно сказать, что при вхождении кулинарного *фобо* в русский язык наблюдается утрата его внутренней формы. Таким образом, слово *фобо* в русском языке подверглось семантическому освоению, расширив значение: ‘вьетнамский суп с говядиной’ → ‘вьетнамский суп’.

Еще одна причина появления данного феномена состоит в том, что среди существующих в России вьетнамских блюд *фобо* имеет превосходство над другими вариантами супа *фо*. Впоследствии слово *фобо* стало использоваться как название, отражающее видовую номинацию с родовым обозначением. Помимо *фобо* стали появляться и другие наименования вьетнамского супа (*фо га*, *фо том*, *фо хайсан*, *фо тяй*), однако классическим вариантом супа все же считается *фобо*. Для примера приведем следующее описание:

В популярной сети вьетнамских лапочных суп *фо* готовят в двух версиях: классический *фо-бо*, где говяжий бульон со специями и рисовую лапшу дополняют говядиной, и альтернативный *фо-га*, в котором мясо заменяют на кусочки курицы²⁴.

Таким образом, в русском языке выделяются 7 неологизмов, связанных с популяризацией вьетнамской кулинарии в России, которые делятся в денотативном плане на три группы:

- существительные с обозначением заведений вьетнамской кухни (*вьетнамка*, *фошина*, *фобошина*, *фошица*, *фобошица*);
- прилагательное, связанное с вьетнамским общепитом (*фошиный*);

²² URL: <https://www.gastronom.ru/text/korner-s-vietnamskoj-ulichnoj-edoj-otkryvaetsja-na-centralnom-gynke-1013049/> (дата обращения 21.07.2024).

²³ URL: <https://www.edimdoma.ru/retsepty/144721-sup-fo-bo-s-kuritsey/> (дата обращения 21.07.2024).

²⁴ URL: <https://journal.tinkoff.ru/list/panasia-rest-msk/> (дата обращения 22.07.2024).

- прилагательные, относящиеся непосредственно к вьетнамскому супу (*фоиный, фобоиный*).

Отметим, что слова из первой и третьей групп образуют соответствующие их семантике синонимические ряды.

Неогастронимы или неолексемы, связанные с вьетнамской кухней, появились в русском языке относительно недавно и имеют словообразовательные, грамматические, семантические и прагматические особенности. Рассмотрим их далее.

Словообразовательные особенности. В исследуемом материале одна новая лексема (*вьетнамка*) образована семантическим способом и 6 лексем (*фоиная, фоиный, фобоиная, фобоиный, фоиница и фобоиница*) – словообразовательным способом. Основываясь на теоретической базе по словообразовательному разбору В. В. Лопатина, можно выделить такие суффиксы данных неологизмов, как *-ин-* и *-иник-*, и корни *фо-* и *фобо-* [Лопатин и др., 2006].

Заимствования *фо* и *фобо* иногда используются как эквивалентные; от слова *фо* путем словообразовательной деривации образованы лексемы *фоиная* и *фоиный*. Подобное произошло и со словом *фобо*, от которого образована еще пара неологизмов *фобоиная* и *фобоиный*.

Таким образом, *фоиная / фоиный* и *фобоиная / фобоиный* существуют как параллельные лексические пары по способу образования и по значению. Появление двух пар свидетельствует о том процессе, который длился от проникновения заимствований их основ в русский язык до освоения экстралингвистическими факторами, которые отражают гастрономические особенности в российском обществе в XXI в. Речь идет о сближении лексем *фобо* и *фо*, т. е. отмечается господствующая роль *фобо* над другими блюдами и даже другими разновидностями супа *фо*, которая связана с предпочтением самого блюда среди носителей русского языка.

Помимо того, «*фо*» и «*фобо*» представляют собой продуктивные корни не только для образований субстантивов, но и для слов, восходящих к существительным именам, например: «*фоиница*» и «*фобоиница*».

Грамматические особенности. В отличие от неполнотью морфологически освоенных вьетнамских заимствований-кулинарников (*фога, баньми, баньбао, бунча* и др.), неологизмы, появившиеся в период распространения вьетнамской кухни в России, полностью приспособлены к русским морфологическим особенностям, поскольку все они оформлены по правилам русской грамматики.

В отношении частеречной принадлежности среди выделенных новых лексем фиксируются имена прилагательные (*фоиный, фобоиный*), существительные (*вьетнамка, фоиница, фобоиница*) и субстантивы (*фоиная, фобоиная*). Последние функционируют как субстантивы женского рода, образование которых аналогично образованию ряда русских лексем с обозначением заведений еды, таких как *блинная, шашлычная, бургерная, пельменная, чайная, лапшичная* и др. Значения лексемы *вьетнамка* в современном русском языке (‘гражданка Вьетнама’, ‘обувь’ и ‘общепит вьетнамской кухни’) связаны с разными грамматическими категориями: *вьетнамка* со значением ‘гражданка Вьетнама’ отличается от других вариантов наличием категории одушевленности, а *вьетнамка* со значением ‘обувь’ – преимущественным употреблением в форме множественного числа.

Семантические и прагматические особенности. Все исследуемые неогастронимы, образованные с русскими аффиксами и по русским деривационным моделям, можно охарактеризовать как русские слова. Можно отметить, что некоторые слова из группы неогастронимов используются для обозначения реалий во Вьетнаме в русскоязычных отзывах. Речь идет о словах с обозначением общепита, в том числе *фоиная, фоиница*, например:

Совершенно напрасно вы списали Муйню. Там есть отличная *Фобошица*²⁵.
...в Нячанге есть три *Фошицы* отменные²⁶.

Население огромного города жаждет еды, поэтому в Хошимине огромное количество *фошиных*, лапшичных, бургерных, банишных, тяханных и т. д.²⁷

В целом найти не аутентичную *фошную* с плохим супом во Вьетнаме практически невозможно²⁸.

В этих примерах авторы отзывов гастронимами *фобошица*, *фошная*, *фошица* обозначают заведения во Вьетнаме, находящиеся в самых популярных туристических точках, которые привлекают русских туристов. Анализ этих лексем в разных контекстах – при описании российских и вьетнамских реалий – показывает, что их использование не приводит к денотативному совпадению двух контекстов. Это объясняется тем, что общепит типа «фошная» в России понимается как заведение вьетнамской еды с большим ассортиментом, в состав которого входят характерные для российского рынка блюда [Фан и др., 2024], в то время как заведения общественного питания во Вьетнаме, отмеченные отзывами от русско-говорящих на сайтах-форумах по туризму, в основном торгуют вьетнамским супом. В данном исследовании из главной выборки выявлено 29 примеров того, что неогастронимы с обозначением общепита употребляются русскоговорящими для указания на расположенные во Вьетнаме объекты.

Один из постов, опубликованных на сайте-справочнике по туризму, с заголовком «Отличная фошица»²⁹, рассказывает о кафе «Hong Giang», в котором подают знаменитый вьетнамский суп. К этому посту есть дополнение: осознавая, что представление носителя русского языка о русской фошице совсем другое, автор отзыва подчеркивает: *Это заведение одного блюда*³⁰. На другом сайте, тоже посвященном туризму, можно встретить отзыв, в котором говорится о специфичности вьетнамских фошиных: *Обнаружили в меню только тот самый суп Фо, с разнообразными наполнителями*³¹. Авторы данных комментариев также акцентируют отличие «фошной» во Вьетнаме следующим образом:

Хозяйничает там старая вьетнамка, готовят только суп и самое главное местная приправа вроде аддажики в баночках на столах³².

На мой взгляд Вы правы самый вкусный Фо где в меню только Фо!³³.

Приведем также другие примеры о типе одного блюда в фошных Вьетнама в следующих комментариях:

На углу Chan Cam и Ly Quoc Su готовят суп фо, и только фо³⁴.

Как правило, выбор супа здесь ограничен – одна харчевня готовит лишь один суп, например, фо. А бун бо можно найти где-нибудь по соседству³⁵.

...кроме этого супа здесь больше ничего³⁶.

Место одного блюда³⁷;

Как поняли подают только Фо³⁸;

²⁵ URL: <https://anyway.today/gde-v-hoshimine-samii-vkusnii-sup-pho/> (дата обращения 16.07.2024).

²⁶ Там же.

²⁷ URL: <https://dzen.ru/a/ZdMk9IdTxQpshV74/> (дата обращения 16.07.2024).

²⁸ URL: <https://knife.media/vietnamese-cuisine/> (дата обращения 16.07.2024).

²⁹ URL: https://www.tripadvisor.ru>ShowUserReviews-g293928-d11827167-r485174598-Pho_Hong_Giang-Nha_Trang_Khanh_Hoa_Province.html/ (дата обращения 15.07.2024).

³⁰ Там же.

³¹ URL: <https://anyway.today/gde-v-hoshimine-samii-vkusnii-sup-pho/?ysclid=m17gl9wt7t360912717/> (дата обращения 17.07.2024).

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ URL: <https://forum.awd.ru/search.php?keywords=%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE+%D1%84%D0%BE&t=151208&sf=msgonly/> (дата обращения 17.07.2024).

³⁵ URL: <https://alfatoursvietnam.ru/phuquoc/supy-vetnama/> (дата обращения 17.07.2024).

³⁶ URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g293928-d12597557-Reviews-Pho_Hong-Nha_Trang_Khanh_Hoa_Province.html/ (дата обращения 17.07.2024).

³⁷ URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g293928-d12597557-Reviews-Pho_Hong-Nha_Trang_Khanh_Hoa_Province.html/ (дата обращения 10.08.2024).

Где готовят одно блюдо – суп фо³⁸;
Настоящее аутентичное место! Работает с 1970г. Готовят только суп ФО!⁴⁰.

Таким образом, лексемы *фоиняя*, *фобоиница*, *фоиница*, употребляющиеся в контексте Вьетнама, соотносятся с другим денотатом, что свидетельствует о формировании полисемии у данных лексем: большинство фошных во Вьетнаме относятся к типу заведений одного блюда, в то время как контексты, соотносимые с русским опытом, отсылают к представлениям о вьетнамской кухне в целом, т. е. показывают генерализацию значений соответствующих лексем. Таким образом, анализ отличительных признаков моделей «фошных» позволяет расширить фоновые знания в гастрономической практике.

Изменение торговой модели в общепите влияет на денотативный класс их номинации. По Фалеевой, в русском языке такие слова, как *кафе*, *бар*, *ресторан*, *столовая* «сближаются», часто заменяют друг друга. Для уточнения торговой модели того или иного общепита применяется «гибридизация» в их номинации, которая заключается в использования гибридов *кафе-столовая*, *рестробар*, *гастробар* [Фалеева, 2024]. Возвращаясь к словам *фоиняя*, *фобоиница*, *фобоиница*, можно заметить, что их появление отражает отличие торговой модели заведений еды по вьетнамской кухне от других вышеуказанных торговых моделей. К тому же выявленные отзывы русскоговорящих отражают более точное соотношение с денотатами групп неогастронимов с обозначением общепита в России и во Вьетнаме.

Итак, анализируя неологизмы в рамках распространения вьетнамской кухни в России, мы выявили семь новых лексем, образованных от корня *вьетнам-* и заимствованных вьетнамских корней *фо-*, *фобо-*. Вьетнамский субстрат в исследуемых неогастронимах отражает контакт между двумя странами, особенно в гастрономической сфере, в результате чего корни вьетнамского языка появились в русскоязычных вербальных средствах.

Существуя как одна семантическая группа представителей концепта *ВЬЕТНАМСКАЯ КУХНЯ*, анализируемые неогастронимы имеют семантические, грамматические, словообразовательные, прагматические особенности, которые представляют длительный процесс гастрономической практики взаимодействия русской кухни с вьетнамской.

Наличие группы неогастронимов вьетнамского происхождения позволяет укрепить роль вьетнамизмов в русском языке, причем отмечается новая стадия развития вьетнамизмов в языке-реципиенте: начиная с группы слов, выполняющих только графическую функцию, в данный момент лексемы вьетнамского происхождения, в частности связанные с вьетнамской кухней неологизмы-гастронимы, освоены полностью и создают дериваты в русском языке.

Список литературы

- Бритов И. В.** О проблемах перевода прямой речи во вьетнамских художественных текстах // Вьетнамские исследования. 2018. № 1. С. 123–148.
- Жучкова Ю. А.** Паназиатская кухня в России // Научные записки академии. 2024. Т. 15, № 2. С. 33–36.
- Ильина Е. Н., Крылова О. Н., Мельникова Н. Г., Бунчук Т. Н., Килина Л. Ф., Колосова Е. И., Фишер Н. Л.** Лингвистические и литературные ландшафты в прошлом и настоящем: Материалы заседания круглого стола // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2023. № 5. С. 245–266.

³⁸ URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g293928-d12597557-Reviews-Pho_Hong-Nha_Trang-Khanh_Hoa_Province.html (дата обращения 10.08.2024).

³⁹ URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g293924-d1124697-Reviews-Pho_Thin-Hanoi.html (дата обращения 10.08.2024).

⁴⁰ URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g293925-d3741121-Reviews-Pho_Le-Ho_Chi_Minh_City.html (дата обращения 10.08.2024).

- Коновалова А. М.** Перспективы развития торговли между Россией и Вьетнамом: логистические аспекты // Современные проблемы управления внешнеэкономической деятельностью: Сб. ст. II Междунар. науч. конф. студентов и аспирантов. М.: ВАВТ Минэкономразвития России, 2020. С. 197–208.
- Лопатин В. В., Валгина Н. С., Еськова Н. А., Иванова О. Е., Кузьмина С. М., Чельцова Л. К.** Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / Отв. ред. В. В. Лопатин. М.: Эксмо, 2006. 478 с.
- Хо Тх. Н., Брагина Н. Г.** Языковой ландшафт Москвы: коммодификация и вьетнамская лексика в русской лингвокультуре // В мире русского языка и русской культуры: Сб. тез. IV Междунар. студ. науч.-практ. конф. «В мире русского языка и русской культуры». М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 235–239.
- Фалеева А. С.** Номинативные стратегии воздействия на адресата при наименовании заведений общественного питания // Филологический класс. 2024. Т. 29, № 2. С. 119–128. DOI 10.26170/2071-2405-2024-29-2-119-128
- Фан Нгок Шон, Нгуен Тхи Киеу Ви, Чыонг Мань Хай, Нгуен Чан Тхань Ви.** Вьетнамские заимствования – кулинарнонимы в русскоязычных СМИ // Медиалингвистика. 2024. Т. 11, № 3. С. 380–397. DOI 10.21638/spbu22.2024.306
- Фан Н. Ш.** Русские кулинарнонимы как проявление словесного творчества в кулинарных изданиях // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 3. С. 123–129. DOI 10.25586/RNU.V925X.20.03.P.123
- Яковлева С. А.** Глагольные неогастронимы в испанском языке Мексики // Вопросы современной лингвистики. 2018. № 6. С. 68–81. DOI 10.18384/2310-712X-2018-6-68-81

Список источников и словарей

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 23.07.2024).
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 2008. URL: <https://slovarozhegova.ru/about.php> (дата обращения 29.11.2022).

References

- Britov I. V.** O problemakh perevoda pryamoi rechi vo v'etnamskikh khudozhestvennykh tekstakh [On the Problems of Translating Direct Speech in Vietnamese Fiction]. *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnamese studies], 2018, no. 1, pp. 123–148. (in Russ.)
- Faleeva A. S.** Nominativnye strategii vozdeistviya na adresata pri naimenovanii zavedenii obshchestvennogo pitaniyna [Nominative Strategies of Influencing the Addressee when Naming Catering Establishments]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2024, vol. 29, no. 2, pp. 119–128. (in Russ.) DOI 10.26170/2071-2405-2024-29-2-119-128
- Fan N. Sh.** Russkie kulinaronimy kak proyavlenie slovesnogo tvorchestva v kulinarnykh izdaniyakh [Russian Culinaronyms as a Manifestation of Verbal Creativity in Culinary Publications]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World], 2020, no. 3, pp. 123–129. (in Russ.) DOI 10.25586/RNU.V925X.20.03.P.123
- Ilina E. N., Krylova O. N., Melnikova N. G., Bunchuk T. N., Kilina L. F., Kolosova E. I., Fisher N. L.** Lingvisticheskie i literaturnye landshafty v proshlom i nastoyashchem: materialy zasedaniya kruglogo stola [Linguistic and Literary Landscapes in the Past and Present: Materials of the Roundtable Meeting]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2023, no. 5, pp. 245–266. (in Russ.)
- Konovalova A. M.** Perspektivy razvitiya torgovli mezhdu Rossiei i V'etnamom: logisticheskie aspekty [Prospects for the Development of Trade between Russia and Vietnam: a Logistics Aspect]. In: Sovremennye problemy upravleniya vnesheekonomiceskoi deyatel'nost'yu

- [Modern Problems of Foreign Economic Activity Management]. Collection of Articles of the II International Scientific Conference of Students and Postgraduates. Moscow, 2020, pp. 197–208. (in Russ.)
- Kho Tk. N., Bragina N. G.** Yazykovoi landshaft Moskvy: kommodifikatsiya i v'etnamskaya leksika v russkoi lingvokul'ture [The Linguistic Landscape of Moscow: Commodification and Vietnamese Vocabulary in Russian Linguoculture]. In: V mire russkogo yazyka i russkoi kul'tury [In the World of Russian Language and Russian Culture]. Collection of Abstracts of the IV International Student Scientific and Practical Conference “In the World of Russian Language and Russian Culture”. Moscow, Pushkin State Institute of Russian Language Press, 2020, pp. 235–239. (in Russ.)
- Lopatin V. V., Valgina N. S., Eskova N. A., Ivanova O. E., Kuzmina S. M., Cheltsova L. K.** Pravila russkoi orfografii i punktuatsii: polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation: a Complete Academic Reference Book]. Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 478 p. (in Russ.)
- Phan Ngoc Son, Nguyen Thi Kieu Vy, Truong Manh Hai, Nguyen Tran Thanh Vi** Vietnamese food-related borrowings in Russian mass media. *Media Linguistics*, 2024, vol. 11 (3), pp. 380–397. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu22.2024.306
- Yakovleva S. A.** Glagol'nye neogastronomiy v ispanskom yazyke Meksiki [Verbal Neogastronyms in the Spanish Language of Mexico]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki* [Issues of Modern Linguistics], 2018, no. 6, pp. 68–81. (in Russ.) DOI 10.18384/2310-712X-2018-6-68-81
- Zhuchkova Yu. A.** Panaziatskaya kukhnya v Rossii [Pan-Asian Cuisine in Russia]. *Nauchnye zapiski akademii* [Scientific Notes of the Academy], 2024, vol. 15, no. 2, pp. 33–36. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 23.07.2024).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyi slovar' Ozhegova [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. 2008. (in Russ.) URL: <https://slovarozhegova.ru/about.php> (accessed: 29.11.2022).

Информация об авторе

Фан Нгок Шон, кандидат филологических наук
 Scopus Author ID 59317924500
 WoS Researcher ID AAE-4277-2019
 SPIN 6746-6603

Information about the Author

Phan Ngoc Son, Candidate of Sciences (Philology)
 Scopus Author ID 59317924500
 WoS Researcher ID AAE-4277-2019
 SPIN 6746-6603

Статья поступила в редакцию 24.09.2024;
 одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 26.03.2025
*The article was submitted 24.09.2024;
 approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 26.03.2025*

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53

Субъективная модальность как средство легитимации политических решений в интернет-дискурсе региональных политиков России и Германии

Наталья Владимировна Мельник¹

Мария Александровна Силкова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

¹ saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>

² maria.silkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3382-6170>

Аннотация

Представлен анализ политического интернет-дискурса региональных политиков Германии и России – М. Зёдера и С. Цивилева на платформах Facebook, Instagram*. В содержании публикаций политиков отражены политические решения, принятые ими в период пандемии Covid-19. Установлено, что в дискурсе обоих акторов преобладает эпистемическая модальность, направленная на манипуляцию базовым инстинктом – сохранение жизни. Анализ комментариев к публикациям политиков в социальных сетях показал, как аудитория воспринимает обращения региональных лидеров и оценивает эффективность выбранных ими способов выражения своей позиции для оправдания принятых решений. Выявлено, что авторы комментариев поддерживают действия и позицию политиков, используя схожие с ними типы субъективной модальности. В текстах, написанных на немецком и русском языках, доминирует деонтическая модальность, обусловленная официальным статусом политика.

Ключевые слова

интернет-дискурс, социальные сети, языковая личность регионального политика, интернет-комментарий, субъективная модальность, легитимация

Для цитирования

Мельник Н. В., Силкова М. А. Субъективная модальность как средство легитимации политических решений в интернет-дискурсе региональных политиков России и Германии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 41–53. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53

* Деятельность Instagram и Facebook компании «Meta Platforms Inc.» запрещена в России по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а компания внесена в реестр экстремистских организаций.

Subjective Modality as a Means of Legitimizing Political Decisions in the Internet Discourse of Regional Politicians in Russia and Germany

Natalia V. Melnik¹, Maria A. Silkova²

^{1,2} Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

¹ saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>
² maria.silkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3382-6170>

Abstract

Purpose. This article deals with the political Internet discourse of regional politicians of Germany and Russia – Markus Söder and Sergey Tsivilev and Internet comments to the politicians' publications. The publications represent the policy decisions made by political actors during the period of the Covid-19. The main idea of the article is to determine the types of subjective modality used by politicians to legitimize their political decisions. It was also important to define the types of subjective modality in the texts of comments and to observe the responses of the addressee to see if the political decisions were legitimized. In our opinion, it is the subjective modality in the discourse of a political actor that can have a decisive role in legitimization of the political decisions.

Results. The research is based on the online publications of regional politicians, as well as the comments to them posted on social media platforms (Facebook, Instagram *) in the period from January 2020 to April 2022. The context analysis, the component analysis, the transformation method, the comparative method were applied for the research. It is found that the ontological modality is prevalent in the discourse of both political actors. The analysis of comments to politicians' publications in social networks made it possible to assess the appropriateness of subjective modality means for legitimizing decisions in political Internet discourse. It has been disclosed that commentators legitimize politicians' actions using deontic modality, caused by the institutional position of the politician.

Keywords

Internet discourse, social networks, Linguistic Persona of a Regional Politician, Internet comment, subjective modality, legitimization

For citation

Melnik N. V., Silkova M. A. Subjective Modality as a Means of Legitimizing Political Decisions in the Internet Discourse of Regional Politicians in Russia and Germany. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 41–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-41-53

В основе демократической системы лежит принятие и реализация политических решений, а также их одобрение избирателем. В рамках принятия решения политики выражают не только свои взгляды, позиции, желания и потребности, но и / или взгляды, позиции, желания, потребности населения. Это связано с тем, что человеку свойственно «проецировать свои представления о норме в социуме на свой внутренний мир» [Альмяшова, Монастырская, 2016, с. 33]. Политик, умеющий принимать во внимание потребности обеих сторон, наверняка будет более успешным и сможет достичь поставленных им целей. Однако чем больше отличаются интересы сторон, тем более четко должны быть сформулированы его намерения, чтобы повлиять на избирателя. Политическое решение может быть легитимировано в том случае, если речь политика искренна, авторитетна и звучит убедительно. Кроме того, большое значение имеет ситуационный контекст: политик должен уметь построить свою речь так, чтобы люди заинтересовались его идеями, только тогда избиратели добровольно захотят действовать в соответствии с установками политического актора.

Легитимность власти зависит и от личности властвующего субъекта, «от его компетентности, управленческих навыков, желания и стремления учитывать в своей деятельности интересы подвластного, опираясь при этом на общепризнанные в государстве нормы и иные духовные ценности» [Иванов, 2012, с. 7].

Американский социолог М. Сачман характеризует легитимность как «обобщенное восприятие или предположение о том, что действия субъекта желательны, правильны или уместны в рамках некоторой социально выстроенной системы норм, ценностей, убеждений и определений» [Suchman, 1995, p. 574] с учетом контекста ситуации. В отношении полити-

ческого актора это означает, что он имеет право принимать решения, действовать или управлять только в том случае, если получает социальное одобрение.

Для того чтобы признать легитимными решения политика, людям необходимо чувствовать, что политик находится «рядом», вовлечен в решение проблем, держит слово и способен реализовать свои идеи. Соответствовать этим требованиям политику помогают социальные медиа, которые в значительной степени изменили структуру политической коммуникации, создали «новую медийную реальность» [Иссерс, 2020, с. 219]. С одной стороны, это изменение выражается в количественном увеличении каналов политической коммуникации; с другой стороны, оно отражается в типе коммуникации, а также в возможностях взаимодействия напрямую между политическими акторами и гражданами. К тому же участники непрофессионального дискурса очень быстро реагируют на события, происходящие в обществе и «отражают эти процессы в разноуровневых языковых единицах» [Алексеева, Ли, 2023, с. 43].

Ш. Балли пишет, что «в процессе коммуникации нарушается “бесстрастное” соответствие слов, выраждающих думы и чувства говорящего», так как «говорящему обычно вовсе не безразлично то, о чем он говорит» [Балли, 1955, с. 44]. В политической коммуникации важным фактором является отношение говорящего к действительности и к содержанию высказывания, иными словами – модальность, проявляющая себя как инструмент воздействия и манипулирования и, как следствие, легитимации власти. А. Г. Алтунян считает, что «модальность многое говорит об авторе, о его отношении к актуальным проблемам, его понимании собственной роли как политика. Именно модальность отличает выступления дешевого популиста от выступлений серьезного политика, сильного лидера от политика, не уверенного в своих силах» [Алтунян, 2006, с. 41].

Исследователи сходятся во мнении, что модальность является самостоятельной категорией и проявляется на всех уровнях языка. Она характеризует отношение говорящего к содержанию высказывания или статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, а также отражает «отношение между говорящим и слушающим» [Jachnow, 1994, р. 57]. Кроме того, «модальность является одним из важнейших средств создания определенной картины мира в массовом сознании, в формировании общественного мнения, то есть воздействия и манипулирования» [Темиргазина, 2019, с. 46].

Для данного исследования интерес представляет субъективная модальность в дискурсе политиков. Для ее интерпретации мы обратились к типологии, предложенной Е. В. Падучевой. В «Корпусной грамматике русского языка» автор описывает три вида субъективной модальности: онтологическую, деонтическую и эпистемическую возможность и необходимость [Падучева, 2016, с. 64]. Субъективная модальность – психологическая или ментальная установка говорящего, т. е. отношение говорящего к ситуации – ее желательность, гипотетичность, возможность, сомнительность и т. п. [Там же]. Субъективная модальность также отражает отношение говорящего к собственному пропозициональному высказыванию.

Онтологическая модальность «выражается понятиями “физически необходимо”, “физически случайно”, “физически возможно”, “физически невозможнo”» [Шевченко, 2006, с. 11] и определяется такими операторами как «следует», «нужно», «необходимо», «обязательно», «возможно» и т. п.

Деонтическая модальность определяет действие, исходя из существующих норм, установок, регламентов, выражает распоряжение, дозволение, необходимость подчиняться правилам или законодательству, наложение запрета и т. п. Нормативный статус действия обычно выражается понятиями «обязательно», «разрешено», «запрещено» [Ивин, Никифоров, 1997]. Также могут использоваться слова «должен», «можно», «нужно», «необходимо» и их отрицательные формы.

Онтологическая и деонтическая модальности часто трудноразличимы и имеют размытые границы, так как реальное положение вещей, например сохранение здоровья и жизни, часто зависит от соблюдения норм и законов.

Эпистемическая модальность помогает передать степень уверенности, убежденности в транслируемых политиком / комментатором сообщениях. Этот вид модальности относится к знанию и выражается с помощью понятий «может быть», «убежден», «сомневается», «отвергает», «допускает» [Шевченко, 2006, с. 11].

Вышеуказанные модальные операторы характеризуют виды субъективной модальности и проявляются как эксплицитно, так и имплицитно. При имплицитном содержании субъективной модальности в высказываниях политика значение модальности можно вывести из эксплицитного содержания путем трансформации сообщения.

В группу анализируемых текстов, выражающую *деонтическую возможность*, объединены высказывания политиков / комментаторов, содержащие языковые единицы, в семантике которых вычленяется в качестве доминанты сема *разрешено*. Для текстов, демонстрирующих *деонтическую необходимость*, общим инвариантом является сема *долг*.

В группу, выращивающую *онтологическую возможность*, включены языковые единицы, которые имеют в своем составе семантический компонент *существование*. Говоря об онтологической возможности, можно отметить, что для этой подгруппы характерна сема *возможность*, которая отражает способность или неспособность агента совершить какое-либо действие, необходимое для существования. Что касается *онтологической необходимости*, то маркером данной подгруппы является сема *долг*, вызванный практической / логической необходимостью сохранить здоровье и жизнь.

В группу *эпистемической возможности / необходимости* входят языковые единицы с основным компонентом *знание*. Эпистемическая модальность выражает знание говорящего о сообщаемой в высказывании информации и его отношение к ней с точки зрения ее достоверности.

Актуализация субъективно-модальных значений в предложении может быть реализована различными средствами: оценочной и эмотивной лексикой, модальными глаголами, модальными словами и частицами, стилистическими фигурами, интонационными средствами.

Интернет-публикации политиков отражают актуальные события, происходящие в регионах, политические решения, принимаемые в условиях пандемии. Пользователи Сети имеют возможность мгновенно отреагировать на посты региональных лидеров и оставить свой комментарий.

Работа выполнена в русле лингвоперсонологии и имеет текстоцентрическую направленность. Исследование проводилось в два этапа: на первом этапе проанализированы публикации политиков, содержащие субъективную модальность, и способы ее выражения в политическом дискурсе министра-президента Баварии Маркуса Зёдера (14 текстов, количество слов – 3 354) и губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева (14 текстов, количество слов – 4 800). На втором этапе исследования анализу подверглись тексты интернет-комментариев, отражающие реакцию адресата на интернет-публикации региональных политиков (7 679 и 4 553 соответственно).

Интегративный подход к изучению субъективной модальности в рамках различных направлений лингвистики – лингвоперсонологии, политической лингвистики и семантического синтаксиса, определил выбор методов исследования материала.

Контекстный анализ позволил учесть экстралингвистические условия создания политических публикаций и интернет-комментариев для наиболее точной их интерпретации.

Для исследования содержательной стороны языковых единиц, реализующих субъективную модальность, применен метод компонентного анализа. В качестве источника материала для семантического описания использованы словарные дефиниции немецко- и русскоязычных толковых словарей. Дробление семантической структуры слова помогло выявить его значение в определенном контексте.

Метод трансформации дал возможность обнаружить скрытые средства реализации субъективной модальности путем преобразования синтаксических конструкций без изменения их значения. Сопоставительный метод применен с целью выявления особенностей употребле-

ния средств выражения субъективной модальности в немецко- и русскоязычном политическом дискурсе.

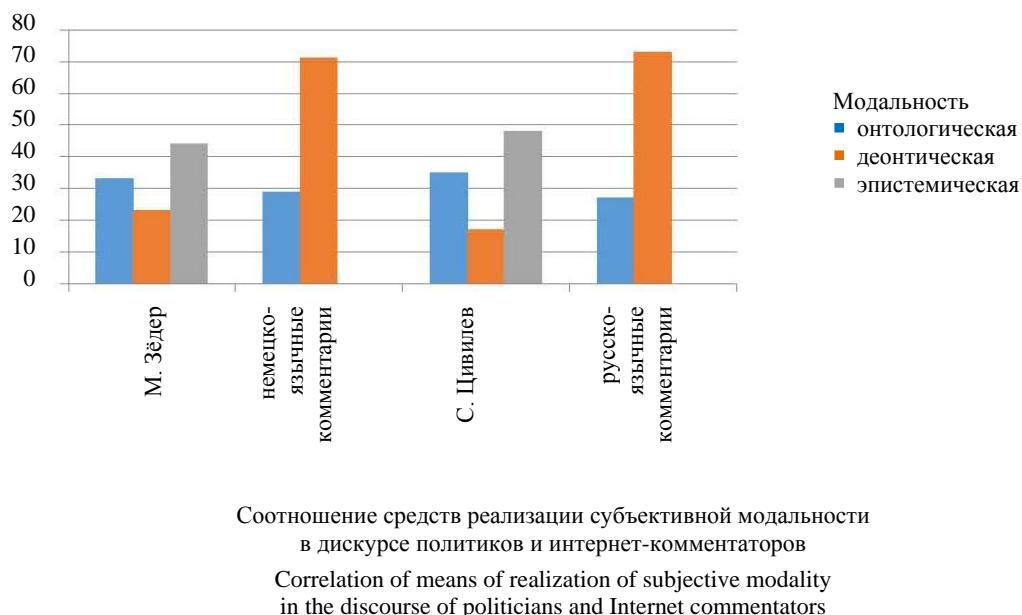
Методы взаимно дополняют друг друга и позволяют сформулировать и обосновать выводы относительно легитимирующих языковых средств реализации субъективной модальности в политическом интернет-дискурсе.

В рамках субъективной модальности в политическом интернет-дискурсе регионального политика Германии министра-президента Баварии М. Зёдера и регионального политика России губернатора Кемеровской области С. Цивилева, а также в текстах комментариев к публикациям названных политиков выявлены модальности необходимости и возможности, выражющиеся в следующих прагматических разновидностях: деонтической, онтологической, эпистемической.

В проанализированных текстах баварского политика выявлено 100 высказываний, реализующих деонтическую модальность, 140 – онтологическую, 190 – эпистемическую. В публикациях кузбасского политика обнаружено 77 высказываний, демонстрирующих деонтическую модальность, 160 – транслирующих онтологическую модальность, 217 высказываний, в которых выражена эпистемическая модальность.

Так как мы имеем дело с интернет-публикациями, анализ комментариев позволяет проследить за реакцией адресата на обращение политиков и оценить коммуникативную целесообразность выбранных им средств выражения субъективной модальности. Модальность в дискурсе комментаторов определена тем, какие политические решения принимаются политиками для сохранения здоровья и жизни населения. Для этого были отобраны легитимирующие комментарии с позитивной и нейтральной оценкой действий политика. В них выявлены высказывания, содержащие онтологическую и деонтическую субъективную модальности необходимости и возможности в соответствии с интерпретацией модальных операторов, как и в текстах политиков. Выявлено, что в текстах комментариев пользователей обеих стран преобладает деонтическая модальность 2 700 и 1 600 соответственно, соотношение онтологической модальности составило 1 100 к 600. Эпистемическая модальность в комментариях пользователей почти не встречается.

Количественное соотношение средств реализации субъективной модальности в дискурсе политиков и дискурсе комментаторов представлено в процентном соотношении (см. рисунок).

Субъективная модальность в речи министра-президента Баварии Маркуса Зёдера

Деонтическая модальность

(1) Natürlich *kann* man Sport machen oder rausgehen. Aber allein oder eben mit seiner entsprechenden Familie oder mit seiner Beziehung *das machen*. – Конечно, можно заниматься спортом или гулять на улице. Но только *делать это* в одиночку или со своей семьей, или со своими партнерами¹.

В контексте данного отрывка деонтическая модальность возможности выражена модальным глаголом *können*, который передает разрешение министра-президента заниматься спортом и выходить на улицу во время локдауна. Во второй части высказывания политик уточняет условия, при которых это возможно. В этом высказывании модальность возможности имплицитна. Однако ее можно выявить, объединив два простых предложения в одно сложносочиненное. При такой трансформации изменяется часть сказуемого, выраженная модальным глаголом возможности *können*, становится общей для обеих частей предложения.

Онтологическая модальность

(2) Öffnen statt Sturheit, aber doch eben vernünftig anpassen und Schritt für Schritt gehen. – Открытость вместо упрямства, но при этом необходимо разумно адаптироваться и идти шаг за шагом².

В примере (2) онтологическая модальность необходимости не выражена явно. Семантический компонент онтологической модальности выражен синтагмами *aber doch eben vernünftig anpassen und Schritt für Schritt gehen*. Разумная адаптация, постепенность и последовательность действий – это универсальные принципы выживания. К тому же при изменении предложения вскрывается значение необходимости: *Wir müssen offen sein, vernünftig anpassen und Schritt für Schritt gehen*.

(3) Wenn wir weiter klug bleiben, wenn wir die Maßnahmen, die wir in Bayern getroffen haben und in vielen anderen Bundesländern, konsequent weiter durchhalten, können wir weiter Schule und Kita erhalten, dann können wir die Arbeitsplätze weiter sichern. Wenn es uns das gelingt, dann werden wir ganz gut über die Wintermonate kommen. – Если мы будем продолжать действовать разумно, если мы будем продолжать придерживаться мер, которые мы приняли в Баварии и во многих других федеральных землях, тогда мы *сможем* продолжать содержать школы и детские сады, тогда мы *сможем* продолжать обеспечивать рабочие места. Если нам удастся это сделать, то мы вполне благополучно переживем зимние месяцы³.

Во фрагменте (3) онтологическая модальность возможности реализована модальным глаголом *können*, который выражает возможность выполнения действия, выраженного инфинитивом, благодаря определенным обстоятельствам или условиям (DWDS). М. Зёдер говорит о возможности поддерживать образовательные учреждения и сохранять рабочие места при условии соблюдения жителями Баварии введенных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции и, таким образом, обосновывает их введение.

Эпистемическая модальность

(4) Andererseits bieten wir all denen entschlossen die Stirn, die unter dem Deckmantel von Corona versuchen, unsere Demokratie auszuhöhlen. – С другой стороны, мы решительно выступаем против тех, кто под прикрытием «короны» пытается подорвать нашу демократию⁴.

Эпистемическая модальность необходимости (4) раскрывает убеждение политика в необходимости противостоять «несогласным». Однако модальность необходимости в данном примере не эксплицирована модальными глаголами или наречиями, она передана лексико-грамматическими средствами, обнаруживающими в данном контексте семантику уверенности.

¹ URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3676326722440978> (дата обращения 04.05.2020)

² URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3758585160881800> (дата обращения 28.04.2020).

³ URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/1489900101400560/> (дата обращения 08.10.2020).

⁴ URL: <https://www.facebook.com/BR24/videos/1168071683726021> (дата обращения 30.12.2021).

(5) Auch wenn 80 Prozent *wahrscheinlich* nur mit leichten Symptomen *zu leben haben*, wird es für einige lebensgefährlich. – Несмотря на то, что 80 процентам, *вероятно, придется жить* только с легкими симптомами, для некоторых это будет опасно для жизни⁵.

Высказывание (5) иллюстрирует применение в речи политика эпистемической модальности для выражения возможности. Наречие *wahrscheinlich* передает предположение политика о масштабности и интенсивности распространения заболевания. Употребление данного наречия указывает на неуверенность политика в достоверности приводимых им данных. Помимо значения возможности фрагмент содержит значение необходимости, выраженное конструкцией *zu leben haben*. Эта конструкция имеет семантику долженствования, принуждения к некому действию, вызванного внешними обстоятельствами. Глава Баварии констатирует факт необходимости примирения с действительностью, необходимости жить в условиях пандемии.

Субъективная модальность в речи губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева

Деонтическая модальность

(1) Сегодня очень *важно* проявить сознательность, ответственность и солидарность⁶.

Эффективность сдерживающих мер при борьбе с коронавирусной инфекцией зависит, в том числе, и от количества социальных контактов. Для того чтобы их снизить, губернатор обратился к жителям региона с просьбой минимизировать социальную активность. Он апеллирует к нравственным и этическим нормам поведения граждан. Политик завуалированно выражает требование подчиниться вводимым для минимизации распространения вируса мерам. Семантический анализ наречия *важно* в структуре его значения показывает наличие компонента *необходимо* (Ефремова). Поэтому, высказывание политика можно трансформировать следующим образом: *Необходимо проявить сознательность, ответственность и солидарность*.

(2) *Можно* ходить за покупками в ближайший к вашему дому магазин или аптеку, выносить мусор, выгуливать домашних животных, *но* на расстоянии не больше 100 метров от места вашего жительства⁷.

Высказывание демонстрирует деонтическую возможность в речи губернатора Кемеровской области, реализованную модальным оператором *можно*. Семантическое значение данного оператора отражает разрешение губернатора выполнять определенные действия. Сема *разрешения* в политическом дискурсе используется для снижения категоричности запрета. Правила поведения граждан, введенные в период пандемии, являются ограничительными. Однако политик, будучи лицом, инициирующим эти ограничения, имеет право ввести некоторые исключения, вызванные онтологической необходимостью. В приведенном высказывании смысловую нагрузку ограничителя выполняет противительный союз *но*.

Онтологическая модальность

(3) Чтобы остановить распространение вируса, каждому из нас *нужно* соблюдать режим изоляции, оставаться дома⁸.

Приведенные высказывания политика содержат косвенный директивный речевой акт, реализующий онтологическую необходимость. Однако слова политика воспринимаются не как приказ, а скорее как совет, рекомендация, так как в локутивном акте адресанта отсутствует императив. Директивный речевой акт оформлен предикатами *необходимо носить*, *нужно соблюдать*. Несмотря на то что в семантике лексем *необходимо*, *нужно* содержится

⁵ URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/> (дата обращения 17.03.2020).

⁶ URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/> (дата обращения 31.03.2020).

⁷ URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/> (дата обращения 31.03.2020).

⁸ URL: <https://www.facebook.com/tsivilev42/videos/586543775316546> (дата обращения 15.05.2020).

компонент *требуется* (Ефремова), неопределенная форма глаголов *носить*, *соблюдать* смягчает это требование. Как отмечает Б. Ю. Норман, «инфinitив способен выражать приказание и в этой сфере конкурирует с формами повелительного наклонения. <...> кроме значения, близкого к императивному, неопределенная форма глагола участвует в выражении и других интенций, в том числе алетической модальности (“возможно – невозможно”), деонтической (“должно иметь место” – “запрещено”) и др.» [Норман, 2009, с. 144–145]. Онтологическая необходимость часто связывается с достижением результата, поэтому в высказываниях с онтологической необходимостью встречаются придаточные цели.

(4) *Прошу* вас обращаться за этой помощью в органы социальной защиты, а правительство Кузбасса и я лично проконтролируем этот процесс⁹.

Пример демонстрирует реализацию онтологической возможности в речи губернатора Кемеровской области. Императивный речевой акт, выражющий семантику просьбы, связан с тем, что обращение за помощью не является обязательным, а только обусловлено жизненными обстоятельствами реципиента. Высказывание политика представляет собой побудительное высказывание, содержащее перформатив в модусной части. Просьба, выраженная перформативом *прошу* в сочетании с инфинитивом *обращаться* (в диктумной части высказывания), имплицирует мысль политика о существующей возможности для определенных категорий граждан обращаться за социальной помощью. Такая интерпретация возможна благодаря преобразованию высказывания: *Прошу вас обращаться за этой помощью в органы социальной защиты, а правительство Кузбасса и я лично проконтролируем этот процесс.* = **Вы можете** (если захотите или возникнет необходимость) *обращаться за этой помощью в органы социальной защиты, а правительство Кузбасса и я лично проконтролируем этот процесс.*

Эпистемическая модальность

(5) В течение двух недель помочь *получат* все, кому она полагается, за апрель и до конца месяца – за май¹⁰.

Данный фрагмент представляет пример реализации эпистемической необходимости в речи губернатора Кемеровской области. Эпистемическая необходимость реализована будущим временем, которое тесно связано с модальной семантикой, так как здесь на первый план выходят такие модальные значения, как вероятность ситуации, желательность ситуации, способность к совершению действия. Будущее время в приведенном высказывании образовано от глагольной лексемы *получать*, в структуре значения которой имеется компонент завершенности: *иметь в итоге, результате каких-либо действий* (Ефремова). Такие лексемы обладают манипулятивным потенциалом. Они создают в сознании адресата картину результативности работы политика.

(6) Каждый из них *может быть* носителем коронавируса и представлять опасность для окружающих¹¹.

Высказывание политика (6) содержит предикатив *может быть*, семантическое значение которого выражает *возможность, допустимость* какого-либо события и демонстрирует эпистемическую модальность возможности в речи губернатора Кемеровской области.

Анализ интернет-комментариев к публикациям министра-президента Баварии М. Зёдера. В начале пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, в исследуемых социальных сетях преобладали положительные комментарии, так как М. Зёдер был одним из первых в числе региональных политиков, кто начал предпринимать сдерживающие меры по распространению эпидемии. Решительность министра-президента не только нашла поддерж-

⁹ URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/ (дата обращения 04.05.2020).

¹⁰ URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/ (дата обращения 04.05.2020).

¹¹ URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/ (дата обращения 04.05.2020).

ку у жителей возглавляемого им региона, но и вызвала одобрение у остального населения Германии. Авторы откликов соглашались с решениями, принимаемыми министром-президентом для предотвращения распространения вируса. Большое количество комментариев, оставленных к публикациям М. Зёдера, отражает интерес к проблемам, затронутым в его постах. В центре внимания комментаторов находятся преимущественно профессиональные характеристики министра-президента.

Приведем фрагменты комментариев, демонстрирующие *деонтическую и онтологическую модальность* в откликах интернет-пользователей. Как было отмечено выше, группа комментариев, содержащих деонтическую модальность, встречается в корпусе примеров наиболее часто.

Деонтическая модальность выражается повелительным наклонением и лексемами, относящимися к институциональному дискурсу. Авторы используют мелиоративы для одобрительной оценки действий политика.

(1) **Brigitte Wendt:** Super Krisenmanagement! Ich finde Ihre Vorgehensweise hervorragend, bitte *bleiben Sie auf IHRER LINIE*. Sie ist absolut vertrauenswürdig und macht Mut! Bitte *achten Sie auf Ihre Gesundheit!!!* – *Отличное управление в условиях кризисной ситуации!* Я нахожу Ваш подход превосходным, пожалуйста, придерживайтесь ВАШЕЙ ЛИНИИ. Она абсолютно надежна и придает храбрости! Пожалуйста, берегите свое здоровье!!!¹²

Глагол *bleiben* в повелительном наклонении в контексте приведенного комментария имеет значение не призыва, а совета, рекомендации, поэтому его можно заменить глаголом *sollen*: *bleiben Sie auf IHRER LINIE = Sie sollen Ihre Linie weiter führen*. Так как в семантическую структуру значения модального глагола *sollen* входит компонент долженствования, то данное высказывание можно отнести к деонтической модальности.

(2) **Inge Keil:** ...Ich bin *dankbar und froh in Bayern zu leben* und Dr. Markus Söder unser Ministerpräsident ist. DANKE – Я благодарна и счастлива, что живу в Баварии и что доктор Маркус Зёдер является нашим министром-президентом. СПАСИБО¹³.

В положительной оценке комментатора проявляется *онтологическая модальность* возможности, значение которой раскрывается посредством лексем *dankbar und froh* и инфинитивной конструкцией *in Bayern zu leben*, которые позволяют выполнить трансформацию через глагол *können* с семантикой возможности: *Ich bin dankbar und froh in Bayern zu leben = Ich kann dankbar und froh sein, weil in Bayern leben kann*.

В приведенных выше комментариях (1), (2) авторы соглашаются с решениями политика, поддерживают его и признают его институциональный статус посредством лексем с положительной оценочной семантикой и метаграфемных средств.

Однако уже через месяц после начала пандемии произошло изменение в риторике немецкоязычных комментаторов. Запрет на посещение общественных мест и, более того, запрет на посещение родственников в домах престарелых, закрытые школы и детские сады – эти и другие меры, принимаемые правительством самого крупного региона Германии, вызвали отрицательную реакцию. Тем не менее нельзя сказать, что комментаторы не легитимируют решения политика. Несмотря на неудобства, вызванные введенными сдерживающими мерами по предотвращению распространения эпидемии, содержание комментариев позволяет сделать вывод о том, что авторы откликов соблюдают правила поведения, установленные правительством Баварии. При этом набор оценочных средств расширяется, кроме прилагательных и существительных к оценочной лексике добавляются глаголы чувственного восприятия. Комментаторы не только оценивают решения политика, но и выражают свои эмоции, вызванные этими решениями.

(3) **Harald Brach:** *Sehr gut gefahren bisher!* Langsam wird die Situation aber lächerlich bürokratisch und nicht mehr nachvollziehbar... was wiederum gefährlich ist und. Und das bringt am Ende keinem was! Eine Prag-

¹² URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3676326722440978> (дата обращения 04.05.2020).

¹³ URL: <https://www.facebook.com/bayern/videos/214654166309639/> (дата обращения 17.03.2020).

matische, innovative und verständliche politische Exit Strategie sieht vermutlich anders aus. – *До сих пор все шло очень хорошо!* Но постепенно ситуация становится до смешного бюрократической и перестает быть понятной... что, в свою очередь, опасно и приведет к прорыву плотин. И в итоге это никому не принесет пользы! Прагматичная, инновационная и понятная политическая стратегия выхода, вероятно, выглядит иначе¹⁴.

Деонтическая модальность возможности проявляется при трансформации высказывания *Sehr gut gefahren bisher! = Sie konnten bisher gut handeln*. Также в приведенном примере содержатся лексемы и словосочетания, относящиеся к институциональному дискурсу: *bürokratisch* (означающая чрезмерно формализованную систему управления), *pragmatisch, innovativ, politische Strategie*. Несмотря на отрицательную коннотацию указанных лексем, автор комментария легитимирует действия политика. Он указывает министру-президенту на слабые места в его решениях и рекомендует пересмотреть процесс применения процедур, направленных на борьбу с пандемией.

Стоит отметить, что в отрицательных комментариях модальность интернет-пользователей и модальность политика часто противоположны: копируя языковые модели М. Зёдера, комментаторы интерпретируют их по-своему.

Анализ интернет-комментариев к публикациям губернатора Кемеровской области С. Цивилева. В комментариях, оставленных к публикациям российского политика, также выявлены примеры деонтической и онтологической модальности.

(1) **uyl11_1_wwwwa_56:** *Нужно запретить перемещение общественным транспортом из города в город даже внутри региона, минимизировать контакты таким образом*¹⁵.

Комментарий транслирует деонтическую модальность необходимости автора посредством модального оператора *нужно*. При помощи данного оператора комментатор обращается к губернатору как должностному лицу и призывает его предпринять соответствующие действия для достижения положительных результатов.

(2) **pletka83:** *Уважаемый Сергей Евгеньевич. Почитав комментарии, я очень хочу пожелать Вам терпения, терпения и ещё раз терпения. Вот у меня есть планы на будущее и я хочу быть жива и здорова и согласна, что нас спасёт самоизоляция, так мы хотя бы все сразу не заболеем. Я не вижу сложности в оформлении пропуска по личной надобности, а на работу пропуск мне предприятие оформит*¹⁶.

В примере можно проследить взаимодействие деонтической и онтологической модальности необходимости. Автор комментария использует этикетное обращение *Уважаемый Сергей Евгеньевич* и считает важным выполнять распоряжения губернатора по обеспечению безопасности в условиях пандемии. По мнению автора, для сохранения жизни и здоровья необходимо придерживаться правил, установленных политиком.

Результаты проведенного исследования подтвердили, что в условиях принятия политических решений институциональный фактор в реализации субъективной модальности как лингвоперсонологической категории является детерминирующим.

В дискурсе министра-президента Баварии Маркуса Зёдера и губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева выделены три типа субъективной модальности: деонтическая, онтологическая, эпистемическая. В количественном отношении в дискурсе обоих политиков преобладает эпистемическая модальность.

Политики объясняют введение тех или иных мер необходимостью сохранить здоровье жителей подвластных им регионов. При этом в ходе анализа примеров выявлено, что министр-президент Баварии открыто проявляет свое отношение к ситуации. Он прямо заявляет о необходимости консолидации общества для реализации противовирусных мер с целью сохранения здоровья и жизни населения. Дискурс губернатора Кемеровской области содержит больше имплицитных конструкций.

¹⁴ URL: <https://www.facebook.com/markus.soder.75/posts/3758585160881800> (дата обращения 28.04.2020).

¹⁵ URL: <https://www.instagram.com/p/B-ZxEtsifqe/> (дата обращения 31.03.2020).

¹⁶ URL: https://www.instagram.com/p/B_w3F4wIo3g/ (дата обращения 04.05.2020).

Субъективная модальность обоих политиков реализуется разными языковыми средствами. Модальность в речи немецкого политика выражается модальными глаголами и наречиями, грамматическими конструкциями с семантикой долженствования, будущим временем, прочими лексико-грамматическими конструкциями, при трансформации которых обнаруживаются модальные операторы соответствующей модальности.

В модальности речи российского политика преобладают перформативы, лексико-грамматические конструкции, модификация которых помогает определить тип модальности дискурса губернатора.

В проанализированных комментариях к публикациям политиков были выявлены два типа модальности – деонтическая и онтологическая, имеющие схожие средства выражения – модальные операторы, оценочные лексемы, императивные конструкции, метаграфемные средства. В комментариях преобладает деонтическая модальность, так как в откликах интернет-комментаторов содержится оценка политических решений глав регионов в условиях пандемии.

Решающую роль в выборе типа модальности и способов ее выражения как в текстах политиков, так и в текстах интернет-комментаторов играет и экстралингвистический контекст, в котором осуществляется речевой акт, так как именно он во многом определяет речевое оформление высказывания участников коммуникации.

Список литературы

- Алексеева А. А., Ли Ц.** Истинностная оценка в комментариях интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 42–49. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-42-49
- Альмяшова Л. В., Монастырская Е. А.** Современные лингвистические исследования: языковая актуализация картины мира. Кемерово: КемТИПП, 2016. 106 с.
- Алтунян А. Г.** Анализ политических текстов: Учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 384 с.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
- Иванов Р. Л.** Легитимность государственной власти // Вестник Ом. гос. ун-та. Серия: Право. 2012. № 1 (30). С. 6–17.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л.** Словарь по логике. М.: Туманит; ВЛАДОС, 1997. 384 с.
- Иссерс О. С.** Границы «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 216–227. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Норман Б. Ю.** Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): Курс лекций. Минск, 2009. 183 с.
- Падучева Е. В.** Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2016. 448 с.
- Темиргазина З. К.** Модальные значения как эффективное средство языкового воздействия в речи политиков // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 44–50. DOI 10.26170/p119-06-05
- Шевченко И. В.** Логика и теория аргументации: планы лекций, семинарских занятий и методические указания для студентов гуманитарного факультета / СПбГУТ. СПб., 2006. 26 с.
- Jachnow H.** Modalität und Modus: allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1994. 413 S.
- Suchman M. C.** Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // The Academy of Management Review. 1995. Vol. 20, no. 3. P. 571-610. DOI 10.2307/258788

Список словарей / List of Dictionaries

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de>
 Ефремова – Толковый онлайн-словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>

References

- Alekseeva A. A., Li Ts.** Istinnostnaya otsenka v kommentariyakh internet-pol'zovatelei k novostyam o pandemii koronavirusa SARS-CoV-2 [Truth Evaluation in Online User Comments on News About the SARS-CoV-2 Coronavirus Pandemic]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 42–49. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-42-49
- Almyashova L. V., Monastyrskaya E. A.** Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya: yazykovaya aktualizatsiya kartiny mira [Modern Linguistic Studies: The Linguistic Actualization of the Worldview]. Kemerovo, KemTIPP Press, 2016, 106 p. (in Russ.)
- Altunyan A. G.** Analiz politicheskikh tekstov [Analysis of Political Texts]. Textbook. Moscow, University book, Logos Publ., 2006, 384 p. (in Russ.)
- Balli Sh.** Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1955, 416 p. (in Russ.)
- Jachnow H.** Modalität und Modus: allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1994, 413 S.
- Ivanov R. L.** Legitimnost' gosudarstvennoi vlasti [Legitimacy of State Power]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Vestnik of Omsk University. Series: Law], 2012, no. 1 (30), pp. 6–17. (in Russ.)
- Ivin A. A., Nikiforov A. L.** Slovar' po logike [Dictionary of Logic]. Moscow, Tumanit, VLADOS Publ., 1997, 384 p. (in Russ.)
- Issers O. S.** Grani “novoi iskrennosti” v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Facets of “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216–227. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Norman B. Yu.** Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskih yazykov) [Linguistic Pragmatics (Based on Russian and Other Slavic languages)]. A Course of Lectures. Minsk, 2009, 183 p. (in Russ.)
- Paducheva E. V.** Materialy k Korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast' I [Materials for the Corpus Grammar of the Russian Language. The Verb. Part I]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, 448 p. (in Russ.)
- Temirgazina Z. K.** Modal'nye znacheniya kak effektivnoe sredstvo yazykovogo vozdeistviya v rechi politikov [Modal Meanings as an Effective Tool of Linguistic Influence in the Speech of Politicians]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2019, no. 6 (78), pp. 44–50. (in Russ.) DOI 10.26170/pl19-06-05
- Shevchenko I. V.** Logika i teoriya argumentatsii [Logic and Theory of Argumentation]. St. Petersburg, SPbGUT Press, 2006, 26 p. (in Russ.)
- Suchman M. C.** Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *The Academy of Management Review*, 1995, vol. 20, no. 3, pp. 571–610. DOI 10.2307/258788

Информация об авторах

Наталья Владимировна Мельник, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID56259079200

WoS Researcher ID H-5819-2016

RSCI Author ID 427708

Мария Александровна Силкова

Scopus Author ID 57218272513

WoS Researcher ID ABA-3611-2021

RSCI Author ID 1009188

Information about the Authors

Natalia V. Melnik, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID56259079200

WoS Researcher ID H-5819-2016

RSCI Author ID 427708

Maria A. Silkova

Scopus Author ID 57218272513

WoS Researcher ID ABA-3611-2021

RSCI Author ID 1009188

Вклад авторов:

Н. В. Мельник – разработка концепции исследования, формулирование выводов, доработка текста.

М. А. Силкова – отбор и анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии текста.

Author Contributions:

Natalia V. Melnik conceptualized the study, formulated the conclusions, and revised the manuscript.

Maria A. Silkova selected and analysed the material, formulated the conclusions, and prepared the initial draft of the manuscript.

*Статья поступила в редакцию 06.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.08.2024
The article was submitted 06.04.2024;
approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.08.2024*

Научная статья

УДК 81'37

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Отражение сферы интимных отношений в монгольских языках

Екатерина Владимировна Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

sundueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению глаголов монгольских языков, характеризующих процесс совершения полового акта. Среди них выявлены образования с исходной семантикой удара, представляющие собой семантическую универсалию. Примечательно функционирование заместительных глаголов с целью избегания коммуникативного дискомфорта. Глаголы рассматриваемого поля обладают национально маркированными чертами, обусловленными культурным своеобразием речевой культуры и традициями монгольских народов. В частности, выявлены случаи переноса скотоводческой лексики в сферу отношений между полами. Наличие богатейшего пласта изобразительной лексики в монгольских языках также позволяет искусно завуалировать неуместные формы. Анализ слов, относящихся к сфере интимных отношений, позволил прийти к выводу о том, что в их семантике содержится как универсальный, так и специфический характер ментального мира носителей монгольских языков.

Ключевые слова

монгольские языки, глагол, семантика, номинация, эвфемизм, дисфемизм

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 121031000258-9 «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности»)

Для цитирования

Сундуева Е. В. Отражение сферы интимных отношений в монгольских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 54–63. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Reflection of Intimate Relations in Mongolian Languages

Ekaterina V. Sundueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

sundueva@email.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>

Abstract

Purpose. The author considers the verbs of the Mongolian languages characterizing the process of sexual intercourse. Due to the high degree of taboo of the topic under consideration, a large number of the verbs of Mongolian languages appeared in processes of the lexicalization of the figurative meaning of the word and the lexicalization of syntactic phrases.

© Сундуева Е. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 54–63
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 54–63

Results. The material of paper contains only two verbs formed using the affixal way of word formation. From the point of view of evaluative variation, euphemisms, dysphemisms, and orthophemisms can be distinguished among the verbs of the sphere under consideration. There are verbs with the initial semantics of impact, representing a semantic universal, are identified. The functioning of substitutive verbs in order to avoid communicative discomfort is noteworthy. The verbs of the field under consideration have nationally marked features due to the cultural originality of the speech culture and traditions of the Mongolian peoples. In particular, cases of the transfer of pastoral vocabulary into the sphere of relations between the sexes have been identified. The presence of a rich layer of imitative words in the Mongolian languages also makes it possible to skillfully conceal inappropriate forms. The analysis of words related to the sphere of intimate relations allowed us to conclude that their semantics contain both the universal and specific character of the mental world of native Mongolian speakers.

Keywords

Mongolian languages, verb, semantics, nomination, euphemism, dysphemism

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project no. 121031000258-9 “Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth”)

For citation

Sundueva E. V. Reflection of Intimate Relations in Mongolian Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 54–63. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-54-63

Актуальность изучения пласта лексики монгольских языков, связанной с вербализацией половых отношений, обусловлена тем, что он является частью системы морально-нравственных ценностей народа. Ее изучение связано с определенными затруднениями, обусловленными высокой табуированностью этой темы, особенно среди информантов старшего поколения. В данной работе нами будут рассмотрены наименования процесса совершения полового акта с целью выявления особенностей данного семантического поля. Материалом для исследования послужили данные двуязычных, толковых словарей монгольских языков, «Электронного корпуса бурятского языка», фольклорные источники, а также полевые записи автора. Анализу подвергнуто 85 лексических единиц с рассматриваемой семантикой. Были использованы описательный метод, методы сплошной выборки, систематизации выбранных языковых единиц и их контекстологического анализа. Лексика, связанная с половыми отношениями, с позиции этимологии стала предметом рассмотрения монгольского ученого Ш. Одонтэра [1996]. В целом вопросы эвфемизации в монгольских языках освещаются в работах Д. Д. Санжиной [2005], Г. С. Биткеевой [2007], З. Д. Ульзетуевой [2009], О. С. Цыдендамбаевой [2011]. Ранее нами были изучены существительные монгольских языков, обозначающие любовь в ее духовном проявлении, а также некоторые соматизмы телесного низа, входящие в состав обсценной лексики бурятского языка [Сундуева, 2016а; 2016б].

Единственным непроизводным однозначным глаголом данного семантического поля является п.-монг. *oqiqi* ‘иметь половые сношения’ (Lessing, 1960, p. 626), монг. *охох* ‘иметь половые сношения’ (БАМРС II, с. 505). Более точная дефиниция дана в бур. *охогох* ‘иметь сношение с лицом женского пола’ (БРС II, с. 57), взаимный процесс передается с помощью аффикса совместного залога: монг. *охолдох*, бур. *охолдохо*, *охосолдохо*, калм. *охлдх* ‘заниматься сексом’. Слово относится к вульгаризмам, образует в бурятском языке пейоратив *ёхомор*, возникший в результате стяжения словосочетания *эхээ охомор*, где *эхээ* ‘свою мать’, в халха-монгольском языке *эцгээ ал*, *эхээ ох*.

В связи с высокой степенью табуированности рассматриваемой темы в монгольских языках представлено большое количество как простых, так сложных глаголов, возникших в результате лексикализации переносного значения слова и лексикализации синтаксических словосочетаний. В нашем материале зафиксировано лишь два глагола, образованных с помощью аффиксального способа: п.-монг. *tačiyalduqu* ‘чувствовать взаимную к себе страсть; coire’ (Kowalewski, 1849, p. 1654) – посредством суффикса *-du* от существительного *tačiyal* ‘вождение’; бур. Барг. *тамхилха* ‘заниматься сексом’ – посредством суффикса *-ла* от существительного *тамхи(н)*. Основное значение слова ‘табак’, однако оно также используется в монгольских языках как наименование мужского полового члена, как правило, детского,

например, мальчику говорят: *Тамхяа бу бари* ‘Не трогай там’. Так, раньше старики шутливо обращались к мальчикам: бур. *Тамхяа татуулыш / үндүүлүш*, монг. *Алив тамхийг нь татыя* ‘Дай на понюшку’. По предположению Ш. Одонтёра, метафорический перенос основан на том, что запах мокрых пеленок по крепости ассоциировался с запахом нюхательного табака [Одонтёр, 1996, х. 18].

С позиции оценочного варьирования среди глаголов рассматриваемой сферы можно выделить эвфемизмы, дисфемизмы и ортофемизмы. К. Аллан и К. Барридж определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения [Allan, Burridge, 2006, p. 29]. Л. П. Крысин, рассматривая сферу, касающуюся личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц, выделяет в ней четыре группы эвфемизмов: физиологические процессы; части тела; болезнь и смерть; отношения между полами [Крысин, 2000, с. 384–408].

Ортофемизмы. Ряд сложных глаголов образован с помощью существительных со значением ‘вожделение’ и глаголов монг. *үйлдэх* ‘делать, производить’, *эдлэх* ‘испытывать’: монг. *хурьцал үйлдэх, хурьцал эдлэх* (БАМРС IV, с. 173, 398), бур. *хурисал үйлэдэхэ, хурисал эдлэхэ* ‘иметь половые сношения’ (БРС II, с. 159, 651), п.-монг. *taсiyal edlekij* ‘чувственно наслаждаться: соитие’ (Kowalewski, 1849, p. 1652), бур. *дура эдлэхэ* ‘удовлетворять похоть’: *Юун болоо юм, Хандама илангаяа халуун, бээс хүсээд үгэнги байжса, эсээтэрээ хоюулан дура эдлээд, Хандамын асарhan квас уужса, энэ ушарай шалтагаашии ойлгожсо ядан хэбтэбэ* (Ц. Цырендоржиев)¹ ‘Непонятно, что случилось, Хандама была особенно горячей и раскремпленной, мы до устали занимались любовью, а потом я лежал, попивая принесенный Хандамой квас и не понимая причину произошедшего’ (здесь и далее перевод наш. – Е. С.).

Глагол *edlekij* ‘наслаждаться, вкушать; испытывать’ (Kowalewski, 1849, p. 203) может сочетаться с существительными (монг. *аз жаргал эдлэх* ‘испытывать счастье’, *зовлон эдлэх* ‘переносить страдания’), а также самостоятельно передавать значение ‘совершать половой акт с лицом женского пола’: бур. *Нюдээз анихадаа, Хандамыемни ямар нэгэ ондоо эрэ эдлэжэ, наихан уралнууднаань унаанамттай ёогое даран, эбдүүсэн таалаандал нанагдаад, би эжэлүүдгүй ёлобоб* (Ц. Цырендоржиев) ‘Закрыв глаза, я представил, как другой мужчина занимается любовью с моей Хандамой, жарко целуя ее, заглушая сладкий стон, срывающийся с ее прекрасных губ, и непроизвольно застонал’.

Переносное значение ‘совершать половой акт с лицом женского пола’ развилось от основного монг. *эдлэх* ‘владеть, обладать, иметь’ (БАМРС IV, с. 399), бур. *эдлэхэ* ‘употреблять’ (БРС II, с. 650): *Арбадахиie дүүргэхэдээ, би түрүүшүнгээ эхэнэрье эдлээ hэм* (Ц. Цырендоржиев) ‘Когда я заканчивал десятый класс, впервые познал женщину’. Сложный глагол бур. *хүсөөр эдлэхэ* ‘насиловать’ дословно имеет значение ‘насильно совершать половой акт’: *Шамайе хүсөөр эдлээд, басаган бээьеини бузарлажархихаб* (М. Осодоев) ‘Силой овладев, я оскверню твое девственное тело’. В русском языке глагол *иметь* также используется в значении ‘совершать половой акт с кем-либо’. Данная семантическая филиация связана с патриархальными взглядами на секс, когда мужчина использует женщину в своих интересах, не учитывая ее. Взаимный интерес прослеживается в бур. *бэе бэеын эдлүүри* ‘секс’ (досл. ‘использование друг друга’): *Хоюулан сэбэр агаараар амилан, бэе бэеедээ няалдаад хэбтэхэдээ, бидэнэртэ бэе бэеын эдлүүри хэрэггүй байгаа* (Ц. Цырендоржиев) ‘Когда мы, дыша свежим воздухом, прижимались друг к другу, нам не нужен был никакой секс’.

Дисфемизмы. К словам сниженного стиля со значением ‘совершать половой акт с лицом женского пола’, подчеркивающим доминирующую роль мужчины в сексуальном контакте, относится ряд глаголов с основной семантикой активного физического воздействия, в том числе удара, проникновения, размещения: монг. *гөвөх*, бур. *гүбихэ* ‘бить, ударять’; монг. *цохих* ‘бить’; монг. *шаах*, бур. *шааха* ‘всаживать, втыкать’; бур. *ташаха* ‘шлепать, ударять’; монг. *нухах*, бур. *нююхаха* ‘мять, разминать’; бур. *носохо* ‘приставать, домогаться’; бур. *бууда-*

¹ Примеры взяты из Бурятского корпуса. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

ха ‘стрелять’; бур. *хадааяа хадхаха* ‘забить свой гвоздь’; бур. *мяхан хутагаар хадхаха* ‘тыкать мясным ножом’ (ср. рус. *кожаный кинжал*), бур. *модоо хаяха* ‘бросать свою палку’ (ср. рус. *кинуть палку*) и пр. Подобный перенос значения представляет собой семантическую универсалию (ср. рус. *трахать* от ‘ударять с силой и шумом’; *драть* от ‘рвать на части или повреждать чем-то острым’, *шипить* от ‘пронизывать шпилькой’ и др.).

Глаголы со значением физического воздействия, завуалированно обозначающие половой акт, представлены в уникальном эпическом произведении «Ужа намган», записанном 18 августа 1928 г. Г. Д. Санжеевым от Николая Тужинова в улусе Ср. Куйта Унгинского хошуна Аларского аймака Иркутской области. Небольшое по объему произведение, состоящее из 181 строки, повествует о женщине, искавшей и нашедшей мужа с «большим достоинством». Процесс их совокупления красочно описывается следующим образом: *дабаралдажа байжса, / далан хубүү гаргабад, / охолдожо байжса / олон хубүү гаргабад, / ёборолдожо байжса / юнэн хубүү гаргабад, / шаалдажа байжса / шаастайе гаргабад, / тулхилдэжэ байжса / түмэн хубүү гаргабад*² ‘кувыркаясь, / семидесят сыновей родили, / совокупляясь, / множество сыновей родили, / ударяя друг друга кулаком, / девять сыновей родили, / дерясь, / дочерей родили, / толкаясь, тьму сыновей родили’. Здесь глагол *дабаралдаха*, отсутствующий в «Бурятско-русском словаре», переведен приблизительно на основе значения глагола *дабаха* ‘переваливать через что-л.’. По наблюдению Л. С. Дампиловой, при подчеркивании в фольклорных гиперэротизма основное значение имеет не столько мотив коитуса, сколько тема производительности [Дампилова, 2008, с. 37].

В баргузинском говоре зафиксирован глагол *дарасалдаха*, образованный от глагола *дараалдаха* ‘давить друг друга’, так же как *охосолдохо* ‘иметь половые сношения’ (БРС II, с. 57) от глагола *охолдохо*. Выражение *дэбдэхэр хобсор болтороо дарасалдаха* можно перевести как ‘заниматься любовью пока тюфяк не превратится в половик’.

Монгольские языки обладают богатейшим классом изобразительных слов, восходящих к определенным звукам и образам, с помощью которых также вуалируются половые отношения. Так, в фонде С. П. Балдаева содержится шаманское призывание «Хүгшүүд» (Сивые девицы), в котором символический акт оплодотворения дочерей Эсэгэ Малан тэнгри молодым тунгусским охотником Хан Нахураем передается посредством аналитических конструкций с изобразительными корнями: *Баймаган балд гэлсэжэ, / Басага асарха бололойт, / Йуумаган үүлд гэлсэжэ, / Хүбүү гаргаха бололойт* (цит. по: [Дампилова, 2008, с. 37]) ‘Стоя друг друга хватая, / Дочь вы зачали, / Сидя друг на друге прыгая, / Сына вы зачали’. Л. С. Дампиловой дан приблизительный перевод: ‘Когда соединялся с девушками стоя, / Зачинали девочку. / Когда соединялся с ними сидя, / Зачинали мальчика’ [Там же, с. 37]. Образное наречие *балд байса* имеет значение ‘грубо, резко’ (ТСБЯ I, с. 211), глагол *балд гэхэ* можно перевести как ‘грубо хватать’. Звукоподражательный глагол *үүлд гэхэ* ассоциируется с гулкостью, провалыванием вниз: – *Хари хоёр-гурбан хоногой хэжэг хүрөө гээшэ гү даа, ехэл ханялгана, шадал тэнхээм үгы, – гээд, хэлэнхэн үгээз баталха гэнэндэл худалаар үүлд байса ханялбаб* (А. Жамбалдоржиев) ‘Я сказал: «Последние два-три дня, видимо, грипп у меня, сильный кашель, сил нет» и словно в подтверждение своих слов стал притворно гулко кашлять’. Фонетически близкий глагол *гүлд гэхэ* имеет значение ‘звукно глотать’ (ТСБЯ I, с. 507).

В халха-монгольском языке зафиксирован образный глагол *оцгонолдох*, образованный от глагола *оцгонох* ‘выступать, торчать верхней частью вперед’ (БАМРС II, с. 506). В «Толковом словаре монгольского языка» дается словосочетание *оцгор бөгс* ‘большой, выпяченный зад’³, из которого становится понятно, что *оцгонолдох* означает ‘двигать большими попами’. В бурятском языке представлен дисфемизм *хондоилгохо* ‘заставить выпятить попу’, образованный от глагола *хондоихо* ‘выпячиваться – о заде’. Также в разговорном халха-

² Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Общий архивный фонд (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ). Д. 2224. Г. Д. Санжеев. Л. 34.

³ URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/70075> (дата обращения 15.01.2024).

монгольском языке активно используются глаголы *бавах* ‘иметь сношение с лицом женского пола’, *бавалзах* ‘заниматься сексом’. Основное значение образного глагола монг. *бавалзах* ‘трясти лохмами, космами, бородой’ (БАМРС I, с. 205), бур. *бабалзаха* ‘маячить, шевелиться – о чем-либо лохматом, пушистом’ (ТСБЯ I, с. 184). В речи встречается парный глагол *бавах шавах*, от него образован глагол *баваа шаваа хийх*. Компонент *шавах* имеет звукоподражательную основу, передающую звук хлопка, шлепка.

Звукоподражательная сфера представлена такими глаголами, как монг. *пүр-пүр хийх* ‘шуметь, шипеть’, бур. *нариаганаха* ‘досл. шуршать, шелестеть’. В русском языке к звукоподражаниям относятся глаголы *чпокать, шпёхать, диньдинькаться* и др.

К дисфемизмам можно отнести глаголы, перенесенные из сферы домашних животных: монг. *харайх* ‘скакать’, *мордох* ‘садиться верхом’, *нохой мордох* ‘сесть верхом на собаку’ (ср. рус. *по-собачьи*, англ. *doggy-style*), монг. *азаргалах* ‘покрывать кобылу’, монг. *гиигэх*, бур. *гэихэх* ‘покрывать самку, совокупляться – о жеребцах’, бур. *зайлада орохо* ‘случаться с быком’, *ороондо орохо* ‘случаться’. Бурятский глагол *хөөсэлдэх* ‘заниматься сексом’ происходит от *хөөхэ* ‘гоняться’, в халха-монгольском языке *хүц хөөхэ* ‘гоняться – о баране-производителе в период течки’ (БАМРС IV, с. 144). В значении ‘иметь сношение с лицом мужского пола’ используются бур. *унаха* ‘оседлать’, *аладаа хабшуулха* ‘зажимать в промежности’. Несомненно, используемый при метафоризации зоологический код обусловлен важной ролью домашних животных в жизни кочевников и позволяет раскрыть национально-культурную специфику монгольских языков.

Также представляет интерес использование пищевого кода в языке новых баргутов Китая: появление глагола *айраг бүлэх* ‘сбивать айрак’ в значении ‘заниматься любовью’ связано с механическими действиями мутовки для сбивания айрака. Примечательно, что среди старых баргутов глагол в подобном значении не используется в связи с высокой степенью сакральности молочной пищи. Предметный код используется в широко распространенном эвфемизме *энгэр зөрүүлэх* ‘совокупляться’ (БАМРС IV, с. 415), досл. ‘тереться бортами одежды друг о друга’.

Эвфемизмы. К эвфемизмам можно отнести глаголы, образованные от монг. *явлдах* ‘ходить вместе’, бур. *үгэлдэх* ‘давать друг другу’, монг. *унтхах*, бур. *унтхаха* ‘спать’, ср. рус. *спать* ‘иметь половую связь’. В осинском говоре бурятского языка глагольная основа также принимает не характерный для основной семантики глагола аффикс совместного залога: *унтлдаха* ‘быть в интимных отношениях’.

В улигере качугских бурят «Эржэн Мэргэн хүбүүн», записанном С. П. Балдаевым, глагол *унтхаха* используется в паре с синонимом *нойришохо* ‘спать’ в значении ‘заниматься любовью’: Эржэн Мэргэн хүбүүн / Үнэгэши Тайжса басагатаяа / Обоо зөөлэн орондоо орожи, / Уушха зөөлэн хүнжэлөөрөх хушажи, / Хушуу хушиугаа холбожи, / Нахюу газараараан / Нахид байсаран тэбэрэлдэжи, / Бүдүүн газараараан / Бүгсэгэд байсаран таалалдажи / Унтан нойришонониин тэрэ лэ⁴ ‘Эржэн Мэргэн хубуун / С девушкой Үнэгэши Тайж / В пышную мягкую постель возлегли, / Нежным мягким одеялом накрылись, / Устами друг к другу прильнув, / Изогнутые места [тела] / Выгиная, обнимали. / Плотные места [тела] / Выпячивая, целовали. / Так они занимались любовью’.

Среди глаголов со значением ‘объединяться’ в рассматриваемой семантической сфере используются монг. *нэгдэх* ‘соединяться’, *залгалдах* ‘стыковаться’, *нийлэх* ‘сливаться’, бур. *ханилан нийлэх* ‘совокупляться’ (букв. ‘сдружившись соединяться’), монг. *ойртох* ‘ближаться’.

В монгольских языках в рассматриваемом значении используются «игровые» глаголы: бур. *наадаха* ‘играть, развлекаться’, *зугаалха* ‘развлекаться, веселиться’, монг. *хайрын баяраа хэхэ* ‘устраивать праздник любви’. Так, в бурятском эпосе «Алтан шагай» любовные игры героев представлены следующим образом: *Суур сагаан хушиугаараа / Озодожи хэбтэнэд*

⁴ ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 233. Стк. 2971–2980.

лэ. / Сомсогой сагаан хүхэйн / Таалажи хэбтэнэ. / Дээрэ доро гаралсажи, / Дэлэн хүхөө барилсажи, / Зугаалажи хэбтэнэ [Шаракшинова, 2000, с. 30] ‘Вытянутыми белыми устами своими / Целуясь, лежат [они]. / Упругие белые груди ее / Лаская, лежит [он]. / Кто сверху, кто снизу – позы меняя, / За грудь друг друга держась, / Развлекаясь, лежат [они]’. Поэтический перевод Н. О. Шаракшиновой: «Своими алыми устами / Они целуются, обнимаясь. / Он ее ласкает, обнимает, / Грудь тугую гладит ей. / Ласкает, заключив в объятия ее. / Любовью оба насладившись...» [Там же, с. 68]. Как видно, здесь глагол зугаалха переведен как ‘наслаждаться любовью’.

«Одной из крайностей в отношении к эротическому является стремление избежать любого упоминания половых действий за счет употребления местоимений *оно, это, нечто, что-то и т. д.*» [Чжан Чань, 2011, с. 40]. В монгольских языках с целью избежать коммуникативного дискомфорта используются заместительные глаголы монг. яах, бур. яаха ‘делать что-л. (употребляется для заполнения паузы при затруднении говорящего выразить свою мысль, подобрать нужное слово или выражение, иногда заменяет все недосказанное)’ (БРС II, с. 693), монг. тэгэх, бур. тиихэ, тиигэх ‘делать так, поступать таким образом’ (БРС II, с. 239). Вопросы бур. Яахамнай гү? Тиихэмнай гү? можно перевести как «Давай займемся этим?». В хорчинской народной песне поется: Ямаан дэвсгэрээ дэвслээ дээ, / Яндартай жинтуугээ тавьчихлаа хө. / Яаранхай зантай чи л минь / Яая яасан ч гүй явчихлаа хө ‘Козью подстилку постелила, / Подушку с белым платком положила. / А ты, мой торопливый, / Так толком ничего не сделав, ушел’. В ойратском языке используется пейоратив эхээ тэгмэр, в котором глагольная основа охох ‘иметь сношение с лицом женского пола’ заменена на тэгэх. Основной причиной появления в русском языке местоглаголия *этовать* Л. П. Юзьова считает стремление говорящих не утруждать себя подбором определенного глагола, а использовать так называемый заменитель всех глаголов. При этом автор отмечает, что, с другой стороны, глагол *этовать* заменяет нецензурный глагол [Юзьова, 2019, с. 149].

Среди эвфемизмов, возникших в результате лексикализации синтаксических словосочетаний, выделяется группа, в которых секс ассоциируется с некой работой: бур. ажалаа хэхэ ‘выполнять свою работу’, монг. эр эмийн ажил хийх, бур. эрэ эмын ябадал хэхэ ‘выполнять работу мужчины и женщины’; ор дэрний ажил хийх (букв. кровати и подушки работу выполнять) ‘выполнять постельную работу’, хөнжлийн явдал хийх (букв. одеяла работу выполнять) ‘делать постельные дела’, бур. инагай ябадал хэхэ ‘совершать любовные дела’. Тема постели «объигрывается» в таких образцах, как дэр нэгтгэх, дэр нийлүүлэх ‘объединять подушки’, өнчин дэр жаргаах ‘доставлять удовольствие одинокой подушке’. О. С. Цыдендамбаевой выявляются универсальные черты в эвфемизмах с позиции отражения ими определенного видения мира человеком, в частности, автором выделяется эвфемизм, относящийся к обозначению интимных отношений: бур. орондо оруулха ‘букв. впустить в кровать’, рус. делить свое ложе, англ. *go to bed with sb* ‘пойти в кровать с кем-л.’, нем. *mit j-m das Bett teilen* ‘делить с кем-л. кровать’ [Цыдендамбаева, 2020, с. 7].

Как пишет Ш. Одонтөр, эвфемизмы загас наадуулах ‘заставлять играть рыбок’, загас тэнциулэх ‘уравновешивать рыбок’, загас усны цэнгэл уусгэх ‘устраивать веселье рыбок и воды’ пришли из восточной литературы, сравнение с рыбками основано на их плавном, свободном движении в воде [Одонтөр, 1996, х. 43]. Также в восточной литературе встречаются примеры эвфемистической презентации сферы сексуальных отношений на основе переноса из области атмосферных явлений, например: нар сарны явдал үйлдэх ‘уподобляться солнцу и луне’, үүлэн борооны явдал хийх ‘уподобляться тучам и дождю’. Примечательно, что в китайском языке есть подобный фразеологизм: 云雨уйпуй ‘тучи и дождь; заниматься любовью’. Параллель между явлениями природы и сексуальными отношениями прослеживается в бурятской загадке, отгадкой к которой является гроза: Баруун тээхээ ерэхэдэнь барихань гэжэ *hанааб*. / Барийд дараад унахадань, алахань гэжэ *hанааб*. / Хатуу ёдогороо гаргахадань хутаганийн гэжэ *hанааб*. / Халуун бүлээнээр бусалхадань шүнанийн гэжэ *hанааб* (записано от М. С. Маншеева, 1958 г. р., род хулзаан сагаантан, с. Хойтогол Тункинского

района Республики Бурятия) ‘Когда пришел он с западной стороны, подумала, что поймает. / Когда, схватив, сверху меня придавил, подумала, что убьет. / Когда нечто твердое и остроконечное вынул, подумала, что это нож. / Когда теплым обдал, подумала, что кровь’. Занятия любовью в халха-монгольском языке также вуалируются с помощью таких поэтических образований, как *балын амтанд согтуурах* ‘пьянять от вкуса меда’, *жаргалын дээдийг эдлэх / амсах / хүртэх* (букв. счастья высшую [степень] испытывать / отведывать / получать) ‘испытывать высшее наслаждение’, *амьдын жаргал эдлэх* (букв. жизни счастье испытывать) ‘испытывать истинное счастье’.

Итак, глаголы со значением ‘совершать половой акт’ образуют в монгольских языках обширный синонимичный ряд, который постоянно пополняется. В сфере вербализации половых отношений наблюдаются универсальные процессы эвфемизации и дисфемизации, которые представляют собой две противоположные тенденции – либо к смягчению, либо к усилению негативной экспрессии. Также нами выделены ортофемизмы, которые используются в словарных статьях, литературных произведениях. Среди дисфемизмов выделена довольно большая группа глаголов с семантикой удара или другого физического воздействия, свидетельствующая об активной мужской и пассивной женской роли. В качестве особенности выделяются образные глаголы, дающие яркую эмоциональную характеристику процессу совершения полового акта. Национально-культурная специфика, безусловно, проявляется в глаголах, семантически связанных со сферой животноводства. Рассмотренные в данной работе глаголы представляют собой важный источник в плане выражения ассоциативно-образного строя мышления носителей монгольских языков.

Список сокращений

англ. – английский, бур. – бурятский, бур. Барг. – баргузинский говор бурятского языка, калм. – калмыцкий, монг. – халха-монгольский, нем. – немецкий, п.-монг. – старописьменный монгольский, рус. – русский

Список литературы

- Биткеева Г. С.** Роль эвфемизмов в историческом развитии языка // Проблемы исторического развития монгольских языков: Материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 окт. 2007 г.). СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32–35.
- Дампилова Л. С.** Сексуально-эротические мотивы в шаманских песнопениях бурят // Живая старина. 2008. № 3. С. 37–39.
- Крысин Л. П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
- Санжина Д. Д.** Эвфемизмы в картине мира бурят // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания: Материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 21–24 июня 2005 г.). Улан-Удэ, 2005. С. 208–209.
- Сундуева Е. В.** Обсценная лексика бурятского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016а. № 2 (12). С. 49–56.
- Сундуева Е. В.** Семантическая сфера любви в монгольских языках // Гуманитарный вектор. Серия: Филология. Востоковедение. 2016б. Т. 11, № 3. С. 189–193. DOI 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193
- Ульзетуева З. Д.** Эвфемизмы в аспекте языковой толерантности // Проблемы монголоведных и алтайских исследований: Материалы Междунар. конф., посвящ. 70-летию проф. В. И. Рассадина (Элиста, 11–13 нояб. 2009 г.). Элиста, 2009. С. 199–201.
- Цыдендамбаева О. С.** Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского, немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 178 с.

- Цыдендамбаева О. С.** Концепт жизнь человека в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (дата обращения 28.01.2024).
- Чжан Чань.** Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 10 (64). С. 38–42.
- Шаракшинова Н. О.** Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.
- Юздова Л. П.** Неолексема *этовать* в свете экологии языка // Вестник Курган. гос. ун-та. 2019. № 1 (52). С. 148–150.
- Allan K., Burridge K.** Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2006. 303 p.
- Одонтөр Ш.** Монгол секс-үгийн тайлбар. Улаанбаатар: Сүхбаатар, 1996. 80 х. (на монг. яз.)

Список словарей

- БАМРС I – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.
- БАМРС II – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2: Д–О. 536 с.
- БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4: Х–Я. 532 с.
- БРС II – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республикаанская типография, 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- ТСБЯ I – Сундуева Е. В., Балыжинимаева Ц. Ц., Бабуев С. Д., Цыренов Б. Д. Толковый словарь бурятского языка: В 4 т. Улан-Батор: Нандир, 2023. Т. 1: А–Д. 690 с.
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. Vol. 1–3. 2690 p.
- Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: Uni. of California Press, 1960. 1217 p.

Список источников

- БК – Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

References

- Allan K., Burridge K.** Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006, 303 p.
- Bitkeeva G. S.** Rol' evfemizmov v istoricheskem razvitiu yazyka [The Role of Euphemisms in the Historical Development of Language]. In: Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov [Problems of the historical development of the Mongolian languages]. Materials of the international scientific conference. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 32–35. (in Russ.)
- Dampilova L. S.** Seksual'no-eroticheskie motivy v shamanskikh pesnopeniyakh buryat [Sexual and Erotic Motifs in Buryat Shamanic Chants]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2008, no. 3, pp. 37–39. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Evfemizmy v sovremennoi russkoi rechi [Euphemisms in Modern Russian Speech]. In: Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 384–408. (in Russ.)
- Odontur Sh.** Mongol seks-ugiin tailbar [Explanatory Dictionary of Mongolian Sex Words]. Ulaanbaatar, Sukhbaatar Publ., 1996, 80 p. (in Mong.)

- Sanzhina D. D.** Evfemizmy v kartine mira buryat [Euphemisms in the Buryat worldview]. In: Rossiya – Aziya: stanovlenie i razvitiye natsional'nogo samosoznaniya [Russia – Asia: formation and development of national identity]. Materials of the international scientific conference. Ulan-Ude, 2005, pp. 208–209. (in Russ.)
- Sharakshinova N. O.** Uligery buryat [Buryat Uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 153 p. (in Russ.)
- Sundueva E. V.** Obstsennaya leksika buryatskogo yazyka [The Obscene Vocabulary of the Buryat Language]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2016, no. 2 (12), pp. 49–56. (in Russ.)
- Sundueva E. V.** Semanticeskaya sfera lyubvi v mongol'skikh yazykakh [The Semantic Sphere of Love in the Mongolian Languages]. *Gumanitarnyi vector. Seriya: Filologiya. Vostokovedenie* [The Humanitarian Vector. Series: Philology and Oriental Studies], 2016, vol. 11, no. 3, pp. 189–193. (in Russ.) DOI 10.21209/2307-1834-2016-11-3-189-193
- Tsydendambaeva O. S.** Evfemisticheskaya kartina mira: kontseptosfera “chelovek” (na materiale buryatskogo, russkogo, angliiskogo, nemetskogo yazykov) [The Euphemistic Worldview: the Concept Sphere “Human” (Based on the Material of Buryat, Russian, English, and German Languages)]. Thesis of Cand. Sci. (Philology). Ulan-Ude, 2011, 178 p. (in Russ.)
- Tsydendambaeva O. S.** Kontsept zhizn' cheloveka v evfemisticheskoi kartine mira na materiale angliiskogo, nemetskogo, russkogo, buryatskogo yazykov [The Concept of Human Life in the Euphemistic Worldview Based on English, German, Russian and Buryat Languages]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The world of science. Sociology, philology, cultural studies], 2020, no. 1. (in Russ.) URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK120.pdf> (accessed 28.01.2024).
- Ulzetueva Z. D.** Evfemizmy v aspekte yazykovoi tolerantnosti [Euphemisms in the Aspect of Linguistic Tolerance]. In: Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovanii [Problems of Mongolian and Altaic studies]. Materials of the international scientific conference, devoted to 70th anniversary of prof. V. I. Rassadin. Elista, 2009, pp. 199–201. (in Russ.)
- Yuzdova L. P.** Neoleksema etovat' v svete ekologii yazyka [The Neologism Etovat' in the Light of Language Ecology]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kurgan State University], 2019, no. 1 (52), pp. 148–150. (in Russ.)
- Zhang Chan.** Evfemizmy seksual'nykh otnoshenii v russkom i kitaiskom yazykakh [Euphemisms for Sexual Relations in Russian and Chinese]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2011, no. 10 (64), pp. 38–42. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, Uni. of California Press, 1960, 1217 p.
- Pyurbee G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2001, vol. 1, 520 p.
- Pyurbee G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2001, vol. 2, 536 p.
- Pyurbee G. C.** (ed.). Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Academia, 2002, vol. 4, 532 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** (comp.). Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian dictionary]. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2008, vol. 2, 708 p.

Sundueva E. V., Balzhinimaeva Ts. Ts., Babuev S. D., Tsyrenov B. D. (comp.). *Tolkovyj slovar' buryatskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Buryat Language]. Ulan-Bator, Nandir Publ., 2023, vol. 1, 690 p.

List of Sources

Buryat Corpus. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Сундуева, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 04.02.2024;
одобрена после рецензирования 14.10.2024; принята к публикации 17.10.2024*
*The article was submitted 04.02.2024;
approved after reviewing 14.10.2024; accepted for publication 17.10.2024*

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

Половозрастные номинации крупного рогатого скота в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками

Надежда Ивановна Данилова¹
Федор Николаевич Дьячковский²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>
² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0001-8132-4215>

Аннотация

Представлен результат анализа половозрастных наименований крупного рогатого скота (далее – КРС) в якутском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками. Сравнительно-сопоставительное исследование названий КРС в якутском языке выявило их лексические параллели в сравниваемых языках. В исследовании рассмотрены 17 наименований КРС, которые различаются по полу, возрасту и плодовитости. Из них 10 имеют параллели в тюркских и монгольских языках, которые используются в якутском языке. Большинство этих слов восходят к общеалтайской основе, что указывает на активное взаимодействие между народами, говорящими на этих языках.

Лексика, связанная с базовой материальной культурой, включая животноводство, представляет научный интерес в плане выявления универсальных закономерностей развития лексических единиц.

Ключевые слова:

якутский язык, тюркские и монгольские языки, лексика, номинация, пол, возраст крупного рогатого скота, молодняк

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Половозрастные номинации крупного рогатого скота в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 64–75. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

Age and Gender-Based Nominations for Cattle in the Yakut Language in Comparison with Turkic and Mongolian Languages

Nadezda I. Danilova¹, Fedor N. Diachkovskiy²

^{1, 2} Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Yakutsk, Russian Federation

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper analyses naming cattle regarding their age and sex in Yakut in comparison to other Turkic and Mongolic languages. The historical-comparative study of Yakut cattle terms representing an early layer of native vocabulary revealed their lexical parallels in Turkic and Mongolic languages. Ten of seventeen analyzed Yakut word stems have Turkic and Mongolic parallels: *ынах* ‘cow’, *оюс* ‘an adult male, bull’, *нъирэй* ‘calf’, *торбос* ‘calf during its first summer after birth’, *бороон/борооску* ‘calf during its first winter’, *бургунас* ‘heifer, a young female before she has had a calf of her own under three years of age’, *кунан* ‘a young male of 3 to 4 yrs. of age’, *субай (субан)* ‘a dry cow’, *бюс* ‘a springer’ (of cow), *in-foal (of mare)*, *pregnant (of some female animals)*, *утүрүм* ‘a cow that has had calves for a few years in a row’. The other seven are of Turkic origin: *тынабас* ‘2 yrs. old female or male’, *түнэхэ* ‘young cattle during the third year of age’, *субан* ‘a dry cow’, *кытапах* ‘dry’, *уллаах* ‘a springer’ (of cow), *in-foal (of mare)*, *pregnant (of some female animals)*, *түнүй* ‘a young female that she has had its first calf’. Investigation of native vocabulary of material culture, including that related to animal husbandry, is of great scientific interest and potential.

Keywords

Yakut, Turkic and Mongolic languages, vocabulary, naming, sex and age of cattle, young cattle

Acknowledgments

The research was carried out as part of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00060 “Investigation of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect”

For citation

Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Age and Gender-Based Nominations for Cattle in the Yakut Language in Comparison with Turkic and Mongolian Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 64–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

Введение

Исследователями давно замечено, что между языками алтайской семьи языков существует значительная общность как в лексике, так и в грамматике. Особенno большое сходство отмечено в тематических группах животноводческой лексики тюркских и монгольских языков, что обусловлено длительными историческими и, следовательно, культурными и языковыми контактами их носителей.

Для тюркских и монгольских народов ведущей отраслью хозяйства и основой быта служило животноводство, и неудивительно, что оно дало богатую сильно дифференциированную терминологию с обилием древних корней и основ. Наличие большого количества лексического материала по данной тематике обусловило появление специальных работ, посвященных ее изучению в сравнительно-сопоставительном, сравнительно-историческом и этимологическом аспектах.

Из современных работ следует отметить исследования известного монголоведа и тюрколога В. И. Рассадина по проблеме сложения тюрко-монгольской языковой общности. Большое внимание он уделил взаимному лексическому влиянию данных языков, в том числе, в областиnomадной лексики [Рассадин, 2009]. Монография В. И. Рассадина «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» посвящена проблеме фонетического, морфологического и лексического освоения монголизмов в сибирских тюркских языках. Здесь монгольские заимствования были «тщательнейшим образом выбраны из огромного

количество тюрко-монгольских соответствий» [Рассадин, 2008, с. 91]. Обратному, т. е. тюркскому, влиянию на лексику монгольских языков была посвящена его статья «О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков». Здесь исследователь пришел к выводу, что «номадная лексика монгольских языков достаточно хорошо сохраняет тюркские соответствующие термины» [Рассадин, 2009, с. 163].

Среди сравнительных исследований лексики, в том числе интересующих нас скотоводческих терминов, внутри монгольской группы языков следует отметить работу В. И. Рассадина «О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков» [Рассадин, Трофимова, 2013]. Калмыцкий язык сохранил общемонгольскую и ойратскую скотоводческую лексику, что подтверждается сравнительным анализом с халха-монгольским, бурятским и старописьменным монгольским языками. Это исследование согласуется с работами других монголоведов, таких как Манджиева [2012].

Скотоводческая лексика в аспекте межтуркских связей традиционно активно разрабатывается также в тюркологии. По мнению большинства исследователей, «сопоставление лексики, относящейся к животноводству, по современным и древним тюркским языкам показывает значительную развитость специальной терминологии, а также половозрастной номенклатуры домашних животных, обозначений и мастей» [СИГТЯ, 2001, с. 424]. Причем эта терминологическая лексика в большинстве своем имеет монгольские параллели, причиной чего стало, как было отмечено выше, активное взаимодействие народов – носителей данных языков. По мнению исследователей, в этом взаимодействии «были периоды, когда оно становилось устойчивым и необычайно интенсивным» [Щербак, 1966, с. 21].

На наличие в якутском языке большого объема монгольских элементов, главным образом лексических, исследователи обратили внимание давно, начиная с крупнейшего российского востоковеда В. В. Радлова (1908). Сравнение лексического состава якутского языка с другими языками алтайской семьи на основе имеющегося то время материала было представлено в фундаментальном труде О. Н. Бётлингка «О языке якутов» (1851). В словаре якутско-немецкого языка, который прилагается к этому труду, содержится около 5 тысяч лексических единиц с параллелями из различных языковых систем. В качестве примера можно привести слово *буос* в якутском языке, означающее «беременная, стельная, жеребая». Для этого слова в словаре указаны не только тюркские параллели, но и соответствия в письменно-монгольском языке с тем же значением [Бётлингк, 1990, с. 604]. Исследованию якутско-монгольских языковых связей посвятил свою работу В. И. Рассадин. В специальном разделе монографии «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках», который называется «Монголизмы в якутском языке», он приводит около 2 500 слов, заимствованных из монгольского языка, что «составляет около 10 % современного словарного состава» [Рассадин, 2008, с. 90]. Рассмотрев их по тематическим группам, В. И. Рассадин установил в якутском языке «наличие довольно большого количества слов, обозначающих различные реалии местного ландшафта, природных явлений и фауны, названия животных, частей тела» [Там же, с. 77].

Н. К. Антонов [1971] выявил, что основная лексика якутского языка по наименованиям домашнего скота исконно тюркская, в то время как термины оседлого скотоводства почти полностью монгольские. Г. В. Попов [1989] отметил сходства между якутским и калмыцким языками в основах монгольского происхождения. Ю. И. Васильев привел якутские названия скота с монгольскими параллелями, например: *байтаян* ‘яловая кобылица’, *субай* ‘яловый, бесплодный’, *тугут* ‘телёнок’ (ЯМЛП, 2007, с. 12–32). Как видно из вышеизложенного, половозрастные наименования рогатого скота якутского языка не получили еще системного анализа. Целью нашей статьи является систематизация лексем этой тематической группы в сопоставлении с лексическими данными других тюркских и монгольских языков с установлением конкретных лексических параллелей.

Материалы и методы исследования

Лексические исследования позволили составить обширные словари монгольских и тюркских языков, в которых зафиксированы слова, отражающие основные аспекты жизни, особенно хозяйственной деятельности носителей этих языков. В качестве источников использовались такие словари, как «Древнетюркский словарь» (ДТС, 1968), «Этимологический словарь алтайских языков» (EDAL, 2003), «Словарь якутского языка» (Пекарский, 1958–1959), «Этимологический словарь якутского языка» (Попов, 2003), «Большой толковый словарь якутского языка» (БТСЯЯ, 2004–2018), а также переводные словари: «Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС, 2001–2002), «Бурятско-русский словарь» (БРС, 2006; 2008), «Калмыцко-русский словарь» (КалМРС, 1977), «Кумыкско-русский словарь» (КумРС, 1969), «Тувинско-русский словарь» (ТувРС, 1955). Авторы основывались на результатах сравнительно-исторических исследований, представленных в коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ, 2001], а также на других работах, посвященных тюрко-монгольским языковым связям.

В статье применяется комплекс лингвистических методов, включающий сравнительно-исторический анализ и систематизацию лексики по тематическому принципу. Лексические единицы объединяются на основе их семантической связанности. Для выявления общих черт в содержании якутских лексем и лексем других тюркских и монгольских языков проводится их сравнение.

Результаты

В якутском языке существует общее название домашнего скота *сүөһү*, которое включает слова, обозначающие как коров, так и лошадей. Например, *ынах* *сүөһү* переводится как «рогатый скот», а *сылгы* *сүөһү* – как «конный скот». Рогатый скот подразделяется на *ынах* (корова) и *оҕүс* (бык) в зависимости от пола. Внутри эти группы лексики разделяются по возрастному признаку: названия молодняка – бычков и телят от первых дней до 4 месяцев (телята-молочники), от 4 до 8 месяцев (телята младших возрастов), в возрасте старше трех лет (взрослые).

Наименования рогатого скота по половому признаку. Как было сказано выше, в эту группу входят две лексемы.

1. Слово *ынах* ‘корова’ имеет параллели в других тюркских языках: др.-турк. *inäk-iŋäk*, др.-уйг., ср.-уйг. *ingäk*; тур., таг. *inek*; аз. *inäk*, кирг. *inek*, алт. *inek*, *nek*, тув., тоф. *inäk* [СИГТЯ, 2001, с. 436]. По мнению тюркологов, эта лексема «не обладает видовым значением и относится только к самке» [Щербак, 1961, с. 97]. Приведенные тюркские основы имеют закономерные фонетические и семантические параллели в монгольских языках начиная со старописьменного: калм. *үнэн* ‘корова’, ст.письм.-монг. *üñiyeñ* ‘дойная корова’, х.-монг. *үнээ*, бур. *үнээн* в значении ‘корова’ [Рассадин, Трофимова, 2013, с. 33].

Якутская лексема *оҕүс* ‘самец крупного рогатого скота, бык’ также имеет общетюркское происхождение и семантические параллели в тюркских языках: др.-турк. *öküz* (< пратюрк. *(h) *ökez*, тат. *үгез*, чув. *вăкăр*) [Там же, с. 33]. А. М. Щербак также считал, что в тюркских языках исконным значением слова *оҕүз* было ‘бык’ вообще, ‘холощеный бык’, ‘бык-производитель’ [Щербак, 1961, с. 99]. Современный якутский сохранил это же значение. Большой толковый словарь якутского языка также сравнивает его с тюрк. *өкүз*, *өгиз* (БТСЯЯ, 2010, с. 221). В монгольских языках данное слово представлено в фонетически и семантически измененном виде: калм. *үкр* ‘корова’, ср. ст.письм.-монг. *üker*, х.-монг., бур. *үхэр* ‘крупный рогатый скот’ [Рассадин, Трофимова, 2013, с. 33]. А. М. Щербак считал, что фонетическая перестройка этого слова в п.-монг. – «результат взаимодействия общемонгольского языка с группой Р», т. е. здесь наблюдается явление ротации [Щербак, 1961, с. 98]. Якутскому языку известно также сочетание *атыырбүс* ‘выхолощенный бык; бык-самец’. Ср. *атыыр*

обычно сопоставляется с тюрк. *айгыр*, *азгыр*, *асхыр*, *адгыр* ‘жеребец’ и возводится к корню **ай* – *аз* – *ад* ‘возбуждаться (похотью)’, ‘покрывать (о животных)’ + *-кыр*, *-бар* (аффикс носителя процесса) (Попов, 2003, с. 98).

В якутском языке наряду с литературным названием быка *оđус* известно устаревшее *буđa* ‘бык, бык-производитель’ (БТСЯЯ, 2005, с. 476). В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» в тематической группе «Крупный рогатый скот. Бык / Корова» для наименования быка приведено слово **biqa*, известное из языка орхонских памятников и других источников. Оно имеет несколько взаимосвязанных значений: «бык, нехолощеный самец коровы, бык-производитель; дикий бык; кабан; инструмент, воспроизводящий рев быка» и т. д. [СИГТЯ, 2001, с. 437]. Исследователи считают «установленным, что системы значений и фонетические формы названий самцов крупного рогатого скота (**biqa*), лося, изюбря, оленя и верблюда пересекаются, что дает основание исследователям видеть в них единый корень **буđ*, вероятно, ономатопоэтического характера – подражание реву лося, изюбря, оленя в период гона» [Там же]. В списке слов тематической группы «Дикие животные», «надежно реконструируемых для пратюркского состояния и имеющих надежные алтайские параллели» [Там же, с. 151], присутствует лексема **bugi*, которая в тюркских языках в разных фонетических вариантах отмечена в значении «олень – во всех источниках; самец оленя – чаг., ног., ккалп., кирг.» [Там же, с. 152].

А. М. Щербак сравнил данное слово с монгольским *бух(a)*, маньчжурским *мухаашан* в значении ‘бык, бык-производитель’ и обратил внимание на то, что в тюркских языках оно служило в качестве «специального слова, обозначавшего понятие ‘бык-производитель’» [Щербак, 1961, с. 99]. Во многих современных тюркских языках и их диалектах, например в алтайском, слово *буха* / *бука* сохранилось в этом же значении [Алмадакова, 2018, с. 10].

К слову сказать, в современном монгольском однокоренное с ним слово *буга* отмечено в значении ‘олень, изюбр, марал’. Оно активно образует сочетания, обозначающие разновидности оленя: *дайр буга* ‘олень-самец’; *турагбуга* ‘большой олень с рыжей шерстью’; *цаабуга* ‘полярный, северный олень’; *цөхбуга* ‘олень трёхлетний’ (БАМРС, 2001, с. 417). Интересно, что в говорах якутского языка сохранился вариант *бугу*, который сохранил старое значение ‘изюбр-самец’ (ДСЯС, 1995, с. 55). В целом якутское *буđa* можно считать рефлексом общего тюрко-монгольского языкового достояния, претерпевшим семантические изменения.

Наименования рогатого скота по возрастному признаку. В якутском языке имеются следующие обозначения коровы *ынах* по данному признаку: *ньирэй* ‘телёнок’, *торбос* ‘телёнок крупного рогатого скота до шестимесячного возраста’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 74), *бороон* / *борооску* ‘телёнок (после четырех-пяти месяцев до 2 лет)’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 19), *тынаңас* ‘двухгодовалый бычок или тёлка’ (БТСЯЯ, 2014, с. 411), *мингэнэ* ‘молодняк крупного рогатого и конского скота на третьем году жизни’ (БТСЯЯ, 2013, с. 361), *бургунас* ‘1. Нетель (еще не отелившаяся, трехтравая); 2. Первотелка (молодая корова трех-четырех лет)’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 22).

Рогатый скот первого года жизни (или первого возрастного разряда) представлен прежде всего лексемой *ньирэй* ‘телёнок’, имеющей общеалтайский корень, рефлексы которого известны практически во всех языках этой семьи. К якут. *ньирэй* по значению близко монгольское *nirai* ‘новорожденный’, оно и сопоставляется в словарях с якутским (EDAL, 2003, р. 988). БТСЯЯ правомерно приводит для сравнения монг. *нярай* ‘родившийся недавно’ (БТСЯЯ, 2010, с. 118). В современном монгольском языке оно имеет два значения и обозначает не только возраст скота: ‘1. новорожденный, младенец; родившийся недавно; 2. новый, свежий (о съедобном)’ (БАМРС, 2001, с. 335).

В этот же возрастной разряд входит якут. *торбос*, которое сравнивается с сибирскими тюркскими: алт. *торбок* ‘бычок по второму году’, хак. *торбах* ‘телёнок по второму году’ (БТСЯЯ, 2013, с. 469). А. М. Щербак отметил общетюркскую основу *торпак* в разных значениях, относящихся к молодняку рогатого скота (‘бычок, по второму году; годовалый телёнок; двухлетний бычок; телёнок по второму году’) и считал, что «к слову *торпак* примыкает

якутское *торбос* ‘телёнок’» [Щербак, 1961, с. 102]. Таким образом, можно сказать, что якутское слово *торбос* имеет тюркское происхождение.

Следующее слово, входящее в данную группу – *бороон* / *борооску*, определяется как ‘телёнок в первую зиму (в период стойлового содержания)’ (БТСЯЯ, 2005, с. 395). Оно, по мнению исследователей, происходит от общеалтайской основы, которая имеет следующие монгольские и тюркские рефлексы: «PMong. *birayu ‘телёнок (1 года)’; PTurk. *biřa-gu ‘calf (телёнок)’» (EDAL, 2013, р. 354). В данном словаре якутское *бороон* / *борооску* не отмечено как восходящее к этому корню. Но представляется справедливым толкование этого слова, данное А. М. Щербаком. По его мнению, оно сопоставимо с общетюрк. *бузагї*, которое ‘имеет обобщенное значение ‘телёнок’ и вместе с тем является возрастным наименованием телёнка первой возрастной группы, т. е. от рождения до года» [Щербак, 1961, с. 100]. По поводу значения этой лексемы здесь отмечено, что оно «должно рассматриваться как слово, обозначавшее молодняк коровы в том возрасте, когда происходит линька и потемнение шерсти, ср. як. *боруоску* ‘телёнок с потемневшей шерстью’, ‘телёнок после четырех-пяти месяцев’» [Там же]. Однокоренное с *бороон* / *борооску* слово зафиксировано также в современном бурятском: *буруу(н)* ‘годовалый телёнок’ (БРС, 2006, с. 155). Данное слово из бурятского попало и в русские диалекты Сибири: «рус. забайкал. *бурун* ‘телёнок по второму году’ < бур. *буруун* ‘тёлка-двулетка’, *буруу* ‘телёнок до года; в возрасте до одного года’» (Аникин, 2000, с. 145).

Названия рогатого скота второго года жизни в якутском языке представлено словом *тынаңас* ‘двуходовалый бычок или тёлка’. Оно сопоставимо с тюркскими основами: *тисэк* ‘двуходовая овца’ (ДТС, 1969, с. 563), ср. кирг. *тысак* ‘двулетний баран’ (БТСЯЯ, 2014, с. 109). Как видно из приведенного материала, в других тюркских языках оно имеет другое семантическое наполнение. В монгольских языках оно, по всей видимости, параллелей не имеет: бур. *хашараг* ‘двуходовалый телок, двухлетний бычок’ (БРС, 2008, с. 418).

Для обозначения молодняка третьего года жизни вне зависимости от пола в якутском языке используется слово *тиңэһэ* ‘молодняк крупного рогатого и конского скота на третьем году жизни’ (БТСЯЯ, 2013, с. 365). Оно сравнивается с др.-турк. *тишэк* ‘двуходовая овца’ (ДТС, 1969, с. 563). В монгольских языках однокоренное слово в том же значении не обнаружено.

К этой же группе можно отнести якут. *бургунас*, в значении которого присутствует указание на трехлетний возраст. Н. К. Антонов сопоставил это слово с монгольскими: монг. *боргоших*, бур. *боргошохо* [Антонов, 1971, с. 37].

В якутском языке молодняк рогатого скота до трех лет специальных названий по половому признаку не имеет: слова *ньирэй*, *торбос*, *тынаңас*, *бороон* / *борооску* относятся к особям обоих полов. Поэтому основное название уточняется словом, указывающим на пол животного: *тыны* ‘особь женского пола, самка’ (БТСЯЯ, 2014, с. 410): *тыны ньирэй* ‘телёнок-самка’, *обүс* ‘самец крупного рогатого скота, бык’: *обүс борооску* ‘телёнок-бычок’; *обүс тынаңас* ‘годовалый бычок’. Во всех тюркских и монгольских языках существует схожий метод обозначения пола животных. Например, в калмыцком языке для указания на мужской пол животного к его основному названию добавляют слово *эр* ‘самец’ (это слово ставится перед названием животного, чтобы обозначить его мужской пол) [Корнеева, 2020, с. 145].

Единственное якутское слово, содержащее обозначение возраста быка, – *кунан* ‘молодой бычок (трех-четырех лет)’ (БТСЯЯ, 2007, с. 480). Оно, судя по материалам, знакомо как тюркам, так и монголам, и относится не только к рогатому скоту, но и к лошадям. Как отметил А. М. Щербак, тюрк. *гунан* «относится к третьей возрастной группе, в которую входит молодняк лошади двух-трех лет... может выражать в пределах указанной возрастной группы принадлежность к определенному естественному полу. Выступает также в сочетании со словами, обозначающими молодняк других животных, прежде всего коровы» [Щербак, 1961, с. 93]. Оно широко распространено и в монгольских языках для обозначения молодняка ко-

ров и коней обоих полов: тув. *хунан* ‘телёнок; жеребёнок и телёнок на третьем году (самец и самка)’ (ТувРС, 1955, с. 494), бур. *гунан* ‘трёхгодовалый, трёхлетний (о самцах крупных домашних животных)’ (БРС, 2006, с. 223), бур. *гунжсан* ‘трёхлетняя, трёхгодовалая’ (о самках крупного рогатого скота) (БРС, 2006, с. 223).

Как известно, большое значение для скотоводства имеет возможность получения приплода и, соответственно, молока и мяса. Поэтому в языках тюрков и монголов широко употребляются названия и по данному признаку, они указывают попутно и на возраст скота. Для обозначения не телившейся коровы и другого домашнего скота в якутском языке употребляется слово *кытарах* ‘яловая’: корова, не давшая потомство, называется *кытарах ынах* ‘яловая трех-четырехтравая корова’, нежеребую кобылу именуют *кытарах биэ* (БТСЯЯ, 2008, с. 388). В толковании этого слова в якутском языке указано также: *төрүү сылдъан баран быйыл төрөөбөтөх* (*сүөһү, кыыл түнүнан*) ‘ранее рожавшая, но не принесшая плод в этом году (о скоте, животном)’ (БТСЯЯ, 2008, с. 233).

Якутское *субан* употребляется для обозначения скота, не приносящего молоко: ‘не дойный (о скоте)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 93). Исконным значением данного слова скорее всего является ‘молодой (о домашней животности, о птицах)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 93). И относится оно не только к корове, но и к другим животным и человеку: кирг. *жубан* ‘молодая женщина, молодка, красотка’, туркм. *жсуваан* ‘молодой, юный’, *дъуван* ‘юноша, молодец’ (ДТС, 1969).

В значении ‘яловая’, т. е. для обозначения бесплодного в данном сезоне скота, носителям якутского языка известна лексема *субай*. Она имеет общую тунгусско-монгольскую праоснову **sub*, которая дала следующие семантические рефлексы: пратунг. *оленёнок-однолетка* и прамонг. *яловая (корова, кобыла)* (EDAL, 2003, р. 1312). Из современных языков однокоренная основа без изменения в фонетической структуре и семантике сохранилась в монгольских и тюркских языках Сибири: монг. *сувай* 1) ‘яловый, нестельный (о скоте)’ (БАМРС, 2001, с. 581), бур. *хубай* ‘яловый, нестельный’ (БРС, 2008, с. 563); тув. *субай* ‘жеребая’, хак. *субай* ‘бесплодный (о скоте)’, алт. *субай* ‘яловая, без детёныша (о животных)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 92).

Для обозначения беременной самки животных в якутском языке применяется слово *буос* ‘стельная’ (о корове), жеребая (о кобыле), беременная (о самках некоторых животных). В словаре для сравнения приведены тюркские основы *боос*, *боаз* (БТСЯЯ, 2005, с. 548), которые известны многим тюркским языкам, например: тув. *боос* ‘жеребая, стельная, суягная’ [Бадарч, 2009, с. 14]. Н. К. Антонов сопоставлял его с монгольскими *боос*, *боод* [Антонов, 1971, с. 37]. Это дает основание считать, что якутская лексема *буос* сохранила общее тюрко-монгольское значение.

В этом же значении ‘стельная’ (о корове), жеребая (о кобыле), беременная (о самках некоторых животных)’ в якутском языке известно слово *уулаах* (БТСЯЯ, 2015, с. 364). Оно образовано от лексемы *уу* в значении ‘зародыш животного’ (БТСЯЯ, 2015, с. 348).

Носители якутского языка различают скот и по количеству отёлов. Так, для обозначения первородящей самки употребляется лексема *тунуй* ‘первородящая самка, новотёл’ (БТСЯЯ, 2014, с. 118), как видно из толкования, она относится не только к домашнему скоту, но и ко всем животным. Слово имеет широкую палитру значений: кроме первого в словаре отмечены еще ‘2. Не имеющий жизненного опыта, совсем юный, невинный, чистый; 3. Нетронутый никем, первозданный (например, о земле, почве)’ (БТСЯЯ, 2014, с. 118). Слово *тунуй* в современном якутском языке довольно активно образует сочетания: *обо тунуй* ‘совсем юный, невинно-чистый’, *уу тунуй* ‘нравственно чистый, невинный, непорочный’. Данная основа известна многим тюркским языка в близком к якутскому значении: кум. *тунгуч*, уйг. *тунгунуй* ‘первенец (о ребёнке)’ (БТСЯЯ, 2014, с. 119).

В якутском языке также имеется лексема, обозначающая самку животного, приносившую плод не один раз: *утүрүм* ‘телившаяся подряд несколько лет (например, корова)’ (БТСЯЯ, 2015, с. 575). Слово это можно возвести к основе *утүр*, которая к настоящему времени претерпела семантический сдвиг в значении ‘такой, которого хватает надолго, несмотря

на малое количество, сытный (например, *о еде*)” (БТСЯЯ, 2015, с. 575). Э. К. Пекарский дал толкование лексемы *үтүрүм* ‘дойная корова, обегавшаяся’ (Пекарский, 1958–1959, т. 3, стб. 3204). Н. К. Антонов сравнил эту лексему с бур. *үдэрлэхэ* ‘доить коров днём’ [Антонов, 1971, с. 37]. Это же значение отмечено в БРС (2008, с. 326).

В ходе исследования половозрастных номинаций рогатого скота в якутском языке, а также их сопоставления с тюркскими и монгольскими языками, подтвердилась гипотеза о значительном количестве общеалтайских параллелей в этой лексической группе. В частности, из 17 проанализированных слов 10 имеют семантически схожие основы как в монгольских, так и в тюркских языках. Однако фонетическое оформление и значения трех единиц позволяет предположить о существовании активных якутско-бурятских контактов в сфере скотоводства. В то же время базовая часть данных лексем возводится к общеалтайской основе, что подтверждает активное взаимодействие народов – носителей данных языков.

Изучение лексики базовой материальной культуры, в том числе животноводческой, представляет несомненный научный интерес в сравнительном аспекте и в плане выявления универсальных закономерностей развития лексических единиц.

Список сокращений

аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, бур. – бурятский, гаг. – гагаузский, др.-турк. – древнетюркский, др.-уйг. – древнеуйгурский, калм. – калмыцкий; кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, кум. – кумыкский, монг. – монгольский, ног. – ногайский, общетюрк. – общетюркское, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, пратунг. – пратунгусский, прамонг. – прамонгольский, рус. забайкал. – русский, забайкальский говор, ст.письм.-монг. – старописьменный монгольский, ср.-уйг. – среднеуйгурский, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, тюрк. – тюркский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, х.-монг. – халха-монгольский, чаг. – чагатайский, чув. – чувашский, якут. – якутский

Список литературы

- Алмадакова Н. Д.** Названия крупного и мелкого рогатого скота в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.
- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, Якут. кн. изд-во, 1971. 173 с.
- Бадарч Б.** Лексика животноводства в цэгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2009. 25 с.
- Бётлингк О. Н.** О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Корнеева А. Х.** К вопросу о половозрастной дифференциации домашних животных (на материале калмыцкого и китайского языков) // Монгольские языки и письменная культура монгольских народов: Материалы II Междунар. конф. по монг. языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 143–149.
- Манджиева В. Н.** Комплекс животноводческой лексики калмыцкого языка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 209–211.
- Попов Г. В.** Лексика монгольского происхождения в якутском языке // Якутский язык: лексикология, лексикография: Сб. науч. тр. Якутск, ЯНЦ СО АН СССР, 1989. С. 43–51.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.

- Рассадин В. И.** О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Учен. зап. ЗабГГПУ. Филология. История. Востоковедение. 2009. С. 158–164.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М.** О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 136 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
- Щербак А. М.** Историческое развитие лексики тюркских языков. Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
- Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкоzнания. 1966. № 3. С. 21–35.

Список словарей

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. М., 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.; Т. 2: Д–О. 536 с.; Т. 3: Θ–Ф. 440 с.; 2002. Т. 4: Х–Я. 532 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1. 680 с.; 2005. Т. 2. 909 с.; 2006. Т. 3. 841 с.; 2007. Т. 4. 708 с.; 2008. Т. 5. 613 с.; 2009. Т. 6. 519 с.; 2010. Т. 7. 517 с.; 2011. Т. 8. 572 с.; 2012. Т. 9. 630 с.; 2013. Т. 10. 639 с.; 2014. Т. 11. 525 с.; 2015. Т. 12. 596 с.; 2016. Т. 13. 638 с.; 2017. Т. 14. 590 с.; 2018. Т. 15. 576 с.
- БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республикаанская типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.
- КалмРС – Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- КумРС – Кумыкско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 408 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. Т. 1. 1280 стб.; Т. 2. 1281–2508 стб.; Т. 3. 2509–3858 стб.
- Попов Г. В.** Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1: А–Дь. 178 с.
- ТувРС – Тувинско-русский словарь. М., 1955. 718 с.
- ЯМЛП – Якутско-монгольские лексические параллели: Словарь / Сост. Ю. И. Васильев-Дыргыстай. Якутск: Дани Алмас, 2007. 37 с.
- ЯРТСЖ – Якутско-русский терминологический словарь. Животноводство. Якутск, 2022. 135 с.
- EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003. 1556 p.

References

- Almadakova N. D.** Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v teleskom (cholushmanskom) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of Cattle and Small Livestock in the Tyolyo (Cholushman) Dialect of the Ulagan Dialect of the Telengit Language (in a Comparative Aspect)]. Voprosy dialektologii [Questions of Dialectology], 2018, no. 1–2, pp. 7–15. (in Russ.)
- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoi leksike yakutskogo yazyka [Materials on the Historical Lexicon of the Yakut Language]. Yakutsk, 1971, 173 p. (in Russ.)

- Badarch B.** Leksika zhivotnovodstva v tsegel'skom dialekte tuvinskogo yazyka: v sravnitel'no-so-postavitel'nom aspekte [Animal Husbandry Vocabulary in the Tsegel Dialect of the Tuvan Language: In a Comparative Aspect]. Novosibirsk, 2009, 25 p. (in Russ.)
- Betlingk O. N.** O yazyke yakutov [On the Yakut Language]. Transl. from German by V. I. Rassadin. Novosibirsk, Nauka, 1990, 646 p. (in Russ.)
- Korneeva A. Kh.** K voprosu o polovozrastnoi differentsiatsii domashnikh zhivotnykh (na material kalmytskogo i kitayskogo yazykov) [On the Issue of Sex and Age Differentiation of Domestic Animals (Based on the Material of the Kalmyk and Chinese languages)]. In: Mongol'skie yazyki i pis'mennaya kul'tura mongol'skikh narodov. Materialy II Mezhdunar. konf. po mong. yazykoznaniiyu. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 143–149. (in Russ.)
- Mandzhieva V. N.** Kompleks zhivotnovodcheskoi leksiki kalmytskogo yazyka [The Complex of Cattle Breeding Vocabulary of the Kalmyk Language]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysль* [Historical and Social-Educational Thought], 2012, no. 6 (16), pp. 209–211. (in Russ.)
- Popov G. V.** Leksika mongol'skogo proiskhozhdeniya v yakutskom yazyke [Lexicon of Mongolian Origin in the Yakut Language]. In: Yakutski yazyk: leksikologiya, leksikografiya [The Yakut Language: Lexicology and Lexicography]. Collection of Scientific Papers. Yakutsk, YaSC SB AS USSR, 1989, pp. 43–51. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi yazykovoi obshchnosti. Chast' II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov [Essays on the history of formation of the TurkicMongolian linguistic community. Part II. Mongolian influence on the vocabulary of Turkic languages]. Elista, Kalm. Uni. Press, 2008, 243 p. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** O tyurkskom vliyanii na slozhenie kompleksa skotovodcheskoi leksiki mongol'skikh yazykov [On the Turkic Influence on the Formation of the Complex of Pastoral Vocabulary in Mongolian Languages]. *Uchenye zapiski ZabGPU. Filologiya. Iстория. Vostokovedenie* [Scientific Notes of ZabSHPU. Philology. History. Oriental Studies], 2009, pp. 158–164. (in Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M.** O nekotorykh plastakh leksiki kalmytskogo yazyka v kontekste mongol'skikh yazykov [On some Layers of the Kalmyk Language Vocabulary in the Context of the Mongolic Languages]. Elista, KalmSU Press, 2013, 136 p. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov [Historical Development of the Vocabulary of the Turkic languages]. Leningrad, AS USSR, 1961, 172 p. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazei tyurkskikh, mongol'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykov [On the nature of lexical relationships between Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages]. *Voprosy lingvistiki* [Questions of Linguistics], 1966, no. 5, pp. 21–35. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon]. Moscow, Nauka, 2001, 821 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Anikin A. E.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altaic and Paleo-Asiatic Languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, 2001, vol. 1: A–G, 520 p.; vol. 2: D–O, 536 p.; vol. 3: Θ–F, 440 p.; 2002. vol. 4: Kh–Ya, 532 p. (in Mong., in Russ.)
- Bol'shoi tolkowyi slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. In 15 vols. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1, 680 p.; 2005, vol. 2, 909 p.; 2006, vol. 3, 841 p.; 2007, vol. 4, 708 p.; 2008, vol. 5, 613 p.; 2009, vol. 6, 519 p.; 2010, vol. 7, 517 p.; 2011, vol. 8,

- 572 p.; 2012, vol. 9, 630 p.; 2013, vol. 10, 639 p.; 2014, vol. 11, 525 p.; 2015, vol. 12, 596 p.; 2016, vol. 13, 638 p.; 2017, vol. 14, 590 p.; 2018, vol. 15, 576 p. (in Yakut, in Russ.)
- Dialektologicheskii slovar' yazyka Sakha [Dialectological Dictionary of the Sakha Language]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 294 p. (in Yakut, in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Early Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)
- Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 768 p. (in Kalmyk, in Russ.)
- Kumyksko-russkii slovar' [Kumyk-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969, 408 p. (in Kumyk, in Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M.** Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Old Turkic, in Russ.)
- Pekarsky E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]. In 3 vols. 2nd ed. Moscow, AS USSR Publ., 1958–1959. 3858 col. (in Yakut, in Russ.)
- Popov G. V.** Etimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Yakut Language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, pt. 1, 178 p. (in Yakut, in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2006, vol. 1: A–N, 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of Altaic Languages. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003, 1556 p.
- Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow, 1955, 718 p. (in Tuvan, in Russ.)
- Vasiliev-Dyargystay Yu. I.** (comp.). Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli [Yakut-Mongolian Lexical Parallels]. Dictionary. Yakutsk, Dani Almas Publ., 2007, 37 p. (in Yakut, in Russ.)
- Yakutsko-russkii terminologicheskii slovar'. Zhivotnovodstvo [Yakut-Russian Terminological Dictionary. Animal husbandry]. Yakutsk, 2022, 135 p. (in Yakut, in Russ.)

Информация об авторах

Надежда Ивановна Данилова, доктор филологических наук

WoS Researcher ID B-4989-2016

RSCI Author ID 308308

SPIN 4655-9439

Федор Николаевич Диачковский, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Information about the Authors

Nadezda I. Danilova, Doctor of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID B-4989-2016

RSCI Author ID 308308

SPIN 4655-9439

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Вклад авторов

Н. И. Данилова – участие в подготовке основной части текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала, анализ источников, основные выводы.

Ф. Н. Дьячковский – участие в подготовке основной части текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала, анализ источников, основные выводы.

Contribution of the Authors

Nadezda I. Danilova – participated in the preparation of the main body of the text, developed the research methodology, collected and structured linguistic material, analyzed the sources, and formulated the main conclusions.

Fedor N. Diachkovskiy – participated in the preparation of the main body of the text, developed the research methodology, collected and structured linguistic material, analyzed the sources, and formulated the main conclusions.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 23.03.2024; принята к публикации 20.03.2024
The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 23.03.2024; accepted for publication 20.03.2024*

Научная статья

УДК 821.161+821.112.2
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-76-86

Повесть И. С. Тургенева «Ася» в свете трагедии И. В. Гёте «Фауст»

Иван Олегович Волков

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия
wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Аннотация

Статья посвящена анализу повести И. С. Тургенева «Ася» в сравнении с трагедией И. В. Гёте «Фауст». В диалоге с гётеевской традицией русский писатель добивается тонкого и точного оформления лирико-философского плана произведения. На гармоничном сочетании городского и природного пейзажей, олицетворяющем скромное провинциальное бытие и высказывающем сопричастность переживаниям героев, Тургенев моделирует ситуацию роковой встречи Фауста и Гретхен. Для Н. Н. и Аси любовь оказывается той грандиозной драматической стихией, которая подвергает испытанию чувственно-психологический мир человека и задает этическую оценку его поступкам. В малодушном отступничестве от взаимных чувств, воплощающем фаустовский эгоизм, герой повести обнаруживает свою несостоительность в качестве «деятеля» времени.

Ключевые слова

И. С. Тургенев, «Ася», И. В. Гёте, «Фауст», Ася, Фауст, Гретхен

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01110, [https://rscf.ru/project/23-78-01110/](https://rscf.ru/project/23-78-01110)

Для цитирования

Волков И. О. Повесть И. С. Тургенева «Ася» в свете трагедии И. В. Гёте «Фауст» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 76–86. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-76-86

I. S. Turgenev's Story "Asya" in the Light of J. W. Goethe's Tragedy "Faust"

Ivan O. Volkov

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Abstract

Purpose. The article presents a comparative analysis of I. S. Turgenev's story "Asya" and J. W. Goethe's tragedy "Faust". As part of the comparative study, the significance of all the discovered quotations, references, and plot and imaginative interchanges is established in close connection with the themes of the work.

Results. In dialogue with the Goethean tradition, the Russian writer achieves a subtle and precise design of the lyrical and philosophical elements of the work. Firstly, Turgenev creates a harmonious blend of urban and natural landscapes within a German setting. This serves as an embodiment of modest provincial life and reflects the protagonists'. Sec-

© Волков И. О., 2025

ondly, the writer presents a situation of a fateful meeting between two young people, whose mutual feelings will subsequently become a source of real drama. As in the case of Faust and Gretchen, for N.N. and Asya, love serves as a grand test of the sensual and psychological world of humanity, prompting an ethical assessment of their actions.

Conclusion. By bringing his hero closer to Goethe's hero in his apostasy from mutual feeling, Turgenev embodies the pernicious power of Faustian egoism. The betrayal of his first love, which is connected with the fear of revelation, reveals N.N.'s moral failure as a “figure” of the time.

Keywords

I. S. Turgenev, “Asya”, J. W. Goethe, “Faust”, Asya, Faust, Gretchen

Acknowledgements

The research is supported by grant of the Russian Science Foundation (project no. 23-78-01110),
<https://rscf.ru/project/23-78-01110/>

For citation

Volkov I. O. I. S. Turgenev's Story “Asya” in the Light of J. W. Goethe's Tragedy “Faust”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 76–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-76-86

Аллюзивный пласт повести И. С. Тургенева «Ася» (1858), связанный с творчеством И. В. Гёте, отмечался в научной литературе. Среди работ, касающихся этого вопроса, следует назвать статьи И. Чайковской [2013], акцентирующую упоминание в повести поэмы «Герман и Доротея», и Р. Ю. Данилевского [2021], где кратко обозначена параллель образов Аси и Гретхен. Кроме того, И. А. Беляева в своей монографии указывает на «вечную детскость» Аси как отражение истории гётеевской Маргариты [Беляева, 2018, с. 83]. Однако при всем интересе к немецкому колориту тургеневской повести она не стала до сих пор материалом точного компаративного анализа в свете трагедии Гёте, к чему подталкивают и совершенно явные отсылки с цитированием, и сюжетно-образные переклички. Настоящая статья предлагает вариант такого сравнительно-сопоставительного исследования.

Тургенев создает «Асию» на следующий год после публикации своего «Фауста», и эта краткая временная дистанция с общностью контекста уже намекает на продолжение авторских размышлений по поводу трагедии Гёте, получающих несколько иное течение. В «Фаусте» и «Асе» писатель продолжает проблематику первых романов, совмещая рефлексию о герое времени – личности перед лицом истории и общества, с изучением человека, над которым действуют стихийные силы любви и природы [Бялый, 1990, с. 99]. Длительное нахождение самого автора в это время на лечении в малоизвестном городе Зинциге заставило его погрузиться в исключительные обстоятельства быта и бытия немецкой провинции. Атмосфера отдаленного и уединенного края, оживотворяющая художественное пространство Гёте, стала для Тургенева средством и способом новой акцентуации темы «Фауста» с выходом к проблеме «развитого современника» [Недзвецкий, 1996, с. 25], перед которым стоит задача служения долгу.

Моделируя драматическую ситуацию любви, писатель внешне оформляет ее в обстановке бургерской идиллии, которая послужила спасением для гётеевского героя, уже решившегося на отчаянный шаг познания и преодоления пределов человеческой жизни через самоубийство. Тургеневский повествователь воссоздает внешний и внутренний облик двух немецких городов – З., где остановился сам Н. Н., и Л., где он встретил Гагина и Асию, – раскинувшихся по обе стороны Рейна. Кроме того, в это расположение входят и окрестности, в которых поселились брат с сестрой. Географическая раздельность и как будто разность топосов устраивают за счет единства производимого впечатления, выдвигающего на первый план цельный образ богатого и сосредоточенного в себе провинциального мира. Память рассказчика задает многоуровневую картину, в которой в полной гармонии и нерушимой связи существуют город и природа. Городское пространство представляет соединение старины (памятники средневекового прошлого) и современной жизни, текущей по давно установленной и ничем не нарушающей логике. Природный мир задан как ландшафт, гармонично встраивающийся пейзажным изображением и сопровождением в основной топос, а также объемлющий его со всех сторон, обеспечивая слитность и полноту существования. Сам способ

описания по сути своей синтетичен и передает наглядно предельную связанность и глубокую сочетаемость образов. Сначала повествователь называет лишь отдельные детали общей обстановки, которые формируют первое представление и задают объемный и многоаспектный ракурс:

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн... (Тургенев, 1980, т. 5, с. 150)¹.

Здесь же в этих очертаниях рисуются первые проявления человеческого мира:

По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после заходления солнца (дело было в июне), прехоршенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»... (т. 5, с. 150).

Затем, обозначая собственное присутствие в слегка намеченных координатах, повествователь дает насыщенное изображение, в котором очевидны внутренние подвижность и взаимная обусловленность:

Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному глянцу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высывали свои завитые усы из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трехугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночных сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен» – не то восклицание, не то вопрос – так и просилось на уста (т. 5, с. 150).

В обширную картину июльского вечера собраны разнородные элементы поэтического и прозаического характера. Повествователь обращает свое внимание на избранные детали городской обстановки и домашнего быта, показывающие изнутри жизнь немецкой провинции. Выбранные им приметы проводят смыслы безмятежного покоя, уюта, простоты и тепла, непринужденности, медленного течения, а объединяет их в одно идиллическое русло именно особое свойство воздуха, соединенное с лунным светом. Имя героини Гёте заключает это описание совсем не случайно. Оно служит обобщающим определением всей атмосферы города, многозначительно напоминая о характеристике того места, в котором проходили дни девушки до встречи с Фаустом. Гретхен олицетворяет собой мирное и простое бытие немецкой провинции, подобное которому встретил тургеневский герой на берегах Рейна. Психологически умиротворенный и эмоционально взволнованный настрой заставляет его в неопределенности порыва вспомнить знакомый женский образ, но в тот момент, когда еще не произошло его трагическое исполнение. Н. Н. думает не о той Гретхен, чья печальная участь уже предрешена, но о девушке, только вошедшей в повествование, всецело принадлежащей к скромному существованию уединенного края.

Повествователь, организующий событийную канву «Аси», с одной стороны, имеет сходство с «фаустовским» Павлом Александровичем. Это проявляется в том пессимистичном умонастроении, с которым он начинает и завершает повесть. Герой закольцовывает историю многолетней давности размышлением о бесцельно прожитых годах и тоской по быстро ушедшей молодости – лучшей поре жизни. Но, с другой стороны, он существенно отличается в своей юной ипостаси от повествователя «Фауста». Жажда познания в его жизненных устремлениях заменяется на обыкновенное любопытство и наблюдение:

Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы еще не успели завестись – я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом (т. 5, с. 149).

В этом созерцательно-упоительном способе существования герой ставит себя на позицию своеобразного превосходства, воспринимая окружающее и окружающих в оценивающе-снисходительном духе. Такое отношение задается им с самого начала, когда он говорит

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы в круглых скобках.

о своей склонности «наблюдать людей» и одновременно о неприятии свободного и торжествующего влияния природы: «я не любил, чтобы она навязывалась мне» (т. 5, с. 149). Эта дистанция с миром на неравных позициях, конечно, напоминает Фауста, который в своих поисках поднялся над обыкновенной жизнью, но собственным усилием не смог преодолеть его пределов. При этом именно наблюдение за обывателями и прикосновение к их миру с ежедневными заботами и радостями оказывают на героя Гёте особое действие, успокаивая его мятущуюся душу и на время даря гармонию, которая рождена именно простотой человеческого бытования и облагорожена могуществом расцветающей природы.

Во второй сцене Фауст в сопровождении Вагнера наблюдает за городом, ему с возвышения открывается панорама речной долины в весеннем пробуждении и с пестрой толпой, в танце и песнях предавшейся атмосфере пасхального праздника. Эти согласные движения в единстве радости возвращают герою чистоту и ясность человеческих ощущений. Тургеневский герой точно так же становится свидетелем народного гуляния, а разность происходящего в немецкой провинции действия выливается в его восприятии в единое впечатление полноты жизни. Особенно показательно описание Н. Н. своего состояния в наблюдении за студенческим кутежом:

...всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперед – куда бы то ни было, лишь бы вперед, – это добродушное раздолье меня трогало и поджигало (т. 5, с. 152).

Продолжает, углубляет и объединяет эти ощущения картина природы, открывавшаяся герою с горной вершины, где Гагин и Ася нанимали домик. Это подобный фаустовскому панорамный вид, в целостности которого представлена живописная местность близ реки:

Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приотившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте (т. 5, с. 154).

После посещения русских знакомцев, покидая уединенный уголок их существования, отowany в полную власть горной природы, Н. Н. снова наблюдает за своим состоянием и констатирует удивительное для него самого умиротворение, определяемое чувством счастья: «Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив» (т. 5, с. 156). Совокупность этих впечатлений становится питательной душевной почвой, на которой рождается и постепенно развивается его чувство к Асе – любовь захватит тургеневского героя «со сверхчеловеческой мощью природной стихии» [Недзвецкий, 1996, с. 21].

Показателен поход героя в горы, предпринятый с досады на Гагина и от ревности к его сестре. Неожиданный разговор Аси с братом, внешне похожий на объяснение двух любовников, волнует героя, тревожа уже начавшее свое развитие чувство. Путешествие по горам и долинам в течение трех дней приводит его в расположение безмятежного покоя, сам себе он признается: «Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края» (т. 5, с. 166). Чуткость и отзывчивость на проявления природного мира, определяющие настрой чувства и мысли, роднят Н. Н. с Фаустом, удалившимся в лесную пещеру. Герой Гёте, исполненный любви к Гретхен, ищет в глуши и одиночестве ответа на исключительное состояние своей души, объяснение тайны происходящего в ней волнения, которое наступает вместе с необычайным подъемом и приливом сил. Окружающая Фауста лесная природа развивает его впечатления, показывая естественную мощь человеческого чувствования. При этом Тургенев показывает сложность и неоднозначность ощущений героя. Наслаждаясь идиллической и романтической атмосферой уголка Германии и как будто растворяясь в ней, Н. Н. вдруг откликается на нечто иное, хорошо ему знакомое, но по своей сути совершенно чуждое тому немецкому миру, в котором находится. Конопляный запах вызывает стойкую ассоциацию с природой родного края, возникает образ степи, подчеркивающий в характеристике героя его принадлежность. Сознавая в зрительно-обонятельном воспоминании свою связь с родиной, Н. Н. рефлексирует в сторону бесцельности пребывания загра-

ницей и необходимости возвращения, которое имеет какой-то тайный смысл, но раскрыть его ему не дано: «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь в чужой стороне, между чужими?» (т. 5, с. 161). Через тягу к степной природе России Тургенев косвенно заявляет об общественно-историческом значении личности, которая подспудно чувствует на себе задачу времени, но не принимает ее и строит жизнь «на основе своих индивидуальных потребностей, и в первую очередь особо понимаемой любви» [Недзвецкий, 1996, с. 19], равнозначной счастью.

Если Н. Н. посредством природы показан как личность, которая не просто восприимчива к ее красотам, но также способна к этико-эстетическому сопереживанию, то появляющийся в действии Гагин имеет иные отношения с вечной и прекрасной стихией. Под оценивающим взглядом главного героя он практически сразу получает определяющую его характеристику: дилетант. Гагин – пейзажист, его диалог с природой проходит в опосредованном ключе: то, что открывается глазу, он стремится воссоздать, придать ему узнаваемую внешнюю форму и передать достоверность впечатления. Рассматривая этюды художника-самоучки, Н. Н. находит в них «много жизни и правды, что-то свободное и широкое» (т. 5, с. 157), но главным недостатком, который не дает до конца осуществиться таланту и реализовать единение художника и природы, оказывается общая небрежность исполнения. Рассеянно-ленивое «сочинительство» не позволяет рисунку обрести законченность. Яркие, но неверные по своей сути произведения пейзажиста, желающего схватить жизнь природы, делают его похожим на гётевского Вагнера. Ученик и сподвижник Фауста, движущийся в обретении знания и его претворения в материю, пользуется готовыми истинами. Заблуждения, связанные с научной строгостью и бездумной уверенностью, приводят к созданию человеческого подобия, которое обладает интеллектом, однако не имеет возможности обрести полноценность. Как и Вагнеру, Гагину не хватает напряженной и интенсивной внутренней энергии, по-настоящему он остается равнодушен к предмету своего изображения, который способен оценивать и воспринимать только со стороны. Вагнер в своих поисках слишком систематичен, Гагин в диалоге с природой, которую хочет «поймать за хвост» (т. 5, с. 178), лишен глубины проникновения в созвучии и равновеликим отклике.

Однако дилетантизму самоучки главный герой противопоставляет цельность его же натуры, беспримесную выраженную национального характера. Н. Н. находит в своем знакомце симпатическую личность, которая притягивает к себе открытостью и искренностью: «Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая» (т. 5, с. 157). Внутренняя природа Гагина, являющаяся органичной частью и прямым отражением самобытной культуры, в этическом отношении делает его как будто выше главного героя. Тургенев противопоставляет эгоистическую основу характера Н. Н., роднящую его с Фаустом («Фауст, мы уже говорили это не раз, – эгоист и заботится об одной своей особе» (т. 1, с. 210)), духовной цельности художника-дилетанта. И преимущество Гагина, проигрывающего в достижении творческой оригинальности и полноты, будет доказано в общечеловеческом плане тем, как он отнесется к истории резко и неожиданно вспыхнувшей любви Аси. Герой попытается уберечь сестру от катастрофы, но при этом изначально не нарушая и не препятствуя ее чувству, напротив, даже стараясь привести его к благополучному исходу. Он не случайно в объяснении с Н. Н. трижды повторяет сначала вопросительно, а потом утвердительно слова, которые могли бы дать ему шанс сделать Асю счастливой: «ведь вы не женитесь». Разочарование в человеке, которому вверила себя сестра, и которому он сам доверился, заставляет Гагина бежать, спасая девушку от губительного эгоизма его приятеля.

«Прямо русскую душу» обнаруживает и Ася, которая при первых встречах с главным героем металась между разными ролями. Присущие девушке изменчивость и подвижность с самого начала будоражат воображение Н. Н., который видел перед собой то ребяческие задор и озорство, то притворную жеманность, то рассудительную серьезность и деловитость, но при этом изнутри личности героини всегда проглядывало и что-то неведомое, скрытое, простое и строгое. Именно в настоящий момент их сближения, когда импульсивные чудачества уступают место искренности, главный герой находит в Асе «совершенно русскую

вушку, простую девушку» (т. 5, с. 162). Так раскрывается ее явная принадлежность к народному типу с утверждением в качестве высших человеческих достоинств простоты и искренности. Стремительно развивающаяся под действием первой любви юная душа показывает свои глубину и чистоту – «всё существо ее стремилось к правде» (т. 5, с. 174). В этой логике она продолжает линию Веры Елецкой и подпадает под сравнение с героиней Гёте. Тургенев наделил Аси таким же, как у Маргариты-Гретхен, чередованием полной и краткой форм имени, причем не Анна, а именно ласково-уменьшительное обращение является воплощением ее обыкновенной и нравственно здоровой природы. В унисон народной и лирической составляющим характера Аси дает о себе знать еще одно свойство – это «идеал жертвенного героизма» [Маркович, 2018, с. 457], т. е. безотчетное желание совершить «трудный подвиг»: «...жизнь уйдет, а что мы сделали?» (т. 5, с. 175). Этим бессознательным стремлением в активную и деятельную строну человеческой жизни девушка сопоставляется со своим избранником, не способным к подобному движению, хотя он и ощущает что-то, что не связано с личным счастьем, которое остается для обоих пределом возможностей.

В таких же условиях внезапности, неясности и в такой же объемности, что были определены для Гретхен, Асе предстоит познать новое чувство, и так же горько в нем обмануться. Характеризуя мощь и глубину переживаний, на которые способна его сестра, Гагин именно любовь называет той стихией, что способна произвести переворот в ее чувственном мире: «Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит!» (т. 5, с. 175). Разразившаяся над русской девушкой в обстоятельствах немецкого быта и природной идиллии буря захватит ее с неудержимой силой, подобной той, что вошла в судьбу Маргариты. Как и у Гёте, любовь здесь обладает всеобъемлющим действием, завладевает всем существом девушки и совершает значительное преображение.

Ощущая происходящие в себе изменения, но еще не полностью понимая их, Ася движется в своеобразном познании собственного эмоционального состояния через «невинное любопытство». Чрезвычайное воодушевление с направленной симпатией к Н. Н. заставляет ее задавать вопросы, косвенно касающиеся ее переживаний. Она вспоминает сказку о Лорелее, которая «прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду» (т. 5, с. 175), задает вопрос о вдове, по которой вздыхал Н. Н., наконец, спрашивает у него о том, что ему нравится в женщинах. Во время прогулки по виноградникам, остановившись на живописном спуске с горы, Ася приходит к пониманию любви благодаря метафоре полета. Она получает это об разное представление в отклике природы на смутные ощущения души. Испытывая что-то странное и непонятное, но с тайным, сладостно щемящим оттенком, девушка находит лирическое созвучие в радостном сиянии вокруг и особенно в бесконечной глубине неба:

Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой си-
неве... Но мы не птицы (т. 5, с. 176).

Манящая голубая даль утончает и одухотворяет ее самочувствие, настраивая на неосознанный поэтико-философский лад. Предвосхищая Катерину А. Н. Островского, Ася в простодушной мечте о полете выражает упоительную жажду жизни и в таком стремлении к неведомо-прекрасному уподобляется Фаусту. Герой Гёте тоже желает воспарить, вдохновившись величием и великолепием природы:

Зачем душа, что на крылах своих
В воздушное пространство улетает,
Не может дать и телу их?
(Гёте, 2005, с. 56–57).

В свою очередь, окрыленным Н. Н. называет состояние влюбленного человека: «Есть чувства, которые поднимают нас от земли», и позже Ася вспоминает об этом, используя метафору для определения перемены внутри собственного мира: «Крылья у меня выросли – да лететь некуда» (т. 5, с. 176, 180). Последние слова звучат безнадежно, но в них – поиск

и надежда, Ася сделает шаг навстречу своему счастью, совершил этот полет в неизвестность, который станет для нее глубоко драматичным.

Осознание любви и ее признание в настоящем своем состоянии ведет Асию по пути прямых литературных ассоциаций. Она вспоминает о «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и говорит, что «хотела бы быть Татьяной». При этом девушка цитирует не совсем верно стихи из восьмой главы (ст. XLVI):

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей!
(т. 5, с. 176).

Замена во второй строке оригинального «няня» на «мать» символична, поскольку отсылает к трагической линии Гретхен, повинной в нечаянном убийстве родительницы. Героине Гёте в тюрьме мерещится призрак матушки, тургеневская же девушка мыслит о смерти опосредованно, вспоминая умершую мать в контексте известного объяснения замужней Лариной и влюбленного в нее Онегина. В восприятии Аси, уже познавшей горечь утраты, текст Пушкина близок к гётеевской трагедии, поскольку налицо совпадение самой ситуации рокового разговора в присутствии мортальной семантики.

Любовь и смерть для героини Тургенева оказываются категориями одного порядка. Страшная чуткость ее души заставляет считать внутреннее волнение проявлением чего-то болезненного и сверхъестественного. Девушка и сама признается в том, что происходящие в ней процессы, которые она не может назвать, побуждают ее к неутешительным выводам: «Я воображаю, что я скоро умру» (т. 5, с. 180). Любовь к Н. Н. становится для тонко и остро чувствующей Аси настоящей мукой, поскольку ведет к новой привязанности, при этом существенно отличной от тех, что она имела прежде. Почти признанием у нее вырывается откровение, показывающее, насколько сильная в ней совершается трансформация: «Умереть лучше, чем жить так...» (т. 5, с. 180).

Любовь как невыносимое страдание, ведущее к гибели, в повести Тургенева наследует «Фаусту». Гёте проводит эти смыслы явно, показывая с самого начала, что чувство героя к Маргарите несет в себе разрушительную силу, а в последней сцене первой части она стоит на самом краю гибели, к которому ее подвела именно безусловная любовь. Изломы судьбы, ставшие для Гретхен тяжким испытанием, происходят от фаустовского эгоизма, в развитии и удовлетворении которого несчастная девушка оказывается лишь случайной мишенью. У Тургенева герой с открытием своего неравнодушия к сестре Гагина совершенно в духе Фауста признается в том, что в нем зажглась жажда «счастья, счастья до пресыщения – вот чего хотел я, вот о чем томился...» (т. 5, с. 177). Точно так же он стремится испить из сладостного источника, не заботясь о его сохранности. Но в трагическое основание образа Аси писатель кладет не собственно любовь к Н. Н., тоже надменно и безоглядно преданную, а драму, проистекающую из недр самой русской жизни. Краеугольным камнем всего существования Аси стали стихийные обстоятельства ее незаконного рождения и странного воспитания, не позволившие определиться характеру («это вино еще бродило») и вылившиеся в «тайный гнет», который «давил ее постоянно». Если Гретхен мучится от ставшего достоянием толпы собственного падения, то страдания Аси находятся вне рамок личного проступка, она вынуждена жить под грузом доставшегося ей наследства, которое считает глубоко нечестным. Противясь несправедливой закономерности провинциального существования, девушка в чрезвычайно развитом самолюбии желает «заставить целый мир (курсив Тургенева. – И. В.) забыть ее происхождение» (т. 5, с. 170). Побочное рождение – это травма, задавшая неровный вектор ее психологического развития, поэтому новое возбуждение души, похожее по насыщенности на то, что ей приходилось испытывать ранее, но с противоположным значением, она воспринимает со всей тяжестью и в пугающей неопределенности его исхода.

Чувство, не находящее пока своего объяснения, а главное – внутренней правоты, действует в Асе с необычайной силой, изматывая ее не только психологически, но и физически.

Признание в любви к молодому человеку перед братом и, следовательно, перед самой собой дается ей с огромным усилием, в этот момент она пребывает в лихорадочном состоянии, невероятное волнение заставляет ее еще больше думать о смерти: «Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти ее как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых...» (т. 5, с. 182). Отчаяние подталкивает Асию назначить Н. Н. свидание, ей важно выбраться из мучительной неизвестности по поводу как самого чувства – выяснить его прекрасную природу, – так и возможности его полного воплощения. Подобно Гретхен, которой нужно установить истину в религиозном самоопределении Фауста – его принадлежности к христианской традиции, составляющей центр ее ценностной системы, – Ася должна убедиться в оправданности своего чувства, в ответной чистоте и искренности. Для нее свидание с Н. Н. – это акт душевного откровения, в который не может быть допущено ничто ложное и неестественное. Сам повествователь ясно проговаривает уже для себя, каким высоким смыслом исполнено движение Аси: «...она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость...» (т. 5, с. 191).

В небольшой комнатке в доме фрау Луизы Аси, доходя до пика переживания и едва созерцания самообладание, практически без слов, которых нет сил произнести, с полным доверием и всей искренностью открывается перед Н. Н. Это откровение, абсолютное и беззащитное, обнаруживает в характере главного героя фаустианское начало. Обаяние Аси действует на него как искушение, которому он не хочет противиться и которому готов не просто поддаться, но желал бы завладеть всем источником. Одна-единственная мысль точно пронзает то сладострастие и то самодовольство упоения, с которыми Фауст ввергает Маргариту в бездну пресыщения и отчаяния. Н. Н., глядя в глаза Аси, которые «доверялись, вопрошали, отдавались», и читая в них решимость и бескорыстие любви, признается: «Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к ее руке...» (т. 5, с. 187). Пульсация страсти в нем тоже таит в себе опасность, так как исходит из глубоко эгоистического начала и направлено на деструктивное обладание. Но эгоизм Н. Н. проявляет себя совсем не фаустовским образом, не мощью стремления к удовольствию и насыщению, а более прозаично и мелко – в задетом самолюбии. Он недоволен тем, что Ася нарушила гармонию, воображаемую им по романтическим шаблонам.

Как прежде Н. Н. вздыхал по молодой вдове, оставившей в его сердце неглубокую рану, так и в этом случае он рисует себя героем в ореоле высокого чувства. Вмешательство Гагина портит всю идиллию его самолюбования, и вместо понимающего соучастия и взаимной симпатии герой обращается к Асе с незаслуженным упреком. На ее доверительное: «Ваша...» он с ожесточением и в порыве гордого тщеславия отвечает обвинением: «...вы одни виноваты» (т. 5, с. 187). Самоуверенный и рассудительный Н. Н., доказывая Асе ее опрометчивость и неосторожность, как Фауст, видит перед собой не столько девушку, самостоятельную и полную самоотверженной любви, сколько «бедное, честное, искреннее дитя» (т. 5, с. 188), неопытное и наивное, нуждающееся в поучении и руководстве. Однако Ася уже не ребенок, она и прежде не могла быть совсем соотносима с ним, потому что «многое знала и знает, чего не должно бы знать в ее годы» (т. 5, с. 170). Драма прошлого оспаривает ее детскость, лишь внешнюю, а любовь довершает взросление и показывает, что девушка чувственно-психологически превосходит Н. Н. Вечным упреком для последнего, как и в рассказе «Свидание», звучит фраза, оставленная в прощальной записке: «...если бы вы мне сказали одно слово, одно только слово...» (т. 5, с. 193). Слово ответной любви, так и не произнесенное вследствие уязвленного самолюбия, рушит возможное счастье, ранит Асию и оставляет главного героя навсегда безутешным в подлинном чувстве, которое, по его собственному признанию, никогда уже не повторилось.

Слишком поздно осознав совершенную ошибку, Н. Н. надеется догнать Гагиних и в спешке покидает уединенный немецкий мир, где развернулась маленькая драма. Он прощается с идиллией этого края, а сопровождают его два символических образа. Во-первых, это Ганхен – служанка, которую герой впервые встретил во время прогулки перед самым

свиданием с Асей. Бедная девушка в тот момент, когда Н. Н. твердо решил «сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность» (т. 5, с. 185), сама переживала разлуку со своим же-нихом, ушедшим в солдаты. Служанка поразила его неприворной печалью, казавшейся тогда совершенно безнадежной и беспросветной. Однако, когда Н. Н. видит Ганхен во второй раз, она уже не была грустна: «молодой красивый парень стоял рядом с нею и, смеясь, рассказывал ей что-то» (т. 5, с. 194). Этот эпизод служит параллелью к истории героя, показывая разительное отличие того, как легко переживает драму любви простая служанка, ранее так удачно составившая своей фигурой сентиментально-романтический слой пасторального топоса, от того, какой действительной тяжестью ложится на самочувствие Аси самонадеянность героя, легкомысленно отнесшегося к чистому откровению порывистой души. Сопоставление немецкого и русского образов действует в русле поэтической логики Гёте, который представил в сцене у колодца парафразу судьбы Маргариты. Тургенев тоже углубляет изображение переднего плана, но действует в поэтике не соответствия, а контраста, усиливая противоречие между идеальным и реальным.

Кроме того, вслед Н. Н., уезжающему на пароходе в Кёльн, глядит с неизменным скорбным видом хорошо ему знакомая статуя мадонны «под одиноким огромным ясенем» (т. 5, с. 151). Это каменное изваяние аккомпанирует созерцательному взгляду главного героя, трижды появляясь в повести. Первый раз мадонна сопровождает Н. Н., который в одиночестве наигранно предается ненужной мечте о «коварной вдове». Описание изваяния показательно: «Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами, печально выглядывала из его (ясения. – И. В.) ветвей» (т. 5, с. 151). Скульптура, помещенная в природное углубление, отсылает к изваянию *Mater Dolorosa* в нише крепостной стены из трагедии Гёте. Гретхен обращается в молитве к изображению Девы Марии именно с мечом в сердце («Das Schwert im Herzen»), что символизирует великую скорбь («Mit tausend Schmerzen») по земным страданиям Христа (Goethe, 1828, S. 189). Гретхен, моля о заступничестве, ставит себя на место Богоматери, также когда-то просившей спасения, но для сына. Бедная девушка, оставленнаяFaустом, сознает себя у последней черты земной жизни, за которой для нее уже никогда не будет ничего отрадного. К такому порогу неизбывного горя подошла и Ася, но она ищет избавления не у высших сил, а у брата. Изваянный образ мадонны, терпящей муки, коррелирует со страданием Аси, сила которого столь же велика и продолжительна. Герой сам выделяет в каменном изображении две концептуальные черты – глубокую печаль и чрезвычайную юность, словно предугадывая появление девушки с необыкновенной судьбой и предчувствуя ее переживания. Второе упоминание статуи, даваемое как будто вскользь, предваряет собственно узнавание драматической истории Аси. Утвердившееся впечатления от мадонны распространяется у героя на сестру Гагина, и два образа под знаком глубокой печали объединяются в один. Финальное появление статуи в повести служит психологической огласовкой произошедшей в нежно любящей душе катастрофы и итожит переживания самого Н. Н., словно давая этическую оценку (с перспективой) его неосторожному поступку: «маленькая моя мадонна все так же печально выглядывала из темной зелени старого ясения» (т. 5, с. 194).

Трижды акцентируя внимание на одинокой скульптурной фигуре Девы Марии, повествователь целенаправленно называет ее именно и только мадонной, т. е. снимая ореол религиозного и воплощая живую человеческую природу, с одной стороны, горестного переживания, а с другой – красоты и женственности. И сам Н. Н. с ней как будто сродняется, рассказывая о статуе деликатно и трогательно, называя ее в последний раз «маленькой моей мадонной». Однако драма героя заключается в том, что, понимая эстетическую форму чувства и отзываясь на него, он не проявляет подобной чуткости к любви в ее непосредственном проявлении. Словно Faust из второй части трагедии, позабывший Маргариту и увлеченный эфемерной сущностью Елены, он склонен более к внешнему восприятию, сдерживая или останавливая себя в искренне-естественном. В этом отношении важно употребленное Н. Н. сравнение Аси с Галатеей как образцом грации, т. е. красоты, которая физически выражается в движении,

а этически – в высоком душевном стремлении. Герою требуется ассоциация с Рафаэлем, которая проходит и через трагедию Гёте, чтобы индивидуально, для себя, определить и материализовать достоинства Аси, но опять же не пытаясь полно и свободно их принять.

Таким образом, в повести «Ася» в свете гётеевского «Фауста» Тургенев конкретизирует образ «деятеля», героя времени и его критику, показывая, с одной стороны, человека в тонкой связи с национальным бытием, олицетворением которого выступает память о степной природе, а с другой – в малодушном отступничестве от взаимных чувств, воплощающем фаустовский эгоизм. В диалоге с традицией Гёте, очерчивающей лирико-философский план восприятия, писателем показаны сила и слабость человека. Любовь оказывается для Н. Н. и Аси стихией, что испытывает не только их чувственно-психологический мир, но и дает героям этическую оценку. Драма происходит в пространстве, составленном во взаимном сочетании города и пейзажа и имеющем все значительные приметы того скромного провинциального бытия, в котором совершается роковая встреча Фауста и Гретхен. Обыкновенное и живописное в единстве создают поэтический и философский фон, сопричастный переживаниям героев и оформляющий подвижную и устойчивую раму всего повествования.

Список литературы

- Беляева И. А.** Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.
- Бялы Г. А.** Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
- Данилевский Р. Ю.** Города Германии в художественном мире И. С. Тургенева (на примере повести «Ася») // Спасский вестник. 2021. № 28. С. 185–191.
- Маркович В. М.** О Тургеневе. Работы разных лет. СПб.: Росток, 2018. 542 с.
- Недзвецкий В. А.** Любовь – крест – долг... (О повести Тургенева «Ася») // Изв. Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55, № 2. С. 17–26.
- Чайковская И.** Иван Тургенев как читатель Гёте // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 367–381.

Список источников

- Гёте И. В.** Фауст / Пер. К. А. Иванова. СПб., 2005. 648 с.
- Тургенев И. С.** Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978. Т. 1. 574 с.; 1980. Т. 5. 543 с.
- Goethe J. W.** Werke: Faust. Stuttgart-Tübingen, 1828. Bd. 5. 328 S.

References

- Belyaeva I. A.** Tvorchestvo I. S. Turgeneva: faustovskie konteksty [The Works of I. S. Turgenev: Faustian Contexts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, 248 p. (in Russ.)
- Byalyi G. A.** Russkii realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu [Russian Realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, 640 p. (in Russ.)
- Chaikovskaya I.** Ivan Turgenev kak chitatel' Gete [Ivan Turgenev as a Reader of Goethe]. Voprosy literatury [Questions of Literature], 2013, no. 4, pp. 367–381. (in Russ.)
- Danilevsky R. Yu.** Goroda Germanii v khudozhestvennom mire I. S. Turgeneva (na primere povedi "Asya") [German Cities in the Artistic World of I. S. Turgenev (on the Example of the Story "Asya")]. Spasskii vestnik [Spassky Bulletin], 2021, no. 28, pp. 185–191. (in Russ.)
- Markovich V. M.** O Turgeneve. Raboty raznykh let [About Turgenev. Works of Different Years]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, 542 p. (in Russ.)
- Nedzvetsky V. A.** Lyubov' – krest – dolg... (O povedi Turgeneva "Asya") [Love – a Cross – Duty... (On Turgenev's Story "Asya")]. Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [Pro-

ceedings of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1996, vol. 55, no. 2, pp. 17–26. (in Russ.)

List of Sources

Goethe J. W. Werke: Faust. Stuttgart-Tübingen, 1828, Bd. 5, 328 S.

Goethe J. W. Faust. Trans. by K. A. Ivanova. St. Petersburg, 2005, 648 p. (in Russ.)

Turgenev I. S. Complete Works: in 30 vols. Works: in 12 vols. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1, 574 p.; 1980, vol. 5, 543 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Иван Олегович Волков, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

RSCI Author ID 915905

SPIN 4823-4376

Information about the Author

Ivan O. Volkov, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

RSCI Author ID 915905

SPIN 4823-4376

*Статья поступила в редколлегию 20.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 02.09.2024
The article was submitted on 20.05.2024;
approved after reviewing on 20.08.2024; accepted for publication on 02.09.2024*

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-87-98

Художественный диалог А. П. Чехова с Л. Н. Толстым: «Казак» и «Казаки»

Александр Васильевич Кубасов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

kubas2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

Аннотация

Раскрыта тематическая преемственность рассказа Чехова «Казак» и повести Толстого «Казаки». Выдвинута гипотеза о генетической связи рассказа с прецедентным текстом, который воплощал в себе культурный и художественный код, связанный с образом казачества. Доказывается, что Чехов не столько продолжал проблематику повести Толстого, сколько модернизировал и трансформировал ее. Вторым прецедентным текстом для «Казака» признается рассказ Толстого «Чем люди живы». В этом случае Чехов оспаривает открытый дидактизм чужого произведения. Контаминация двух прецедентных текстов и отсылки к ним отражают амбивалентное сочетание Чеховым учебы у Толстого и полемики с ним, что позволяет говорить о рассказе «Казак» как о знаковом явлении в прозе Чехова.

Ключевые слова

художественный диалог, прецедентный текст, казачество, богоискательство, Чехов

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН

Для цитирования

Кубасов А. В. Художественный диалог А. П. Чехова с Л. Н. Толстым: «Казак» и «Казаки» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 87–98. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-87-98

The Artistic Dialogue between A. P. Chekhov and L. N. Tolstoy: “The Cossack” and “The Cossacks”

Alexander V. Kubasov

Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation

kubas2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9074-1133>

Abstract

Purpose. This article examines the thematic continuity of Chekhov's story “The Cossack” in relation to that of Tolstoy's story, and also substantiates the possibility of a genetic link between the works. The stage works dedicated to the contacts and creative connections between Chekhov and Tolstoy are outlined.

Results. The story of the creation of Chekhov's story “The Cossack”, written under the influence of Tolstoy, is presented. A position has been put forward and substantiated as to why Chekhov did not include the story in the collection of his works. Chekhov's story differs from Tolstoy's novella in the scope of the artistic world presented in it, its

© Кубасов А. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 87–98
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 87–98

emblematic nature. Chekhov singles out a separate problem from Tolstoy's major work and transposes it into another genre's framework, which makes its own demands on its design. In Tolstoy's story, the contradiction between the noble society and the Cossacks is shown dynamically. Chekhov, unlike his predecessor, only outlines it, but does not resolve it. According to the conditions of the genre, the author of the story is constrained by tight constraints, so he is forced to resort to means that allow him to expand the artistic world of the work. For Chekhov, such means were allusions and intertext. In the story "The Cossack" there are obvious intertextual references not only to Tolstoy's story, but also to his story "What People Live By".

Conclusion. The fusion of the two precedent texts and references to them reflect Chekhov's ambivalent combination of studying with Tolstoy and polemics with him.

Keywords

artistic dialogue, precedent text, Cossacks, search for God, Chekhov

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, IRLI RAS

For citation

Kubasov A. V. The Artistic Dialogue between A. P. Chekhov and L. N. Tolstoy: "The Cossack" and "The Cossacks". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 87–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-87-98

Первая встреча А. П. Чехова с Л. Н. Толстым состоялась 8 августа 1895 г. в Ясной Поляне. Затем писатели виделись еще десять раз. Последний очный разговор у них произошел на даче С. В. Паниной в Гаспре 31 марта 1902 г. Эта сторона отражена в мемуарах современников Толстого и Чехова, а также в эпистолярном наследии писателей. Заочное их знакомство по художественным произведениям друг друга произошло намного раньше первой встречи.

Сравнительный анализ произведений Толстого и Чехова был начат еще при жизни обоих авторов. В библиографическом справочнике, составленном А. П. Чудаковым, отмечено более четырехсот критических публикаций, в которых упоминались оба писателя [Чудаков, 2023, т. 2, с. 317–318]. Важными вехами в данном направлении в более позднее время стали монография В. Я. Лакшина «Толстой и Чехов» [1976], сборник «Чехов и Лев Толстой» [1980], справочник «Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи» [1998]. Однако анализ творческих связей писателей не может быть признан исчерпывающим и требует дальнейшего изучения.

Выделяют группу рассказов Чехова, написанных в 1886–1887 гг., которые принято называть «толстовскими», так как их тематика или проблематика перекликается с той, что нашла воплощение в произведениях Толстого. Это рассказы «Хорошие люди», «Нищий», «Встреча», «Письмо» («Миряне») и «Казак». Конечно, творческое взаимодействие писателей не ограничивается этим перечнем, однако показательно, что все названные рассказы созданы в течение примерно двух лет. Это время ознаменовано переходом Чехова от юмористики к серьезному социально-психологическим произведениям, который завершится публикацией повести «Степь» в 1888 г. Молодой писатель активно осваивает в это время опыт признанных мастеров отечественной и мировой словесности. В ряду литературных учителей Чехова не мог не быть и Толстой. Одна из страниц длительного художественного диалога Чехова с Толстым связана с произведениями, перекликающимися своими названиями: «Казаки» и рассказ Чехова «Казак».

В комментарии к повести в академическом собрании сочинений отмечено, что писатель вынашивал ее более десяти лет, «несколько раз на ходу работы меняя свой план, размеры замысла, ход действия, имена и характеры действующих лиц», поэтому «история создания "Казаков" сложна и нелегко поддается изучению» (Толстой, 1936, т. VI, с. 271)¹. Повесть опубликована в 1863 г. и не раз переиздавалась.

«Казаки» были хорошо знакомы Чехову, иначе он не мог бы рекомендовать их для чтения Алексею Долженко, своему двоюродному брату: «Пока живешь у нас, почитай Толстого.

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами) в круглых скобках.

Он на полке. Найди рассказы «Казаки», «Холстомер» и «Поликуша». Очень интересно» (Чехов, 1976, П. 4, с. 226)². Чехов советовал родственнику начать с относительно небольших произведений, связанных между собой по содержанию с народной жизнью.

Приступить к сравнительному анализу «Казаков» и рассказа Чехова уместно с чеховской «Литературной табели о рангах» (1886), где Толстой поставлен во главу русской литературы, с присвоением ему условного чина «тайного советника». В год публикации чеховской миниатюры Толстому пятьдесят восемь лет, он признанный классик русской литературы, а двадцатишестилетний Чехов завершал активное сотрудничество с юмористическими журналами и принимался за работу над социально-психологическими очерками, которые печатались в «Новом времени» А. С. Суворина и в «Петербургской газете» С. Н. Худекова.

Кратко изложим историю создания Чеховым рассказа «Казак». 2 апреля 1887 г. писатель выезжает из Москвы в Таганрог. Одна из причин поездки – плохое состояние здоровья и желание встретить весну на юге. По дороге на имя сестры он высыпает открытку, адресованную всем домашним: «Я в Орле. 4 часа 50 мин. утра. Пью кофе, похожий вкусом на копченого сига. На полях снега нет. Ехать не скучно. Нет конвертов, потому не шлю дневник. Во всём слушайтесь Ваню. Он положительный и с характером». Иван Павлович Чехов будет одним из важных лиц для истории рассказа. Дорога Чехова в родной город оказывается достаточно длинной. Из Славянска 4 апреля высыпается следующая открытка, содержащая поздравление семейства с наступающей Пасхой: «Христос воскрес! Ведь это письмо Вы получите на 2–3 день праздника». В 1887 г. Пасха приходилась на 5 апреля. В Курске у Чехова происходит пересадка в другой поезд. О своих новых попутчиках он будет писать в большом письме, своеобразном отчете о поездке: «Вагон битком набит. Тотчас же после Курска знакомство: харьковский помещик, игривый, как Яша К^{орнеев}, дама, к^{ото}рой в Петербурге делали операцию, тимский исправник, хохол-офицер и генерал в военно-судейской форме. *Решаем социальные вопросы*» (П, т. 2, с. 56). В Таганрог Чехов прибыл 4 апреля. 7 апреля он пишет письмо Н. А. Лейкину, где сообщает: «Написал в «Газету» рассказ и сейчас повезу его на вокзал вместе с этим письмом». Речь идет как раз о «Казаке», 13 апреля он будет напечатан в «Петербургской газете». Несмотря на то что рассказ не попал в пасхальный номер, по времени своего создания и по содержанию его следует отнести к пасхальным произведениям Чехова, для которых одним из ключевых был вопрос веры в Бога.

Итак, «Казак» был написан между 4 и 7 апреля. Другое заключение не столь однозначно. Можно предположить, что попытка попутчиков Чехова решать в вагоне «социальные вопросы» каким-то образом отразилась на содержании написанных вскоре рассказов. Вполне вероятно, что в ходе дорожных дебатов возникло и имя Толстого, занимавшего активную позицию в решении актуальных общественных проблем. Такая практика «художественных ответов» на полемический социально-публицистический контекст будет свойственна Чехову и в последующее время.

«Казак» прошел незамеченным современной Чехову критикой. Рассказ оставался (да и остается) во многом в тени еще и потому, что не вошел в сборники писателя, которые анализировались охотнее, чем единичные его произведения. Показательно, что А. П. Чудаков в своем уникальном указателе не приводит ни одной ссылки на критические отзывы, связанные с этим рассказом. Однако есть очень важное замечание о нем частного порядка, которое подтверждает его «толстовский» характер. Сделано оно Иваном Павловичем Чеховым. В письме к брату 23 апреля 1887 г. он писал: «“Казак” уж *чересчур толстовистый*, а “Кролик и удав” будильничный...» [Летопись..., 2000, с. 307]. Иван Павлович занимал особое место в семействе Чеховых. Он воплощал, так сказать, личностную норму, что проявлялось в отсутствии у него как явных талантов, так и пороков или серьезных недостатков. Его устойчивая характеристика в письмах Чехова – «положительный и с характером». Это раскаиванные слова их

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием арабскими цифрами тома и страницы в круглых скобках. Серия писем отмечена «П».

отца, Павла Егоровича, понятные всем членам семьи. По мнению Ивана Павловича, связь рассказа с проблематикой произведений Толстого была слишком очевидной, что воспринималось им как просчет брата-писателя, как проявление его недоверия к эстетическому опыту реципиентов. Не менее важна вторая часть отзыва, где «Казаку» противопоставлена юмореска «Удав и кролик». Она была напечатана через неделю после «Казака» в той же «Петербургской газете», однако Иван Павлович уловил в ней явный привкус произведений, характерных для юмористического журнала, что объясняется неудачей первоначальной попытки Чехова опубликовать рассказ в «Осколках» у Лейкина. Сходство столь разных произведений, как «Казак» и «Удав и кролик», в их акцентированной связи с контекстом чужих произведений или изданий, бывшей очевидной для многих читателей.

Готовя «Казака» для собрания сочинений у А. Ф. Маркса, Чехов внес в рассказ стилистическую правку, сократил его, изменил конец, но в конечном итоге отказался от включения в готовящееся издание (т. 6, с. 657). Чем можно мотивировать это решение Чехова? Вероятно, главная причина заключается в том, что Толстой ко времени выхода второго тома чеховских сочинений, куда мог бы войти и «Казак», был жив. И если такой не самый искушенный читатель, как Иван Павлович Чехов, признал рассказ «чересчур толстовистым», то сам Толстой с еще большим успехом мог увидеть в нем преломление своих тем и мотивов. Дополнительной мотивировкой отказа от повторной публикации рассказа можно признать изменение жизненных обстоятельств. Ко времени издания собрания сочинений у Маркса писатели были уже лично знакомы друг с другом, и Чехов, видимо, хотел исключить возможность прочтения Толстым рассказа более чем десятилетней давности, написанного на скорую руку под влиянием литературного мэтра.

Содержание рассказов, публикуемых Чеховым в «Петербургской газете», отчасти зависело от необходимости размещения их в одном номере. Более того, издатель Худеков просил Чехова о еще большем сокращении присылаемых произведений, чтобы «они не превосходили двух гранок» [Летопись..., 2000, с. 244]. Как следствие, чеховские рассказы в «Петербургской газете» во многом приобретали характер «конспекта». А он, в свою очередь, предопределял суммарность представленного в них художественного мира, некоторую эмблематичность его. Конспективность отчасти компенсировалась широким использованием аллюзий и интертекстуальных отсылок. Лапидарность присуща и прецедентным «Казакам» Толстого, недаром В. Б. Шкловский, наряду с традиционным жанровым определением произведения как повести, называл его еще «великим и коротким романом» [Шкловский, 1981, с. 37].

Н. Я. Берковский оставил проницательное замечание о характере взаимоотношений Чехова с творчеством Толстого: «Он (Чехов. – А. К.) откалывает от произведений Толстого отдельные фрагменты, придает самостоятельность тому, что у Толстого было бы дробью, частностью. Центры, к которым частности эти тяготели у Толстого, для Чехова потеряли силу притяжения. Он не мог верить в эпопею этических связей между людьми, какой является, например, «Воскресение», последний великий роман Толстого. Покамест отыщутся новые идейные центры, Чехов предпочитал значительные подробности выписывать отдельно, отдельными рассказами, чем возводить большое художественное здание, в подлинности которого он сомневался» [Берковский, 1985, с. 272]. Рассказ «Казак» можно интерпретировать как опыт Чехова по «откалыванию» от крупного произведения отдельной темы, которая была «частностью» в «Казаках» Толстого. Кроме того, рассказ Чехова может быть связан и с другими произведениями Толстого. А. С. Мелкова пишет по этому поводу: «Идея братской, все-прощающей любви к ближнему нашла отражение в рассказах «Казак» и «Миряне». В первом ощутима сюжетная общность со сказкой Толстого «Чем люди живы», в «Мирянах» – некоторое тематическое сходство с рассказом Толстого – «Упустишь огонь – не потушишь»» [Мелкова, 1977, с. 317].

Обратимся к тексту рассказа Чехова, для обоснования гипотезы о его связи с «Казаками» Толстого, а также с дидактическим рассказом «Чем люди живы».

«Арендатор хутора³ Низы Максим Торчаков, бердянский мещанин, ехал со своей молодой женой из церкви и вез только что освященный кулич» (т. 6, с. 164). В первой фразе определены хронотоп и герой рассказа: Максим Торчаков живет в городе на берегу Азовского моря, он недавно женился и теперь едет после Пасхи с арендованного им хутора домой. Сюжет рассказа связан с архетипическим событием «встречи в дороге», которому отдал дань и Толстой. У Чехова отметим в этой связи рассказ «Встреча», который, наряду с «Казаком», признается написанным под влиянием Толстого [Кубасов, 2020]. Хронотоп встречи в дороге выступает как реализация концептуальной метафоры жизненного пути, выбора героем своего будущего.

Первые два слова «Казака» нуждаются в комментарии. У современного читателя может возникнуть вопрос: какой смысл в указании на то, что герой, оседло проживающий в Бердянске («бердянский мещанин»), вдобавок к этому арендовал «хутор Низы»? Деталь открывала фабульную возможность показать героя в пути от хутора к дому. Вместе с тем она характеризует уровень материальной состоятельности Максима Торчакова. В исследовании по истории хуторского хозяйства казаков сказано, что «разрешалось в частновладельческих хуторах селить совершенно посторонних людей, не принадлежащих к Войску. И чем больше по занимаемой площади хозяину хутора принадлежала земля, тем больше требовалось работников для обслуживания созданного в ней хозяйства» [Федина, 2017, с. 7]. Главный герой рассказа не относится к казацкому войску, он зажиточный горожанин, который стремится к еще большему обогащению и имеет возможность арендовать хутор, а также держать наемных работников. Таким образом, с самого начала рассказа отмечается материальная состоятельность героя и подготавливается противоречие между ней и готовностью пожертвовать малой толикой ее в пользу бедного. Отметим перекличку названия хутора «Низы» с локусом повести «В овраге» (1899), где социальный конфликт между богатством и бедностью тоже значим.

Если повесть Толстого основывалась на опыте жизни писателя на Кавказе, то рассказ Чехова – на опыте его степной жизни в Приазовье. Образы разных мест передаются пейзажами. У Толстого он достаточно пространен:

Был тот особенный вечер, какой бывает только на Кавказе. Солнце зашло за горы, но было еще светло. Заря охватила треть неба, и на свете зари резко отделялись бело-матовые громады гор. Воздух был ре-док, неподвижен и звучен. Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор на степи. В степи, за рекой, по дорогам, *везде было пусто* (т. VI, с. 18).

Далее дается развернутое описание станичного вечера.

У Чехова представлен «конспект» степного пейзажа, состоящий из трех фраз:

Солнце еще не всходило, но восток уже румянился, золотился. Было тихо... Перепел кричал свои: «пить пойдем! пить пойдем!», да далеко над курганчиком носился коршун, а больше во всей степи не было заметно ни одного живого существа (т. 6, с. 164).

Позже появится вторая картина:

На востоке, крася пушистые облака в разные цвета, засияли первые лучи солнца; послышалась песня жаворонка (т. 6, с. 166).

Разбив пейзаж на части, Чехов создает впечатление динамики внешнего действия и его временной протяженности. Описание степи предвещает то, что вскоре будет художественным центром этапной «Степи». Александр Чехов написал брату о впечатлении Буренина от пейзажей в этой повести: «Такие описания степи, как твое, он читал только у Гоголя и Толстого» [Письма А. П. Чехову..., 1939, с. 198]. Степной пейзаж у Толстого Чехов мог помнить, в том числе и по «Казакам».

³ Здесь и далее, если не указано иное, курсив мой. – A. K.

Намеченная интрига между названием рассказа и указанным затем социальным статусом героя вскоре получает частичное объяснение: по дороге домой «бердянский мещанин» встречает настоящего казака:

На полдороге к дому, у Кривой Балочки, Торчаков и его жена увидели оседланную лошадь, которая стояла неподвижно и нюхала землю. *У самой дороги на кочке сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги* (т. 6, с. 164).

Творческий диалог Чехова с Толстым в «толстовистом рассказе» начинается уже с заглавия. Если автор «Анны Карениной» по традиции выносил в название произведения главного героя, то Чехов делает это на основе *метонимического переноса*, т. е. по смежности с подлинным главным героем. Безымянный «рыжий казак» с точки зрения фабулы рассказа – лишь эпизодический персонаж, играющий роль стимула для сдвига в сознании Максима Торчакова. Позже самые чуткие критики будут искренне недоумевать по поводу этого принципа номинации некоторых чеховских произведений. А. Н. Плещеев, например, писал в отзыве на его пьесу: «Леший – не есть вовсе центральное лицо, и неизвестно почему комедия названа его именем» [Летопись..., 2004, с. 371]. Различие между прямым и метонимическим наименованием произведений условно можно сравнить с двумя фигурами на плоскости. Первый вариант – это точка, а второй – линия. Линия связывает подлинного главного героя с тем, который вынесен в заглавие, и указывает на скрытое за метонимией некое подтекстное содержание. Название рассказа «Казак» играет роль «указателя» на литературные образы казаков, самым известным образцом которых являются герои повести Толстого. Другая функция такого рода названий заключается в создании Чеховым неравновесной динамической системы персонажей, которая должна отчасти компенсировать фабульную статику. Вспомним в этой связи совет Чехова брату Александру: «Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать» (П, т. 3, с. 188).

Писатель наполняет текст рассказа скрытой символикой. Так, совершенно необязательным представляется указание на то, что встреченный казак был «рыжий». Если же обратиться к чеховской заметке «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.» (1880), то, по мнению молодого писателя, беллетристическим шаблоном стали «белокурые друзья и рыжие враги» (т. 1, с. 17). Встретившийся супругам Торчаковым «рыжий казак» окажется «врагом» для жены Максима, но одновременно неявным «другом» для него самого, потому что поможет ему если и не приблизиться к пониманию смысла жизни, то хотя бы увидеть себя в новом свете и сделать первый шаг на пути преодоления жизненной стереотипности. Это вполне в духе Толстого. Стоит вспомнить Платона Каратаева и Платона Фоканыча из романов писателя.

Встреча супругов Торчаковых с рыжим казаком происходит в середине их пути, «на полдороге к дому». Ситуация «герой на перепутье» является центральной и для повести Толстого «Казаки». Дмитрий Оленин хочет выйти из своего положения дворянина, опроститься, чтобы органично войти в казацкий мир и завоевать любовь Марьяны. Однако это окажется утопическим замыслом и обернется неудачей и необходимостью поиска нового смысла жизни. В качестве более отдаленной интертекстуальной «рифмы» к данной ситуации напомним известные строки из «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины». Максим Торчаков в результате случайной встречи в дороге тоже утратит «правый путь» и будет мучиться от этого.

Напомним, что «Казак» писался не в Москве, а в Таганроге, а потому Чехов, скорее всего, обращался к повести Толстого по памяти, на «фильтре» которой остались лишь самые важные особенности толстовского текста. Уместно вспомнить слова Чехова о повести «Степь»: «Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения с добрыми намерениями, но наерундил немало» (П, т. 2, с. 190). Если Гоголь назван Чеховым «степным царем», то Толстого вполне допустимо признать царем «казацким». Важнейшую роль в его повести играет оппозиция ценностей и культур двух со-

циумов – дворянского и казацкого, у Чехова два героя представляют другие социальные страты: мещанство и казачество. При этом казацкие ценности в рассказе фактически не раскрываются. Их нужно знать по казацкой литературной «энциклопедии», в роли которой выступает повесть Толстого. Девиз казачества был «За Бога, Царя и Отечество». В рассказе он имплицитно реализован в кратком диалоге Максима и казака:

- Христос воскрес! – крикнул ему Максим.
- Воистину воскрес, – ответил казак, не поднимая головы.
- Куда едешь?
- Домой, на льготу.
- Зачем же тут сидишь?
- Да так... захворал... Нет мочи ехать.
- Что ж у тебя болит?
- Весь болю (т. 6, с. 165).

Ясно, что казак по состоянию здоровья комиссован из армейской службы и теперь настолько плохо себя чувствует, что не может даже сидеть в седле. Казака отпустили домой, потому что он, скорее всего, находится при смерти. Мысль об этом возникает в сознании Максима: «Чего доброго помрет в дороге...» (т. 6, с. 166). Не менее показателен обмен репликами между Максимом и женой Лизаветой:

Жена взяла из рук мужа кулич, завернутый в белую салфетку, и сказала:

- Не дам! Надо порядок знать. Это не булка, а священная паска, и грех ее без толку кромсать.
- Ну, казак, не прогневайся! – сказал Торчаков и засмеялся. – Не велит жена! Прощай, путь-дорога! (т. 6, с. 165).

Пасхальный кулич, в котором казаку отказали, вполне мог сыграть для него роль последнего причастия. В семейной жизни Максим оказывается далек от казацкого семейного уклада – он подкаблучник, подчиняющийся воле жены. Это вполне допустимо в мещанском быту, но далеко от традиций казацкого общества. В «Казаках» одна из причин неудачи Оленина в его попытке ассимиляции с казаками связана с той же готовностью подчинения женщине. Чехов в рассказе создает ситуацию гипотетического условного развития сюжета повести. Что было бы, если бы Оленин все-таки стал мужем Марьяны? Ответ таков: подчинился бы более сильной воле казачки.

Толстой вынес в заглавие своего произведения не Оленина, а казаков как социальную общность. Писатель дает краткую историю и общую характеристику терского казачества, знакомство же с отдельным казаком начинает традиционно с портрета:

Лукашка, стоявший на вышке, был высокий, красивый малый, лет двадцати, очень похожий на мать. Лицо и всё сложение его, несмотря на угловатость молодости, выражали большую физическую и нравственную силу. <...> по широкому выражению его лица и спокойной уверенности позы видно было, что он уже успел принять свойственную казакам и вообще людям, постоянно носящим оружие, воинственную и несколько гордую осанку <...> Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам (т. VI, с. 23–24).

Чехов по условиям жанра и требованию «конспективности» рассказа отказывается не только от характеристики казака, но даже и от описания его внешности. Для этого выбрана определенная поза героя – казак сидел, «согнувшись, глядел себе в ноги» (т. 6, с. 164). Позже появится ремарка – «ответил казак, не поднимая головы» (т. 6, с. 165), тем самым мотивирован отказ от его портретной характеристики. Когда разговор продолжился, то казак вынужденно «поднял голову и обвел утомленными больными глазами Максима, его жену, лошадь» (т. 6, с. 165). Портрет заглавного героя, таким образом, складывается из трех деталей: позы, рыжего цвета волос и утомленных больных глаз. Все они связаны с сознанием и точкой зрения другого персонажа. В отличие от Толстого, Чехов отказывается от избытка авторского видения. Через три года в письме Суворину им будет сформулировано правило изображения героев, согласно которому автор «всё время должен говорить и думать в их tone и чувствовать в их духе» (П, т. 4, с. 54). Первые опыты такой дискурсивной практики получили реализацию в рассказах 1886–1887 гг., в том числе и в «Казаке».

Перелом в сознании чеховского героя происходит сам по себе. Случайная короткая встреча с казаком и мимолетный разговор с ним оказались судьбоносными для Максима, изменили его мировосприятие:

Неизвестно отчего, им овладела скука, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было. <...> Торчаков выпил полстакана чаю и уж больше ничего не пил и не ел. Есть ему не хотелось, чай казался невкусным, как трава, и опять стало скучно. <...> Вечером, когда стемнело, ему стало нестерпимо скучно, как никогда не было, – хоть в петлю полезай! От скуки и с досады на жену он напился, как напивался в прежнее время, когда был неженатым (т. 6, с. 166, 168).

Обратим внимание на завершающее фрагмент придаточное предложение: герой как бы отбрасывается в свое «прежнее время», когда он не имел ясных ценностных ориентиров и был в поиске их. Со времени женитьбы они были связаны с материальным преуспеванием. Казак, сам того не ведая, разрушил иллюзорные представления героя о примате материального, а не духовного, что вполне в духе литературной дидактики и житейской практики Толстого.

Скука – экзистенциальный концепт в произведениях Чехова, тогда как герои Толстого редко испытывают его, тем более казаки. Движение фабулы в чеховском рассказе связано с динамикой внутреннего состояния Максима Торчакова: от внезапного, необъяснимого возникновения смуты в душе, ее нарастания и до попытки избавиться от нее с помощью алкоголя. Если незаурядные личности в романах Толстого проходят испытание «диалектикой души», то «бердянский мещанин», гораздо более ординарный человек, испытывает простой переход от одного состояния к другому, к нестерпимой скуке, т. е. к неспособности изменить сложившее положение вещей.

Толстовская концепция развития личности, представляемая как процесс нравственных исканий, как преодоление противоречий на пути к истине, заменяется у Чехова только указанием на слом привычного уклада без возможности возвыситься до нового представления о жизни:

С этого и началось расстройство.

Лошади, коровы, овцы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог прогневался на него и на жену... за больного казака. Он всё чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по стени и ждал, не встретится ли ему казак... (т. 6, с. 168).

Так заканчивается рассказ. Остановимся на первой фразе из приведенного фрагмента, вынесенной в отдельный абзац. Главная особенность ее – смысловая неполнота. Оставив слово «расстройство» без требуемого дополнения, Чехов тем самым акцентирует возможность разного продолжения фразы. Следующий далее текст подсказывает, что «началось расстройство» хозяйства Максима Торчакова. Но не менее важен и другой смысл – утрата героям душевного равновесия, уверенности в правильности жизненного пути.

Уже после «Казака» Чехов работал над рассказом «Расстройство компенсации», который остался незавершенным. Один из героев его испытывает чувства, сходные с теми, что овладели Торчаковым. Безличный повествователь в «Расстройстве компенсации» передает состояние человека, который хочет ясности в жизни: «...ничего нельзя было понять, а время шло, неопределенность наскучила» (т. 10, с. 223). Драматизм ситуаций в обоих случаях проявляется в том, что герои остаются в состоянии «неопределенности», не находя выхода из нее. Герой из «Расстройства компенсации» интуитивно догадывается, что сложившийся уклад жизни настолько прочен, что «из этой твердой скорлупы ему не выйти уже до самой смерти» (т. 10, с. 229). Максиму Торчакову автор не дает возможности приблизиться даже к такому выводу.

Чехов трансформирует толстовскую идею духовного развития человека через приобщение его к жизни простого народа, а затем и к познанию Бога. Автор «Казака» ставит под сомнение толстовское убеждение, что вера в Бога у простого народа глубже и тверже, чем у других

социумов. «Мужицкий бог» в трактовке Чехова в данном случае достаточно условен и сводится к идее наказания за грехи. Максим недаром говорит:

Я всё думаю: а что *ежели это бог нас испытать хотел и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал?* Ведь бывает это. Нехорошо, Лизавета, обидели мы человека! (т. 6, с. 167).

Именно этот аспект рассказа мог вызвать критику Толстого, прочитай он его во втором томе собрания сочинений Чехова.

Обычный человек, воспринимаемый другим как посланник Бога, получит у Чехова продолжение в упомянутой повести «В овраге»:

— Вы святые? — спросила Липа у старика.
— Нет. Мы из Фирсанова (т. 10, с. 174).

Сходство Липы и Максима в их убеждении, что ангелы или святые могут принимать облик простых людей для проверки крепости веры человека. Муки Торчакова связаны с осознанием того, что он не выдержал проверки. Если Толстой прямо выражает необходимость для человека веры в Бога, то Чехов прибегает в последних словах рассказа фактически к эвфемистическому замещению ее. Желание героя еще раз встретить в степи казака равнозначально его попытке вторичного испытания судьбы и желания исправить ее. «Промежуточность» позиции Чехова по вопросу веры хорошо выразил в свое время А. Измайлов: «Температура веры, если можно так выразиться, не была в Чехове настолько высока, чтобы религиозность его прорывалась помимо его воли, обевала зноем приближавшихся к нему. Но он не был и индифферентом веры, ни того менее, верующим “на всякий случай”» [Измайлов, 2002, с. 901]. Вопрос богоискательства, один из ключевых в духовной практике Толстого, Чехов будет актуализировать и в других произведениях, например в «Убийстве» [Кубасов, 1998, с. 334–356], и связывать его с именами Достоевского и Толстого.

Итоговое отношение Чехова к Толстому зафиксировано в его письме к М. О. Меньшикову: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех» (П, т. 9, с. 29–30). Вера Толстого стала «близкой и подходящей» для Чехова лишь с течением времени, и рассказ «Казак» знаменует один из этапов его приближения к миропониманию автора «Казаков», но все-таки не слияния с ним, не полного принятия его.

Быть может, одним из главных уроков, которые мог вынести Чехов из опыта прочтения им повести Толстого, заключался в типе завершения произведений. Открытые финалы будут признаваться литературной новацией Чехова: «Открытость чеховских финалов обнаруживалась преимущественно в зрелых произведениях писателя. Между тем и в ранних рассказах Чехова действие не оканчивается развязкой фабульного эпизода» [Левитан, Цилевич, 1990, с. 312]. Одним из первопроходцев в разработке открытых финалов был Толстой и его «великий и короткий роман». Родство типов завершения отметил В. Б. Шкловский. Он пишет о «Казаках»: «Вещь как будто не была окончена. Но это был настоящий конец. Новый конец. Концы толстовской прозы, как концы прозы Чехова, они не были условны» [Шкловский, 1981, с. 47].

Обратимся к дидактическому рассказу Толстого «Чем люди живы», который признается прецедентным текстом для рассказа Чехова. Создание рассказа Толстым относят к 1881 г., тогда же он был напечатан в журнале «Детский отдых», в 1886 г. он вышел отдельной книжкой в издательстве «Посредник» и в собрании сочинений писателя (т. XXV, с. 667, 674). Следовательно, произведение входило в актуальный литературный контекст для «Казака» и вполне могло стать предметом обсуждения или упоминания в том дорожном разговоре, о котором писал Чехов родным. Толстой строит рассказ как иллюстрацию и художественное

развертывание восьми библейских цитат, послуживших эпиграфом к нему. Некоторые из них вполне соотносятся и с чеховским «Казаком»:

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия? (т. XXV, с. 7).

Сюжетно рассказы Толстого и Чехова сходны, отчасти это обусловлено тем, что в обоих случаях разрабатываются так называемые «бродячие сюжеты» (т. XXV, с. 665). Бедный сапожник Семен, герой Толстого, как и Максим Торчаков, встречает по дороге домой «человека в беде». Сапожник говорит себе:

Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. Али дюже разбогател? боишься, ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно! (т. XXV, с. 9).

Герой снимает с себя бедную одежду, чтобы покрыть нагого человека. Жена Матрена журит мужа за «голого бродягу». Однако уже вскоре вслед за мужем идет на помочь страннику:

Как вспомнит, что он последнюю краюшку доел и на завтра нет хлеба, как вспомнит, что рубаху и портки отдала, так скучно ей станет; а вспомнит, как он улыбнулся, и взыграет в ней сердце (т. XXV, с. 14).

Приведенный фрагмент позволяет увидеть различие писателей в понимании скуки. У Толстого она синонимична жадности, скупости.

Важное сходство сюжета рассказа Толстого с сюжетом рассказа Чехова в том, что встреченный Семеном голый человек оказывается ангелом, принявшим человеческий облик. Ангел нужен Толстому для прямого дидактического вывода:

И обнажилось тело ангела, и оделся он весь светом, так что глазу нельзя смотреть на него; и заговорил он громче, как будто не из него, а с неба шел его голос. И сказал ангел: «Узнал я, что жив всякий человек не заботой о себе, а любовью» (т. XXV, с. 24).

У Толстого эксплицировано то, что Чехов дает как потенцию, возможность.

В 1900 г. в письме М. О. Меньшикову Чехов отметил то, что он не принял в романе «Воскресение» и что, видимо, не принималось им у Толстого и раньше. «Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить всё на текст из евангелия, – это уж очень по-богословски» (П, т. 9, с. 30). Внутренняя соотнесенность «Казака» Чехова с повестью Толстого, открытый дидактизм рассказа «Чем люди живы» и «температура веры» ее автора в совокупности могли спровоцировать полемику Толстого с Чеховым. Предчувствуя эту возможность, Чехов отказался от включения рассказа в собрание своих сочинений.

Таким образом, даже в «чересчур толстовистом» рассказе Чехов все-таки не был прямым продолжателем манеры старшего современника, а тем более его подражателем. Освоение литературного опыта Толстого сочеталось у Чехова с полемикой с ним в художественной форме. Денотативный аспект чеховского рассказа (казачество как особая социальная группа) опирался на дистантную пресуппозицию, которая должна была обратить читателя к прецедентной повести Толстого. Другим средством организации и восприятия чеховского текста послужил рассказ «Чем люди живы», переизданный незадолго до работы Чехова над «Казаком» и обусловивший пресуппозицию контактную. Нравоучительное произведение Толстого оказалось важно в сюжетно-фабульном и проблемно-тематическом отношениях. Обращение к архетипической ситуации «встреча в дороге» позволило Чехову вписать его произведение в общекультурную парадигму и одновременно оспорить открытый дидактизм рассказа Толстого.

Список литературы

Берковский Н. Я. О русской литературе. Л.: Худож. лит., 1985. 383 с.

- Измайлов А.** Вера или неверие? (Религия Чехова) // А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С.872–905.
- Кубасов А. В.** Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998. 399 с.
- Кубасов А. В.** Дискурсивные практики в рассказе А. П. Чехова «Встреча» // Уральский филологический вестник. Русская классика: динамика художественных систем. 2020. № 4. С. 106–126. DOI 10.26170/ufv20-04-08
- Лакшин В. Я.** Толстой и Чехов. М.: Сов. писатель, 1976. 456 с.
- Левитан Л. С., Цилевич Л. М.** Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990. 512 с.
- Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Сост. Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Гитович. М.: Наследие, 2000. Т. 1. 512 с.
- Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / Сост. И. Ю. Твердохлебов. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 2. 592 с.
- Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи. М.: Наследие, 1998. 392 с.
- Мелкова А. С.** Литературная полемика середины 1880-х годов и «толстовские» рассказы Чехова // Чехов и его время. М.: Наука, 1977. С. 301–321.
- Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкиз, 1939. 567 с.
- Федина И. М.** Формирование и хозяйственное обустройство хуторских поселений кубанских (черноморских) казаков в конце XVIII – XIX в. // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 6–11.
- Чехов и Лев Толстой: Сб. ст. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Чудаков А. П.** А. П. Чехов в прижизненной критике. 1882–1904: Библиографическая монография-указатель: В 2 т. М.: Театральный музей им. А. А. Бахрушина, 2023. Т. 2. 500 с.
- Шкловский В. Б.** Энергия заблуждения. М.: Сов. писатель, 1981. 352 с.

Список источников

- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худож. лит., 1936. Т. 6. 315 с.; 1937. Т. 25. 914 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1974–1977. Т. 1. 607 с.; Т. 5. 704 с.; Т. 6. 736 с.; Т. 10. 496 с. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1975–1980. Т. 2. 584 с.; Т. 3. 575 с.; Т. 4. 656 с.; Т. 9. 616 с.

References

- Berkovsky N. Ya.** O russkoi literature [About Russian Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, 383 p. (in Russ.)
- Chekho i Lev Tolstoy [Chekhov and Leo Tolstoy]. Collection of Articles. Moscow, Nauka, 1980, 328 p. (in Russ.)
- Chudakov A. P.** A. P. Chekhov v prizhiznennoi kritike [A. P. Chekhov in Literary Critics of his Lifetime]. 1882–1904. Bibliograficheskaya monografiya-ukazatel'. Moscow, Teatral'nyi muzei imeni A. A. Bakhrushina Publ., 2023, vol. 2, 500 p. (in Russ.)
- Fedina I. M.** Formirovanie i khozyaistvennoe obustroistvo khutorskikh poselenii kubanskikh (chernomorskikh) kazakov v kontse XVIII – XIX v. [Formation and Economic Development of Farmstead Settlements of the Kuban (Black Sea) Cossacks in the Late 18th – 19th century]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2017, no. 3, pp. 6–11. (in Russ.)
- Izmaylov A.** Vera ili neverie? (Religiya Chekhova). [Faith or Unbelief? (Chekhov's Religion)]. In: A. P. Chekhov: pro et contra. St. Petersburg, RKhGI Press, 2002, pp. 872–905. (in Russ.)
- Kubasov A. V.** Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [Prose of A. P. Chekhov: The Art of Stylization]. Ekaterinburg, 1998, 399 p. (in Russ.)

- Kubasov A. V.** Diskursivnye praktiki v rasskaze A. P. Chekhova “Vstrecha” [Discursive Practices in A. P. Chekhov’s Story “Meeting”]. *Ural’skiy filologicheskiy vestnik. Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system* [Ural Journal of Philology. Russian Classic: the Dynamics of Artistic Systems], 2020, no. 4, pp. 106–126. (in Russ.) DOI 10.26170/ufv20-04-08
- L. N. Tolstoy i A. P. Chekhov. Rasskazyvayut sovremenniki, arkhyvy, muzei [L. N. Tolstoy and A. P. Chekhov. Contemporaries, Archives, Museums tell the Story]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, 392 p. (in Russ.)
- Lakshin V. Ya.** Tolstoy i Chekhov [Tolstoy and Chekhov]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1976, 456 p. (in Russ.)
- Letopis’ zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova [A Chronicle of the Life and Works of A. P. Chekhov]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, vol. 1. 512 p. (in Russ.)
- Letopis zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova [A Chronicle of the Life and Works of A. P. Chekhov]. Moscow, IMLI RAN Press, 2004, vol. 2, 592 p. (in Russ.)
- Levitin L. S., Tsilevich L. M.** Syuzhet v khudozhestvennoi sisteme literaturnogo proizvedeniya. [Plot in the Artistic System of a Literary Work]. Riga, Zinatne Publ., 1990, 512 p. (in Russ.)
- Melkova A. S.** Literaturnaya polemika serediny 1880-kh godov i “tolstovskie” rasskazy Chekhova. [Literary Polemics of the mid-1880s and Chekhov’s “Tolstoyan” Stories]. In: Chekhov i ego vremya. Moscow, Nauka, 1977, pp. 301–321. (in Russ.)
- Pis’ma A. P. Chekhovu ego brata Aleksandra Chekhova [Letters to A. P. Chekhov from his Brother Alexander Chekhov]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939, 567 p. (in Russ.)
- Shklovsky V. B.** Energiya zabluzhdeniya [The Energy of Delusion]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1981, 352 p. (in Russ.)

List of Sources

- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 18 vols. Moscow, Nauka, 1974–1977, vol. 1, 607 p.; vol. 5, 704 p.; vol. 6, 736 p. vol. 10, 496 p. Letters. In 12 vols. Moscow, Nauka, 1975–1980, vol. 2, 584 p.; vol. 3, 575 p.; vol. 4, 656 p.; vol. 9, 616 p. (in Russ.)
- Tolstoy L. N.** Complete Works. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1936, vol. 6, 315 p.; 1937, vol. 25, 914 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Васильевич Кубасов, доктор филологических наук, профессор
 Scopus Author ID 57204799425
 SPIN 4393-0560

Information about the Author

Alexander V. Kubasov, Doctor of Sciences (Philology), Professor
 Scopus Author ID 57204799425
 SPIN 4393-0560

Статья поступила в редакцию 04.04.2025;
 одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 18.04.2025
*The article was submitted on 04.04.2025;
 approved after reviewing on 14.04.2025; accepted for publication on 18.04.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

«Ишь, и глаза, как озеро, пышут»: феномен зависти в повести «Яр» С. А. Есенина

Мария Игоревна Крупенина

Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия

psickozza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Аннотация

Рассматривается феномен зависти в повести С. А. Есенина «Яр» на основе сцены, описывающей встречу нищенки и богомолки и заканчивающейся убийством последней. Хотя поэт не использует слово «зависть», он раскрывает тайную сущность и последствия этого явления. Автор вплетает в повествование христианскую символику и библейскую аллюзию, вербальные и невербальные коммуникативные средства, служащие своеобразным приемом «наращивания» чувства зависти и ее трансформации в преступление. Особую роль играют обрамляющий сцену говорящий пейзаж и символы природного мира, призванные пробудить богомолку от духовной дремоты. Однако она не слышит предостерегающего голоса Бога, так как грешна душой. Поэт по-своему интерпретирует трагическую развязку истории: только человек с чистой душой способен внимать Всевышнему.

Ключевые слова

Есенин, Яр, зависть, библейские аллюзии, христианский символ, пейзаж

Для цитирования

Крупенина М. И. «Ишь и глаза, как озеро, пышут»: феномен зависти в повести «Яр» С. А. Есенина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 99–106. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

“Look, and the Eyes, Like a Lake, Are Blazing”: The Phenomenon of Envy in the Story “Yar” by S. A. Yesenin

Maryia I. Krupenina

State Academic University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

psickozza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Abstract

Purpose. This article is aimed to consider the phenomenon of envy in S. A. Yesenin’s story “Yar”, based on a scene describing a meeting between a beggar and a pilgrim and ending with the murder of the latter.

Results. Although the poet does not use the word “envy” even once, he reveals its secret essence and consequences to which it leads. This is achieved (bu) by the author through interweaving Christian symbolism and biblical allusions into the narrative. In addition, the verbal (double-barrelled compliment, provocation, condemnation) and non-verbal (related to the mention of eyes, their movements and expression) communicative means serve as a technique to build up a vicious feeling and show its transformation into a crime. A special role is played by the speaking landscape framing the scene. It both prepares the tragic denouement of the story and acts as a harbinger of trouble. The symbols of the

© Крупенина М. И., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 99–106
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 99–106

nature world are no less important. They are meant to awaken pilgrim from spiritual slumber. However, the heroine does not hear the premonitory voice of God, since she is sinful.

Conclusion. The poet interprets the tragic outcome of story in his own way: only a person with a pure soul is able to hear the God.

Keywords

Yesenin, Yar, envy, biblical allusions, Christian symbol, landscape

For citation

Krupenina M. I. “Look, and the Eyes, Like a Lake, Are Blazing”: The Phenomenon of Envy in the Story “Yar” by S. A. Yesenin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 99–106. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-99-106

«Яр» – единственная прозаическая повесть Сергея Есенина, которая впервые была опубликована в 1916 г. Повесть в целом была плохо принята современниками поэта. Недооцененной она остается и в настоящее время [Михеев, 2014, с. 131], во многом, по мнению О. Е. Вороновой, из-за «абстрактности и утопичности социально-этического идеала главного героя, близкого автору, элементов мистики и фатализма в восприятии природы и ее власти над человеком, перенасыщенности повествования диалектизмами» [Воронова, 1985, с. 8]. Тем не менее исследователи отмечают и несомненное мастерство Есенина-прозаика, проявившееся в его способности достоверно выразить народный характер, отразить быт и уклад сельской жизни [Харчевников, 1975, с. 212; Булахтина, 2014, с. 10]. Безусловно, этим достоинства есенинского «Яра» не исчерпываются. Как «поэт мифологического чутья» [Галиева, 2016, с. 144] Есенин проявляет глубокое осознание фольклорной архаической действительности [Астащенко, 2023], в которой присутствует тесная связь с природой, мистикой, потусторонними силами. Отсюда проистекает непоколебимая вера есенинских персонажей в суеверия, знаки, предзнаменования, обряды, которые при правильном прочтении как героями, так и читателями позволяют расшифровать «значную эпопею Вселенной» [Галиева, 2016, с. 145]. В этом отношении одним из самых ярких и интересных эпизодов, на наш взгляд, является сцена, в которой нищенка из зависти убивает богомолку (ч. 3, гл. 2). Зависть преступницы выражена вербальными и невербальными средствами путем введения в повествование христианской символики и библейских аллюзий. Особую роль в контексте происходящих событий приобретает подготавливающий трагическую связку истории пейзаж-предзнаменование беды и символы природного мира, предупреждающие богомолку о грозящей ей опасности. Однако героиня не способна понять и расшифровать знаки «свыше» из-за своей греховности. В этом аспекте повесть Есенина еще не рассматривалась в литературоведении.

Зависть – многогранный феномен. Во всех определениях исследователи подчеркивают ее связь с чувством досады, горечи и другими негативными эмоциями, возникающими при виде того, что другой обладает благом или преимуществом, которые отсутствуют у завистника, и сопровождающиеся желанием лишить их соперника [Прокофьев, 2010, с. 32; Бескова, 2017]. Как известно, зависть играет центральную роль в библейских притчах о падении, Каине и Авеле, братьях Иосифа и работниках в винограднике. Коварство зависти заключается, как показывают многие источники, в том, что из нее рождается преступление [Севастьянов, 2018; Schimmel, 2008]. В повести С. Есенина «Яр» феномен зависти обыгрывается в первую очередь словами «ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных...», которые являются отсылкой к евангелию от Матфея («Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания», Мф 10: 9–10). Этим напутствием Спаситель внушает ученикам совершенную нестяжательность, желая прежде всего, чтобы они не возбуждали к себе подозрения и зависти. Вплетая в повествование библейскую аллюзию, поэт раскрывает читателю источник зависти и ее тайную мотивацию.

Таким символом искушения в повести является изначально именно «сума». Уже в начале эпизода богомолка привлекает внимание нищенки своим узелком: «У куста села, сумочку

развязывает... сухарики гложет с огурчиком» (Есенин, 2005, с. 113)¹. Это небольшое излишество пробуждает у нищенки зависть и жажду легкой наживы. Не без умысла она спрашивает богомолку: «Берегешь копеечку-то?» Четырежды звучат оторванные от истинного религиозного контекста слова «ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных» в мыслях и на устах богомолки, которая неверно истолковывает их на свой лад и передает сумку с деньгами нищенке: «Бедная ты, бездомная, возьми вот сумочку-то. Деньги тут. – Ни сумы, ни сапог, в писании сказано... – плачет» (с. 114).

Немаловажную роль для понимания сущности зависти играет прослеживающаяся между героями аналогия, которая угадывается в их принадлежности к одной социальной среде: обе скитаются и носят все свое имущество с собой. Подобие обнаруживается и в их физическом описании, основанном на принципе зеркального параллелизма: странница еще в начале эпизода представлена с клюкой, побиушка ближе к концу повествования – с палкой. Вера в Бога становится еще одним связующим фактором. Хотя зависть отражает отсутствие веры в Божью премудрость, нищенка намеренно выдает себя за верующую, чтобы втереться в доверие к страннице. Об этом говорят ее слова и действия: «Телом своим причащаешься, – говорит побиушка. – Так ин лучше Богу заслужишь... <...> – Соснуть бы не мешало, – крестится побиушка» (с. 113).

В сцене встречаются невербальные и речевые признаки зависти. Первые связаны с упоминанием глаз, с их движениями и выражением. Согласно Я. А. Волковой, «завистливые глаза <...> пронзительны и колки. Поэтому человек, не желающий демонстрировать свою зависть, часто пытается скрыть это от собеседника, опустив взгляд, начав чаще моргать, прикрыв глаза, скосив глаза, прищурив глаза» [Волкова, 2014, с. 23]. Так, нищенка то «спрашивает искоса», чтобы узнать нужную ей информацию, то «пытливо глядит в глаза» страннице, ожидая ее ответа.

К речевым маркёрам зависти относятся двусмысленный комплимент и провокация [Архангельская, 2011, с. 65]. Слова побиушки «Ишь, и глаза, как озеро, пышут» наиболее примечательны в контексте происходящего, так как звучат одновременно как похвала и как осуждение. Глаза выражают эмоции, чувства, считаются отражением души, но здесь становятся главным символом зависти. Нельзя возжелать чего-то, не увидев этого или образно не представив. Неслучайно глаза сравниваются с озером, которое вызывает ассоциацию с синью. Синий является в поэтическом пространстве Есенина заряженным особой жизненной энергией цветом [Кокорин, 2011, с. 285]. Иными словами, нищенка имеет в виду пышущие жизнью, верой, чистотой глаза богомолки.

Провокация со стороны побиушки направлена на то, чтобы выведать у богомолки, почему та ушла из дома, и найти в ее объяснении обоснование своей враждебности: «– Чай, с снохами-то неладно жила? <...> – Нет, родная, никого не обижала. – Врешь, поди» (с. 115). Объективация зависти сопровождается выражением очевидной враждебности, ретроспективной отсылкой нищенки к событиям прошлого странницы, что вовлекает первую в индивидуальное жизненное пространство второй и приводит к наращиванию порочного чувства, перерастающего в преступление. Как справедливо замечает С. Шиммел, завистливые люди часто скрывают свою зависть, «надевают мантию “справедливого” негодования и отрицают право человека на то, чем этот человек по праву владеет» [Schimmel, 2008]. Следовательно, злобные слова нищенки – проявление ее скрытого завистливого отношения [Булыгина, Трипольская, 2015, с. 197].

Из чувства зависти у побиушки рождается желание не только завладеть материальным имуществом странницы, но и потушить огонь жизни ее блестящих глаз. Об этом свидетельствует само окончание эпизода, в котором упоминаются уже угасшие, потухшие глаза богомолки. Согласно справедливому замечанию Р. А. Севастьянова, мотив зависти характерен для «совершения насильственных преступлений против личности». Здесь к тому же он соче-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

тается и с другим мотивом – корыстью и «образовыва[ет] полимотивацию» при совершении преступления [Севастьянов, 2018, с. 226].

По мере усиления и трансформации зависти в преступление особое значение приобретает пейзаж, выступающий в качестве фона, который подготавливает надвигающуюся трагическую развязку. В данной сцене при описании пейзажа поэт использует заложенную еще в фольклоре и перешедшую в литературу традицию знамения перед трагическими событиями [Муравьева, 2006, с. 505]. В пейзаже-предзнаменовании Есенина наибольшее внимание притягивают три составляющих его суть композиционных приема: внедрение в текст христианского и хтонического символов, в роли которых выступают птица и мышь; прием нисходящей (обратной) градации и полифоничность, создаваемая большим количеством шипящих звуков, которые позволяют рассматривать есенинский пейзаж в качестве говорящего универсума.

В статье «Символика природных образов у М. А. Шолохова и С. А. Есенина (на материале романа-эпопеи “Тихий дон” и повести “Яр”)» Н. М. Муравьева отмечает частое обращение Есенина к птицам, которые становятся своеобразной символической проекцией на судьбу героев и отражением их духовного состояния [Там же]. В сцене встречи нищенки и богомолки присутствует частое упоминание иволги. С этой птицей связано много народных примет. Например, в статье «Семантико-прагматический статус народных примет» Ф. Ф. Гилемшин пишет, что по старинным поверьям иволга может предвещать изменение погоды: «Иволга в солнечный день издает резкие, похожие на кошачий визг, протяжные душераздирающие звуки – к приближению дождя» [Гилемшин, 2010, с. 59–60]. Хотя иволга чаще всего рассматривается как положительный символ, есть и другие толкования. Н. А. Агапова на основе самостоятельно собранного материала приходит к выводу, что иволга может служить предвестником смерти, так как «все лексические единицы – “воробей”, “иволга” и “птица” находятся в родовидовых отношениях и могут быть контекстуальными синонимами, а также объединены общей культурной семантикой, опирающейся на веру в то, что души умерших вселяются в маленьких диких птиц» [Агапова, 2012, с. 12]. Действительно, в этой связи сложно не согласиться с утверждением Э. В. Пугачевой о том, что «архетип Птицы многолик, [и] в большинстве случаев разгадка употребления того или иного вида восходит к мифологическим преданиям давно минувших веков, хотя порой авторская интерпретация предлагает собственное прочтение конкретного образа» [Пугачева, 2010, с. 140].

Упоминание иволги встречается трижды в рассматриваемом эпизоде, причем всегда в связи с последующим или предшествующим упоминанием глаз странницы: «Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга. Тени облачные веки связывают. <...> – Глаза поволоклись морокой. Фюи, фюи, – гарчет плаксиво иволга. <...> – Фюи, фюи, – гарчет иволга. Глаза подернулись дымкой» (с. 113–115). Крик иволги производит тревожный эффект. Автор подчеркивает это через добавление к описанию звука прилагательного «плаксивый». При этом выбранный по-этом глагол «гарчить» («гаркать») дает понятие о виде звука – громкого, протяжного, пронзительного.

Связь крика иволги с описанием «дремотных» глаз странницы не случайна. Птица здесь выступает как символ божественной сущности [Дубровина, Кутьева, 2009], особый знак «свыше», голос Бога, который должен был пробудить в страннице бдительность, не давая ей полностью предаться дремоте, не только физической, но и духовной. При этом слова «дымка, морока» свидетельствуют не только о духовной слепоте героини, но и о ее греховности. В тексте несколько раз звучат слова самой странницы о совершенном ею грехе: «“О-ох, грешная я, – думает. <...> Господи, – шепчут выцветшие губы, – помилуй меня, грешную”» (с. 113). Именно из-за греховности, даже по собственному мнению, она неспособна испытать прозрение: оно так и остается незавершенным, несмотря на громкий голос природы.

Природа у Есенина – это не только своего рода одушевленный организм, но и весьма говорящий: и жалобным пением птицы, и голосом качающего кусты ветра, и шипением невидимых, но присутствующих там ползающих существ. Говорящая природа – довольно инте-

речное явление в есенинской прозе. Если прочитать весь эпизод вслух, трудно обойти вниманием присутствие в нем большого количества шипящих звуков, создающих какофонию настораживающего шелеста и шороха: «По верхушкам сосен ветерок шуршит. *<...>* Заячий хряст заглушил шелест трав. Кусты задрожали» (с. 113–115). Зловещий шепот бора, как и крик птицы, звучит настораживающе и служит предупреждением богомолке.

Звуковое оформление характерно и для используемого поэтом приема градации при описании пейзажа для усиления и нагнетения зловещей атмосферы. Градация является вертикальной, т. е. идет от верха к низу: «По верхушкам сосен ветерок шуршит. *<...>* Тихо кусты качаются... Тень Господня под бором ползает. *<...>* В осиннике шаги аукают. *<...>* Зычный хряст заглушил шелест трав. Кусты задрожали. *<...>* Под стиснутыми руками как будто скреблась мышь» (с. 113–115). Согласимся с мнением исследователей, которые считают, что «принцип последовательного и постепенного изложения представляемых лексем и словосочетаний по степени их существенности, важности, а также однотипность предлагаемых для описания конструкций представляются понятными для осознания и ощущения эмоциональной насыщенности авторского текста для читателя или слушателя» [Стрикун, Середа, 2016, с. 47]. При этом описание пейзажа «по вертикали» создает своеобразную иллюзию снижения в преисподнюю: если вначале слышатся шепот ветра, шелест листвы и травы, то уже в самом конце сцены присутствует лишь царапанье, подпольный скрежет. Мышь, в свою очередь, выступает здесь как хтонический символ приближающейся и в конце концов настигающей странницу смерти.

Таким образом, феномен зависти в повести С. Есенина «Яр» имеет сложную структуру и несет глубокий философско-религиозный смысл. В тексте он актуализируется как на языковом, так и на образном и композиционном уровнях. Во-первых, сущность зависти раскрывается посредством внедрения в канву повествования библейской аллюзии, которая неверно истолковывается странницей, что приводит ее к заблуждению. Во-вторых, феномен зависти выражается автором при помощи проведения аналогии между героями, а также вербальных и невербальных маркёров. Важную роль в анализируемом сюжетном событии играет говорящий пейзаж. Он одновременно подготавливает трагическую развязку истории и служит предзнаменованием беды. Однако богомолка не слышит предостерегающего голоса Бога, так как грешна душой. Греховность становится сдерживающим прозрение фактором и приводит к гибели героини. Поэт дает свою интерпретацию трагического события: голос Бога может услышать только тот, кто чист душой.

Список литературы

- Агапова Н. А.** Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 5–14.
- Архангельская Л.** Зависть: путь к победе или поражению? М.: Феникс, 2011. 140 с.
- Асташенко Е. В.** Типологические схождения в литературоведении: на примере повести С. Есенина «Яр» и сказок А. Н. Толстого // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 245–248.
- Бескова Т. В.** Особенности объективации зависти // Мировая наука. 2017. № 1 (1). С. 6–12.
- Булахтина О. Н.** Повесть «Яр» в контексте эпистолярного и поэтического наследия С. А. Есенина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 4. С. 10–13.
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «Зависть» и «Ревность» в славянских и романо-германских языках // Ру-син. 2015. № 3 (41). С. 191–206.
- Волкова Я. А.** Невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре // Вестник ТГПУ. 2014. № 2 (143). С. 21–26.

- Воронова О. Е.** Проза Сергея Есенина (жанры и стиль): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 206 с.
- Галиева М. А.** Фольклорные формулы в поэтике раннего С. А. Есенина (формула «Встану рано») // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 141–148.
- Гилемшин Ф. Ф.** Семантико-прагматический статус народных примет // Вестник ВятГУ. 2010. № 3. С. 56–60.
- Дубровина К. Н., Кутьева М. В.** Образ птицы: от Библии к художественному тексту // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 69–77.
- Кокорин С. А.** Колоронимы в поэтическом творчестве С. А. Есенина: типы, функционирование // Вестник ЮурГГПУ. 2011. № 12-1. С. 281–287.
- Михеев М. Ю.** Переклички «Яра» Есенина с «Тихим Доном» Шолохова – сюжетные, мотивные и текстуальные заимствования // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2014. № 4. С. 123–135.
- Муравьева Н. М.** Символика природных образов у М. А. Шолохова и С. А. Есенина (на материале романа-эпопеи «Тихий Дон» и повести «Яр») // Вестник ТГУ. 2006. № 4. С. 503–507.
- Прокофьев А. В.** Зависть // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Общ. ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
- Пугачева Э. В.** Ассоциативные поля образа Птицы в поэзии А. Ахматовой // Наука и современность. 2010. № 4-2. С. 139–143.
- Севостьянов Р. А.** Зависть как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 3А. С. 222–228.
- Стрикун Е. А., Середа Е.** Нарастание и спад как стилистические фигуры достижения выразительности в английском языке // Учен. зап. Санкт-Петербург. ун-та технологий управления и экономики. 2016. № 4 (56). С. 41–48.
- Харчевников В. И.** Поэтический стиль Сергея Есенина. Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 1975. 248 с.
- Schimmel S.** Envy in Jewish Thought and Literature // R. H. Smith (ed.), Envy: Theory and Research. Oxford: Oxford Uni. Press, 2008, pp. 17–38.

Список источников

Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. / Сост. и comment. А. Н. Захаровой, С. П. Кошечкиной, Е. А. Самоделовой, С. И. Субботиной, Н. Г. Юсовой. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 5: Проза. 560 с.

References

- Agapova N. A.** Klyuchevoe slovo narodnoi primety v lingvokul'turologicheskem aspekte [A Key Word of a Folk Sign in a Linguoculturological Aspect. Language and Culture]. *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*, 2012, no. 2 (18), pp. 5–14. (in Russ.)
- Arkhangelskaya L.** Zavist': put' k pobede ili porazheniyu? [Envy: The Way to the Victory or Defeat?] Moscow, Feniks Publ., 2011, 140 p. (in Russ.)
- Astashchenko E. V.** Tipologicheskie skhozhdeniya v literaturovedenii: na primere povedi S. Ese-nina “Yar” i skazok A. N. Tolstogo [Typological Similarities in Literary Studies: Based on S. Yesenin’s Story “Yar” and A. N. Tolstoy’s Fairy Tales]. *Sovremennoye pedagogicheskoe obrazovanie [Modern Pedagogical Education]*, 2023, no. 4, pp. 245–248. (in Russ.)
- Beskova T. V.** Osobennosti ob"ektivatsii zavisti [Features of the Objectification of Envy]. *Mirovaya nauka [World Science]*, 2017, no. 1 (1), pp. 6–12. (In Russ.)

- Bulakhtina O. N.** Povest' "Yar" v kontekste epistolyarnogo i poeticheskogo naslediya S. A. Esenina [The Story "Yar" in the Context of S. A. Yesenin's Epistolary and Poetic Heritage]. *Herald of Voronezh State University*, 2014, no. 4, pp. 10–13. (in Russ.)
- Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A.** Dinamicheskie protsessy v soderzhanii emotSIONAL'nykh kontseptov "Zavist" i "Revnost" v slavyanskikh i romano-germanskikh yazykakh [Dynamic Processes in the Content of Emotional Concepts 'Envy' and 'Jealousy' in Slavic and Romance-Germanic Languages]. *Rusin*, 2015, no. 3 (41), pp. 191–206. (in Russ.)
- Galieva M. A.** Fol'klornyye formuly v poetike rannego S. A. Esenina (formula "Vstanu rano") [Folklore Formulas in the Poetics of Early S. A. Yesenin (the Formula "I will get up early")]. *Scientific Dialogue*, 2016, no. 1 (49), pp. 141–148. (in Russ.)
- Gilemshin F. F.** Semantiko-pragmatischekii status narodnykh primet [The Semantic and Pragmatic Status of Folk Signs]. *Herald of Vyatka State University*, 2010, no. 3, pp. 56–60. (in Russ.)
- Dubrovina K. N., Kutieva M. V.** Obraz ptitsy: ot Biblii k khudozhestvennomu tekstu [The Image of a Bird: From the Bible to a Literary Text]. *Russian Journal of Linguistics*, 2009, no. 1, pp. 69–77. (in Russ.)
- Kharchevnikov V. I.** Poeticheskii stil' Sergeya Esenina [S. Yesenin's Poetic Style]. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Press, 1975, 248 p. (in Russ.)
- Kokorin S. A.** Koloronimy v poeticheskem tvorchestve S. A. Esenina: tipy, funktsionirovaniye [Coloronyms in S. Yesenin's Lyrics: Types, Functioning]. *The Herald of South Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2011, no. 12-1, pp. 281–287. (in Russ.)
- Mikheev M. Yu.** Pereklichki "Yara" Esenina s "Tikhim donom" Sholokhova – syuzhetnye, motivnye i tekstual'nye zaimstvovaniya [The Overlaps of Yesenin's "Yar" with Sholokhov's "Quiet Flows the Don" – Plot, Motive and Textual Borrowings]. *Lomonosov Philology Journal*, 2014, no. 4, pp. 123–135. (in Russ.)
- Muravyeva N. M.** Simvolika prirodnnykh obrazov u M. A. Sholokhova i S. A. Esenina (na materiale romana-epopei "Tikhii don" i povesti "Yar") [The Symbolism of Natural Formations in M. A. Sholokhov and S. A. Yesenin (Based on the Epic Novel "Quiet Flows the Don" and the Story "Yar")]. *Herald of Tomsk State University*, 2006, no. 4, pp. 503–507. (in Russ.)
- Prokofyev A. V.** Zavist' [Envy]. In: *The New Philosophical Encyclopedia*. In 4 vols. Ed. by V. S. Stepin. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 634 p. (in Russ.)
- Pugacheva E. V.** Assotsiativnye polya obrazov Ptitsy v poezii A. Akhmatovoi [Associative Fields of the Image of the Bird in the Poetry of A. Akhmatova]. *Nauka i sovremennost'* [Science and Modernity], 2010, no. 4-2, pp. 139–143. (in Russ.)
- Sevostyanov R. A.** Zavist' kak motiv soversheniya prestupleniya [Envy as a Motive for Committing a Crime]. *Matter of Russian and International Law*, 2018, no. 3A (8), pp. 222–228. (in Russ.)
- Strikun E. A., Sereda E.** Narastanie i spad kak stilisticheskie figury dostizheniya vyrazitel'nosti v angliiskom yazyke [Increase and Decrease as Stylistic Figures for Achieving Expressiveness in English]. *Uchenyye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 2016, no. 4 (56), pp. 41–48. (in Russ.)
- Schimmel S.** Envy in Jewish Thought and Literature. In: Smith R. H. (ed.). *Envy: Theory and Research*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2008, pp. 17–38.
- Volkova Ya. A.** Neverbal'naya kontseptualizatsiya zavisti v russkoi lingvokul'ture [Non-verbal Conceptualization of Envy in Russian Linguoculture]. *Herald of Tomsk State Pedagogical University*, 2014, no. 2 (143), pp. 21–26. (in Russ.)
- Voronova O. E.** Proza Sergeya Esenina (zhanry i stil') [Sergey Esenin's Prose (Genres and Style)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1985, 206 p. (in Russ.)

List of Sources

Yesenin S. A. Complete works: In 7 vols. Comp. and comment. by A. N. Zaharova, S. P. Koshechkin, E. A. Samodelova, S. I. Subbotina and N. G. Usova. Moscow, IWL RAS, 2005, vol. 5: Proza [Prose], 560 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Игоревна Крупенина, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID AAU-1838-2021

SPIN 9518-9870

Information about the Author

Maryia I. Krupenina, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID AAU-1838-2021

SPIN 9518-9870

*Статья поступила в редакцию 28.09.2024;
одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 05.02.2025
The article was submitted on 28.09.2024;
approved after reviewing on 22.01.2025; accepted for publication on 05.02.2025*

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-107-116

«Юные герои» Ю. Н. Верховского (1943): эпос, дифирамб и пионерский костер

Любовь Владиславовна Маштакова

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Тайвань

lika170288@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

Аннотация

Ю. Н. Верховский – поэт и филолог, ученик А. Н. Веселовского и Вяч. И. Иванова. Его творчество, принадлежа как Серебряному веку, так и советской России, является примером того, как преломлялись художественные открытия начала века в официальной советской культуре, является одним из вариантов восстановления культурной преемственности, о которой он писал в своих статьях и стихах разных периодов. Поэма «Юные герои» (1943) о комсомольцах на фронте Великой Отечественной войны рассматривается нами как факт и мобилизационной культуры 1940-х гг., и реставрации в советской литературе черт эпоса и дифирамба, сознательной архаизации, при которой поэтическому слову возвращаются изначальные магическая и суггестивная функции, о которых писали русские символисты.

Ключевые слова

Ю. Н. Верховский, Вяч. И. Иванов, А. Н. Веселовский, литература ВОВ, символизм, эпос, дифирамб, ритуал, мобилизационная культура

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания. Тема базового бюджетного финансирования: «Природно-материальные и социокультурные пространства в историческом контексте: механизмы формирования и трансформации»

Для цитирования

Маштакова Л. В. «Юные герои» Ю. Н. Верховского (1943): эпос, дифирамб и пионерский костер // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 107–116. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-107-116

“Young Heroes” by Yu. Verkhovsky (1943): An Epic, a Dithyramb and a Pioneer Bonfire

Liubov V. Mashtakova

Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation

National Chengchi University
Taipei, Taiwan

lika170288@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

Abstract

Purpose. Yuri N. Verkhovsky was a poet and philologist, a follower of Alexander N. Veselovsky and Vyacheslav I. Ivanov. His heritage belongs to two different eras – the Silver Age and Soviet Russia, and it is an example of

© Маштакова Л. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 107–116
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 107–116

transformation of the artistic discoveries and poetic concepts of the early 20th century in the official Soviet culture during Stalin's time. It is also an option for restoring cultural continuity, as he wrote about it in his articles and poems from different periods. The poem *Young Heroes*, published in 1943 in the newspaper *Uralsky Rabochi* [The Ural Worker] (Sverdlovsk, USSR), is considered as a fact of both mobilization propaganda literature in the 1940s and the restoration of epic and dithyrambic features in Soviet literature.

Results. The theses about the unity of the front and the hinterland, as well as the orientation towards the mobilization of creative, physical, and spiritual forces, as broadcast by the press in the 1940s, suggest to the poet a poetic language that meets the demands of the time. This language is simple and understandable to the mass reader and is close to the style of posters or slogans. On the other hand, accessible popular newspaper poetry, adopting classical forms and drawing on folk poetry, fulfills the principles of symbolism. The poem's case shows conscious archaization, when the original magical and suggestive functions of the poetic word are returned, as Russian symbolists talked about. Excerpts from the poem are being republished for the first time.

Keywords

Yuri N. Verkhovsky, Vyacheslav I. Ivanov, Alexander N. Veselovsky, Great Patriotic War literature, Russian Symbolism, Epic, Dithyramb, Ritual, Mobilization Culture

Acknowledgements

The research was conducted as part of a state assignment. The topic of the basic budget funding is: "Natural-Material and Sociocultural Spaces in a Historical Context: Mechanisms of Formation and Transformation"

For citation

Mashtakova L. V. "Young Heroes" by Yu. Verkhovsky (1943): An Epic, a Dithyramb and a Pioneer Bonfire. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 107–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-107-116

Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) – филолог, поэт-неоклассик, собеседник Вяч. И. Иванова, А. А. Блока, Б. Л. Пастернака. Современных исследователей привлекают его дореволюционные произведения и книги стихов, изучается его взаимодействие с ключевыми фигурами Серебряного века, частично переизданы его стихотворения. Советский же период творчества Верховского почти не исследован, стихотворения его последнего прижизненного сборника «Будет так» (Свердловск: Свердлгиз, 1943) и публикации в периодике 1940-х гг. опубликованы частично. Однако именно в это время наиболее отчетливо, на наш взгляд, проявилась уникальность его творчества. В самые напряженные периоды истории страны поэт, Арион, восстанавливал культурную преемственность между советской и досоветской Россией, разорванную связь времен. Мысль о восстанавливющей силе поэтического слова согласуется и с его воззрениями как ученого-филолога.

В 1941–1944 гг. поэт жил в эвакуации в Свердловске, где испытал творческий подъем: выступал на радио, публиковался в газетах и коллективных сборниках. На первый взгляд его творчество военных лет полностью находится в русле советской печати 1940-х гг. Более же пристальное рассмотрение этих публикаций обнаруживает, что ученик А. Н. Веселовского и Вяч. И. Иванова, участник диспутов на «Башне», Верховский продолжал развивать идеи своих учителей, определившие направление его мысли еще в 1910-е гг. Его научное и поэтическое творчество 1940-х гг. является примером того, как преломлялись художественные открытия начала века в официальной советской культуре. Данная концепция была представлена в нами в более ранней статье [Маштакова, 2023]. Являясь результатом первичного исследования наследия поэта 1940-х гг., она нуждается в дальнейшем уточнении. Взятая нами в качестве материала поэма «Юные герои» ранее не опубликовалась и не упоминалась другими исследователями.

Поэма «Юные герои» (1943) – одно из самых значительных произведений Верховского свердловского периода. Она вышла в № 222–223 газеты «Уральский рабочий» и была отмечена грамотой Обкома комсомола. Поэма была важна и для самого поэта: о планах на отдельную публикацию (не состоялась) упоминается в его автобиографии 1944 г. (Верховский, 2008, с. 898). Поскольку поэма предваряется ссылкой на более ранние выпуски «Уральского рабочего», важен контекст ее публикации.

Выпуск «Уральского рабочего» от 29 октября 1943 г. был полностью посвящен дню рождения комсомола, предварялся лозунгом «Да здравствует комсомольское племя!» и взаимными обращениями – ЦК ВКП(б) к ВЛКСМ и ВЛКСМ к Сталину. Поэма писалась по случаю

и была частью цельного торжественного выпуска. На первой странице также было обращение к комсомольцам Свердловской области актива Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК). Поэма Верховского, помещенная на второй странице, соседствовала с очерком «Комсомольский билет» С. Н. Самсонова, молодого фронтового корреспондента УДТК. И поэма Верховского, и очерк Самсонова основаны на более ранней публикации (13 октября) – коллективном «Письме с фронта комсомольцам и молодежи Урала», в котором освещались бои с участием УДТК и судьбы его отдельных участников. Более подробно была описана гибель пулеметчика Михаила Орлова, пожалевшего простреленный и окровавленный комсомольский билет. Диалог между ним и его другом воспроизведен в письме и повторен в очерке Самсонова: возможно, именно Самсонову принадлежит и текст письма.

Описанные в письме актива УДТК события стали основой как минимум двух известных нам произведений Верховского. 19 октября в «Уральском рабочем» вышло стихотворение «Сестра» (Верховский, 1943а), посвященное подвигу санинструктора Клавдии Вьюшковой. В письме в нескольких строчках сказано, что девушка вынесла с поля за один бой пятьдесят раненых и что она награждена орденом Отечественной войны 1-й степени. В стихотворении Верховского героиня просыпается в операционной от боли и успокаивается под прикосновениями медсестры. Истории других упомянутых в письме комсомольцев: Михаила Орлова, Алексея Привалова, Василия Кулакова, Ивана Рогожина, Владимира Калиновского, Владимира Маркова, Тимофея Луценко, Шестакова (указана только фамилия) – подробно описаны в поэме «Юные герои», в которой несколько строк посвящены Евгении Безгодовой и той же Клавдии Вьюшковой. Приведем отрывки из поэмы.

В пионерском лагере перед костром один из участников собрания « заводит песнь », рассказывает о подвигах комсомольцев, подробно останавливаясь на каждом имени.

Вечерний лагерь. Тишина.
Юнцы перед кострами.
Беседа мирная слышна,
И речи льются сами.
<...>
И голос пламенных сердец,
Для радости раскрытых,
Военной доблести певец
И былей незабытых,
Как бы ведущий дивный хор
Единым цельным строем –
Чело пылает, блещет взор –
Заводит песнь героям.
Не знаешь, пел иль говорил –
Прекрасно, вдохновенно, –
Та повесть бранных дел и сил
Всем юным незабвенна.
<...>
Вдали мы слышали призыв,
Стрелков гвардейских слово, –
Живой, он долго будет жив
В родном kraю Свердлова.

От подвигов отдельных участников фронтовых сражений рассказчик-певец переходит к возванию к коллективу – комсомольской семье и к вождям, чьи заветы эту семью направляют:

И славой песнь окончу я
Во славу комсомола.
Да здравствует его семья,
Его живая школа!
Там праздник песнею моей
Посильной не умален,

Где учат радостных детей
Примером – Ленин, Сталин!

В финале в логике кольцевой композиции происходит возврат к пионерскому костру:

Полночный лагерь... Тишина
Над красными кострами.
Мерцањем их озарена
Картина в темной раме.
Раздумчивую молодежь
Влечет к ее героям.
Как только песно пропоешь,
Она певучим строем
Невольно полонит сердца;
Но миг – на вольной волне
Они взыграют, до конца
Счастливой верны доле.
Избыток жизни молодой
Заискрился, играя,
Сердца пред светлою судьбой
Наполнивши до края.
Та свежих юных сил игра
Простору запросила
И кличем радостным «Ура!»
Окрестность огласила.
Пред мощным шествием побед,
Пред силой непочатой
И выше нет, и чище нет
Той радости крылатой.

Вдохновленные рассказом, объединенные его патетикой, пионеры сначала задумчиво молчат, а затем кричат «Ура!» в тишине ночного леса.

Образ пионеров, сидящих у костра, в финале заключается в темную раму картины. Это может быть как рама темного ночного леса вокруг центра – костра, так и образ действитель но существующей картины. Неизвестно, какое конкретно изображение послужило источни ком экфрасиса, но все образы достаточно типичны в советском изобразительном искусстве (С. Боим, И. Цыбульник, Н. Гиппиус). Картина Л. Гильманшина «Песнь пионера» (1954) написана позже, но до деталей воспроизводит сюжет Верховского, хотя одесский художник вряд ли был знаком с поэмой. Обратим внимание не на источник типического образа и сюжета, а на саму раму. Она нужна поэту для того, чтобы тут же ее преодолеть: рама связана с темным лесом и тишиной, но от песни, от костра «загораются» сердца пионеров, и общий крик заполняет ночной лес. Похожий прием можно встретить в сонете Верховского «Клиник уральский – восхищенье глаз...», посвященном П. П. Бажову: образ реально существующего клинка с гравюй И. Бушуева сравнивается со сказом Бажова «Иванко-Крылатко», эту самую гравюру прославившим, так что границы нескольких образов, реального клинка, клинка-экфрасиса у Бажова, клинка-слова и «стали народной души» становятся практически неразделимы, один переходит в другой (Верховский, 1943б). Так и в поэме «Юные герои» действие заключается в темную раму, огонь костра переходит в огонь сердец, преодолевая и темноту, и пространство условной картины. Мгновенное разрушение едва намеченного экфрасиса, контрастный переход от статики картины к игре «юных сил», расширение пространства вширь («окрестность огласила») и вверх («и выше нет, и чище нет») воздействует и на читателя, вовлекая его в действие.

По характеру этого воздействия, пафосу, а также тематически и сюжетно поэма соотносима с корпусом произведений о «пионерах-героях»¹. Об особенностях таких произведений Е. В. Савенкова пишет, что «в рамках этой парадигмы были не просто легитимные зоны встречи Ребенка и Смерти, эти встречи еще и репетировались, транслировались, ритуально

¹ См.: [Кадлец, 2018; Литовская, 2010; Леонтьева, 2005; Убить Чарскую..., 2013].

отыгрывались. <...> Ребенок должен был приобрести совершенно легитимную опцию – умение отдавать свою жизнь за Родину и Партию. Формировался также навык переключения восприятия своего тела в режим тела коллективного» [Савенкова, 2015, с. 45]. Каждая из перечисленных особенностей акцентирована в поэме: в подробностях описана гибель двух комсомольцев из УДТК, их последние слова, окровавленный партбилет и «желанный» бой; в текст песни, которую поет пионер, автор скрупулезно вводит каждое из имен героев, подчеркивая «семейный» характер комсомольской организации, на которую должна равняться пионерия. Во главе семьи – вожди, их именами ударно заканчивается песня. Так выстраивается иерархия организаций, в которой «юные герои» должны соответствовать воюющим комсомольцам и – самому высокому примеру.

Описанная иерархия сакральна, как и ритуалы, ее закрепляющие. Особый характер происходящего задается в самом начале поэмы. Перед читателем – пионерский костер, «ритуализованная символическая практика» [Knottnerus, 2014], или «ритуал взаимодействия» [Collins, 2014], мероприятие, имевшее не только идеологический, но и по форме своей мистериальный смысл с особым эмоционально нагруженным сценарием, в данном случае соотнесенным с чувствами долга и жертвенности. Утверждение этих чувств в поэме происходит постепенно: от внешней рамки (ситуация пионерского костра) – к песне о подвигах – и до возврата к ситуации рассказывания и общему крику «Ура!» («коллективное возбуждение» Э. Дюркгейма), венчающему патетическую концовку.

Сопоставление солдат и стоящих у станков рабочих или пионеров и октябрят – тема не уникальная [Клочкова, 2006] и заданная в том числе «сверху» [Нечаев, 2020]. Но в поэме Верховского важно и другое – единство с *погибшими* на фронте, именно так заканчивается зачин песни:

И отошедшие друзья
Как будто с нами вместе...

Обращенное к умершим и произнесенное у костра, такое высказывание ритуально побеждает смерть [Фрейденберг, 1997, с. 121–124] для участников костра, а для истории – вводит погибших во вневременное поле брани, ставшее «полем чести». Создается неразрывный круг: погибшие герои – сражающиеся герои – юные герои. К этому единству, как к опорной точке, рассказчик (певец) обращается на каждом этапе песни. Две истории о погибших героях описаны более подробно, каждая история заканчивается или начинается упоминанием места рождения или работы героя, перемежаясь с призывами к объединению,циальному побить смерть: «Так умирал твой сын, Урал», «Знал Билимбаевский завод / Секретаря райкома». Каждая такая отсылка создает для слушателей-пионеров, для читателя устойчивую территориальную, социальную, возрастную связь, так что участник коллектива (пионер, комсомолец) должен поверять себя меркой героя.

Итак, сюжет, композиция, ключевые образы и мотивы в поэме выстраиваются вокруг трех идей: все участники одного большого дела представляют собой единство (пионеров, комсомольцев, погибших героев); это единство носит не столько идеологический характер, сколько сакральный, и главная цель такого единства и его «цемент» – готовность к собственному подвигу. В целом в этих идеях Верховский не отходит от принципов мобилизационной культуры, формировавшейся с конца 1920-х гг. Однако архитектонические принципы, движущие сюжет поэмы и задающие пути конструирования единения погибших и живущих, сражающихся и трудающихся, художественного мира произведения и читателя в итоге, оригинальнее и сложнее, они связаны с его собственной научной и творческой деятельностью.

Именно в годы Великой Отечественной войны Верховский обращается к забытым официальной литературой сонетам и дистихам, окказионально объединяя классические формы и язык актуальной печати. Поэт пытался практически осуществить поворот советской литературы к классике. Филолог же усматривал черты героической оды, идилии, сатиры, памфлета и баллады в произведениях своих младших современников. Так, в докладе на пермской конференции 1943 г. на примере творчества Н. Куштума, Б. Михайлова, А. Бычкова,

Е. Трутневой он показал актуальность забытых форм именно для поэзии военных лет². Сами молодые уральские поэты свою связь с классикой вряд ли осознавали, но тем ценнее для Верховского было их интуитивное обращение «к истокам»: после войн и революций в период очередного большого испытания символически восстанавливалась утраченная связь времен. Очевидно, что для поэта-филолога эта связь должна была реализоваться именно в поэтическом языке. Исток этой мысли – труды его учителя А. Н. Веселовского.

А. Н. Веселовский рассуждал о механизме коллективной памяти: «В памяти народа отложились образы, сюжеты и типы, когда-то живые. <...> Эти сюжеты и типы обобщались, представление о лицах и фактах могло заглохнуть, остались общие схемы и очертания. <...> То же самое в жизни литературы, народной и художественно-сознательной: старые образы, отголоски образов вдруг возникают, когда на них явится народнопоэтический спрос, требование времени» [Веселовский, 1989, с. 57]. В «глухой темной» области сознания поэта подразумевается наличие архаических структур, которые должен актуализовать «народный» запрос, до конца не осознанный, проявляющий себя в значимый исторический момент. Так, например, в уральской литературе выразителем этого запроса стал П. П. Бажов и его сказы, условный «рабочий фольклор»³. Это, в частности, отметил Верховский в посвященном писателю сонете (Верховский, 1943б).

Спрос на конкретный образ, как и его забвение, Веселовский объяснял его суггестивной силой: чем она сильнее, тем дольше сохраняется образ в культуре. Суггестия поэтического слова, «действенная сила внушения вёщей мечты» [Иванов, 1910, с. 41] – одна из главных особенностей символической поэзии, по мысли другого учителя Верховского, Вяч. Иванова. В программной статье «Мысли о символизме» (1912) Вяч. Иванов отмечал, что поэт-символист должен не только «живописать словом», «петь с волшебной силой», «владеть познанием вещей» (т. е. быть художником, певцом и мудрецом), но и «заставить самое душу слушателя петь со мною другим, нежели я, голосом» [Иванов, 1974, с. 605–606]. Согласно Иванову, выстраивается особая коммуникация «поэт – произведение – читатель» («радуга завета»), а в поэзии ценится способность поэта магически очаровывать, близкая к изначальным функциям поэтической речи, сила именно «народного» выразительного ритма, почерпнутого из глубин памяти. В другой статье, ссылаясь на Веселовского, поэт утверждал значимость в поэзии переживания «стародавнего наследия в лирике искусственной» [Иванов, 1910, с. 41]. Статьи Иванова писались в одно время с докладами в Поэтической академии, к которой принадлежал и Верховский. Теоретико-литературные дискуссии, проходившие сначала на «Башне», а затем в «Аполлоне», сформировали взгляды Верховского, на тот момент защитившего диссертацию под руководством Веселовского.

Хотя и реализуемая совершенно сознательно, идея возврата к архаике в конкретный исторический момент лежит в основе архитектоники поэмы «Юные герои», влияет на ее язык, на ее образность, ведет сюжет, создает необходимый фон священнодействия.

Самым очевидным образом поэма соотносится с героическим эпосом, что внешне не противоречит тенденциям советской культуры 1930–1940-х гг. [Богданов, 2009]. В поэме Верховского, как в средневековом эпосе, певец поет «повесть бранных дел и сил» о воинах и боязнях:

Бойцы – без шлемов. Не тая
Печали величавой,
Рекли: «Да будет смерть твоя
Твою вечной славой».

² Текст не сохранился. О нем: На уральской межобластной научно-литературной конференции // Звезда. 1943. № 127. 18 июня.

³ Бажов в этом смысле писатель, чье творчество совпадает не только и не столько с государственным, сколько с социальным заказом [Круглова, 2014; Литовская, 2014].

Поэма соотносима с воинской повестью, где верность христианской вере заменяется верностью комсомолу. В конце каждой истории о герое звучит слава воину, в конце песни – слава вождям.

Менее очевидно соотносится с поэмой греческий дифирамб, что в целом не противоречит предыдущему тезису. «Смешанная природа эпоса объясняется его происхождением из перво-бытного синкетического искусства, где он еще не был отделен от музыкально-оркестрического священного действия и лицедейства» [Иванов, 1987, с. 409]. Такой вид древнего дифирамба представляет собой «Тезея» Бакхилида, перевод которого Иванов включил в книгу лирики «Прозрачность» (1904). В этом дифирамбе осуществляется диалог хора и Эгея, ждущих прибытия Тезея. В предыстории дифирамба – прибытие и растерзание Диониса-Загрея. Герой такой проптотрагедии повторяет миф о Дионисе, сюжет сохраняет черты более древнего ритуала, а участники действия переживают его религиозно. «Из лона <...> музыки ясно подымаются голоса трагического страха перед героем, как носителем рока, и трагического страха за его судьбу, родственного тому “состраданию”, о котором говорит Аристотель в своем определении трагедии: ибо в праздничных торжественных Афинах ждут Тезея предуготованные ему роком опасности, как это ведомо и памятно было древнему зрителю» [Иванов, 1971, с. 817]. Подчеркнем здесь две идеи, важные для поэмы Верховского в целом и для характера катарсиса в ней. Во-первых, зрители в таком произведении объединены с участниками. В поэме Верховского – это особая суггестия, планомерно создающая единство «герои – пионеры – читатель», чувство, выходящее в итоге за «раму картины». Во-вторых, участники действия *знают* о том, что уготовано герою. О судьбе комсомольцев известно и пионерам, и читателю, песнь пионера воспроизводит уже не раз описанные подвиги, и в этом ее катарическая сила. Сравним: в «Орфее растерзанном» у Иванова, подобно Дионису-Загрею, растерзан певец, восходит солнце, и хор Менад предрекает его воскресение:

Вскрикнут струны искупленья, смолкнут жалобой живой...
Вновь разрывы, и исступленья, и растерзан Вакх! Эвой!
[Там же, с. 804]

Восхождению солнца в дионисийском мифе соответствуют ночь и костер в поэме, зажигающий сердца и освещаящий тьму леса.

Так далекие на первый взгляд от философских и историко-культурных идей начала века и, конкретно, русского символизма – художественно-эстетические и идеологические установки сталинской эпохи сводятся воедино в поэме Верховского: это песнь причастных, «знающих» о пришествии героя, его гибели и его победы над смертью, спрятанная внутри патриотического эпоса.

Конструируемый Верховским синкетизм, как и обращение к классическим формам, в 1940-е гг. становится не просто приемом, но особенностью его метода («Всходит ли ясно луна на безоблачном небе я мыслю...», «Рукавички», «Сестра» и др.). Транслируемые актуальной печатью тезисы о единстве фронта и тыла, установка на мобилизацию творческих, физических и духовных сил подсказывают поэту поэтический язык, соответствующий требованию времени: простой, газетный, близкий к лозунгу. Ныне звучащий несколько пародийно, он резко контрастирует с произведениями поэта тех же лет, выходящих за рамки военной темы (частично представлены: (Верховский, 2008)). С другой стороны, газетная поэзия, обретая классические формы и обращаясь к народной поэзии, зримо выполняет «заветы символизма». Разумеется, в данном случае мы говорим о планомерной реконструкции отдельных жанровых черт, сюжетов и образов, но и Веселовский писал об «отголосках». Эти «отголоски» классики и архаики ясно (в отличие от критиков его идей [Камский, 1944]) слышал Верховский в стихах современников и сам следовал в поэтическом творчестве «народному» запросу, искренне и с энтузиазмом наводя мосты между культурой прошлого и литературой 1940-х гг.

Список литературы

- Богданов К. А.** *Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры* М.: НЛО, 2009. 362 с.
- Веселовский А. Н.** Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
- Иванов Вяч.** Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 7. С. 38–42.
- Иванов Вяч. И.** Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 871 с.; 1974. Т. 2. 851 с.; 1987. Т. 4. 800 с.
- Кадлец Н.** Как быль стала сказкой: серия «Пионеры-герои» и детский героический сюжет 1970–80-х гг. // Детские чтения. 2018. № 14 (2). С. 123–137.
- Камский А.** Литературная конференция в городе Молотове // Уральский современник. 1944. № 8. С. 94–98.
- Ключкова Ю. В.** Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 128–135.
- Круглова Т. А. П. П.** Бажов как советский писатель: проблемы идентификации // П. П. Бажов в меняющемся мире / Отв. ред. В. Б. Королева. Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2014. С. 64–72.
- Литовская М. А.** Воюющие дети в русской литературе первой половины XX века // Homo Militaris: Литература войны и о войне / Под ред. И. А. Каргашина. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2010. С. 93–99.
- Литовская М. А.** «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П. П. Бажова // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 16, № 2 (127). С. 8–17.
- Леонтьева С. Г.** Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология / Сост. М. В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 89–123.
- Маштакова Л. В.** Символист в военном Свердловске: позднее творчество Ю. Н. Верховского в свете идей Вяч. И. Иванова и А. Н. Веселовского // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 74–81.
- Нечаев М. Г.** «Молотовский коктейль» образца 1943 г. в борьбе за повышение идеино-художественного уровня советской литературы // Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. С. 59–83.
- Савенкова Е. В.** Культ пионеров-героев: жертвенный энтузиазм в жанре «Для среднего школьного возраста» // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2015. № 1. С. 43–53.
- «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. / Сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2013. 363 с.
- Фрейденберг О. М.** Поэтика сюжета и жанра / Под общ. ред. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
- Collins R.** Interaction ritual chains and collective effervescence // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / Ed. by C. von Scheve, M. Salmena. Oxford: Oxford Uni. Press, 2014. P. 299–311.
- Knottnerus D. J.** Religion, ritual and collective emotion // Collective emotions: Perspectives from psychology, philosophy and sociology / Ed. by C. von Scheve, M. Salmena. Oxford: Oxford Uni. Press, 2014. P. 312–325.

Список источников

- Верховский Ю. Н.** Струны: Собр. соч. / Под ред. В. Калмыковой. М.: Водолей, 2008. 926 с.
- Верховский Ю.** Сестра // Уральский рабочий. № 215 (8445). 19 октября 1943а.
- Верховский Ю.** Клинок уральский – восхищенье глаз... (П. П. Бажову) // Литературный Урал. 1943б. 12 июня.

References

- Balina M. R., Viyugin V. Yu.** (eds.). “Ubit' Charskuyu...”: paradoksy sovetskoi literatury dlya detei, 1920-e – 1930-e gg. [“Kill Charskaya...”: Paradoxes of Soviet Children's Literature, 1920–1930s]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2013, 363 p. (in Russ.)
- Bogdanov K. A.** Vox populi. Fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury [Vox Populi. Folklore Genres of Soviet Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, 362 p. (in Russ.)
- Freidenberg O. M.** Poetika syuzheta i zhanra [The Poetics of Plot and Genre]. Ed. by N. V. Braginskaya. Moscow, Labirint Publ., 1997, 445 p. (in Russ.)
- Ivanov Vyach.** Pis'ma o russkoi poezii [Letters on Russian Poetry]. *Apollon*, 1910, no. 7, pp. 38–42. (in Russ.)
- Ivanov Vyach. I.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 4 vols. Eds. D. V. Ivanov, O. Deshart. Brussels, Foyer Oriental Chrétien, 1971, vol. 1, 871 p.; 1974, vol. 2, 851 p.; 1987, vol. 4, 800 p. (in Russ.)
- Kadlets N.** Kak byl' stala skazkoi: seriya “Pionery-geroi” i detskii geroicheskii syuzhet 1970–80-kh gg. [How a True Story Became a Fairy Tale: The “Pioneer Heroes” Series and Children's Heroic Plot of the 1970s–80s]. *Detskie chteniya*, 2018, no. 14 (2), pp. 123–137. (in Russ.)
- Kamsky A.** Literaturnaya konferentsiya v gorode Molotove [Literary Conference in the City of Molotov]. *Uralskii sovremennik*, 1944, no. 8, pp. 94–98. (in Russ.)
- Klochkova Yu. V.** Literaturnyi obraz Sverdlovska v proizvedeniyakh voennyykh let [The Literary Image of Sverdlovsk in the Works of the War Years]. In: Literatura Urala: istoriya i sovremennost' [Literature of the Urals: History and Modernity]. Collection of articles. Ekaterinburg, UrB RAS; Ob'edinennyi muzei pisatelei Urala, AMB Publ., 2006, pp. 128–135. (in Russ.)
- Kruglova T. A.** P. P. Bazhov kak sovetskii pisatel': problemy identifikatsii [P. P. Bazhov as a Soviet writer: Problems of Identification]. In: Koroleva V. B. (ed.) P. P. Bazhov v menyayushchemsya mire [P. P. Bazhov in a Changing World]. Ekaterinburg, Ob'edinennyi muzei pisatelei Urala Publ., 2006, pp. 64–72. (in Russ.)
- Litovskaya M. A.** Voyuyushchie deti v russkoi literature pervoi poloviny XX veka [Fighting Children in Russian Literature of The First Half of the 20th Century]. In: Kargashin I. A. (ed.). Homo Militaris: Literatura voiny i o voine [Homo Militaris: Literature of War and About War]. Kaluga, KSU Press, 2010, pp. 93–99. (in Russ.)
- Litovskaya M. A.** “Fabul'nye kryuchochki i petel'ki”: poetika kompromissa v tvorchestve P. P. Bazhova [“Plot Hooks and Loops”: the Poetics of Compromise in the Works of P. P. Bazhov]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, vol. 16, no. 2 (127), pp. 8–17. (in Russ.)
- Leonteva S. G.** Zhizneopisanie pionera-geroya: tekstovaya traditsiya i ritual'nyi kontekst [Life Description of a Pioneer Hero: Textual Tradition and Ritual Context]. In: Akhmetova M. V. (ed.) Sovremennaya rossiiskaya mifologiya [Modern Russian mythology]. Moscow, RSUH Press, 2005, pp. 89–123. (in Russ.)
- Mash'takova L. V.** Simvolist v voennom Sverdlovske: pozdnee tvorchestvo Yu. N. Verhovskogo v svete idei Vyach. I. Ivanova i A. N. Veselovskogo [A Symbolist in Wartime Sverdlovsk: Yu. N. Verkhovsky's Late Works in the Light of the Ideas of Vyach. I. Ivanov and A. N. Veselovsky]. *Uralskii istoricheskii Vestnik* [Ural Historical Journal], 2023, no. 3 (80), pp. 74–81. (in Russ.)
- Nechaev M. G.** “Molotovskii kokteil” obraztsa 1943 g. v bor'be za povyshenie ideino-khudozhestvennogo urovnya sovetskoi literatury [The Molotov Cocktail of 1943 in The Struggle to Improve the Ideological and Artistic Level of Soviet Literature]. In: Tvorcheskaya intelligentsiya v Prikam'e v 1920–1950 gg. Lichnost' i vlast' [Creative intelligentsia in the Kama region in

- 1920–1950. Personality and Power]. Perm, Perm National Research Polytechnic Uni. Press, 2020, pp. 59–83. (in Russ.)
- Savenkova E. V.** Kul't pionerov-geroev: zhertvennyi entuziazm v zhanre “Dlya srednego shkol'nogo vozrasta” [The Cult of Pioneer Heroes: Sacrificial Enthusiasm in the Genre “For Middle School Age”]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of Samara Humanitarian Academy], 2015, no. 1, pp. 43–53. (in Russ.)
- Veselovsky A. N.** Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 404 p. (in Russ.)

List of Sources

- Verkhovsky Yu. N.** Struny: sobranie sochinenii [Strings: Collected Works]. Ed. by V. Kalmykova. Moscow, Vodolei Publ., 2008, 926 p. (in Russ.)
- Verkhovsky Yu.** Sestra [Sister]. *Uralskii Rabochii*, 1943, no. 215 (8445), October 19. (in Russ.)
- Verkhovsky Yu.** Klinok uralskii – voskhishchen'e glaz... (P. P. Bazhovu) [Ural Blade – A Delight to the Eyes... (To P. P. Bazhov)]. *Literaturnyi Ural*, 1943, June 12. (in Russ.)

Информация об авторе

Любовь Владиславовна Маштакова, кандидат филологических наук
 Scopus Author ID 57210803338
 WoS Researcher ID 20288-113838
 RSCI Author ID 1016227

Information about the Author

Liubov V. Mashtakova, Candidate of Sciences (Philology)
 Scopus Author ID 57210803338
 WoS Researcher ID 20288-113838
 RSCI Author ID 1016227

*Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
 одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 28.08.2025
 The article was submitted on 02.03.2025;
 approved after reviewing on 25.08.2025; accepted for publication on 28.08.2025*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-117-126

«Записки художника» как форма литературной и живописной саморефлексии в романе Л. Ржевского «Дина»

Иван Иванович Назаренко

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Томск, Россия

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Аннотация

Исследуется сюжет письма в романе Л. Ржевского «Дина» (1979) как литературная и живописная саморефлексия героя, отраженная в его «Записках художника». Выявляются функции ведения записок: самопознание и познание другого, преодоление одиночества и движение к литературному творчеству, рефлексия собственных картин и замыслов (автоэкфрасисы). Показано, что в творческой коллизии героя наиболее значима главная, незавершенная картина – «Победительница» – выражение мирообраза, ощущения целостности мироздания. Нереализованность замыслов частично компенсируют записи, в которых зафиксированы разные варианты незаконченной картины. Делается вывод, что роман является выражением авторской эстетической позиции: утверждение реализма ХХ в., возвращающегося к духовной вертикали и осознающего бесконечность бытия, в котором человек не «победитель».

Ключевые слова

вторая волна русской эмиграции, Л. Ржевский, роман о художнике, литературная саморефлексия, экфрасис

Для цитирования

Назаренко И. И. «Записки художника» как форма литературной и живописной саморефлексии в романе Л. Ржевского «Дина» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 117–126.
DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-117-126

“Artist’s Notes” as a Form of Literary and Pictorial Self-Reflection in L. Rzhevsky’s Novel “Dina”

Ivan I. Nazarenko

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Nazarenko42@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9958-244X>

Abstract

Purpose. The article presents the results of a study on the plot of a letter in the novel by the writer of the second wave of Russian emigration L. Rzhevsky *Dina* (1979) as a literary and pictorial self-reflection of the hero. The study uses structural and intermedial analysis methods.

Results. A hypothesis is made about the author’s tasks in the novel: on the one hand, self-disclosure of the inner world of the artist, the bearer of a picturesque vision of the world, on the other hand, “estrangement” of literary creativity by the reflection of a writing amateur. The functions of keeping notes: self-knowledge and knowledge of another, overcoming loneliness and moving towards literary creativity, reflection of one’s own paintings and ideas (autoekphrasis).

© Назаренко И. И., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 117–126
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 117–126

It is shown that in the creative collision of the hero, the most significant is the main, unfinished picture – “The Winner” – an expression of the worldview, a sense of the integrity of the universe. The unrealized concepts are partially compensated by notes, in which different versions of the unfinished picture are recorded.

Conclusion. The novel is an expression of the author’s aesthetic position: the rejection of (post)modernism and socialist realism, which equally distort reality, and the affirmation of 20th century realism, which seeks a spiritual vertical and is aware of the complexity and infinity of the universe, in which man is neither the owner nor the “winner”.

Keywords

second wave of Russian emigration, L. Rzhevsky, novel about an artist, literary self-reflection, ekphrasis

For citation

Nazarenko I. I. “Artist’s Notes” as a Form of Literary and Pictorial Self-Reflection in L. Rzhevsky’s Novel “Dina”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 117–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-117-126

Леонид Ржевский (1903–1985), писатель и литературовед второй волны русской эмиграции, в поздних «эмигрантских» романах («Две строчки времени» (1976), «Дина» (1979), «Бунт подсолнечника» (1981)) исследует судьбу творческой личности в чужом национальном мире в ситуации девальвации культуры. В основе сюжетов «эмигрантских» романов Ржевского – попытка диалога двух поколений: второй волны и послевоенного поколения, входящего в пространство жизни. Традиционная реалистическая поэтика Ржевского в этих романах усложняется разными формами литературной саморефлексии: сюжетами письма, писательства и чтения, введением и рефлексией художественных текстов пишущих персонажей и др. Усложнение поэтики писателя мы объясняем не влиянием постмодернистской культурной ситуации, а, с одной стороны, влиянием на творчество его филологических исследований, с другой – интенцией литературы русской эмиграции, развивающейся в гетерогенной культуре, в отрыве от родной языковой среды, к самоописанию.

Роман «Дина» становился предметом научной рефлексии лишь в обзорной главке в диссертации А. А. Коновалова, представляющей комментирование романа и выявление отдельных его художественных особенностей (живописность повествования, фрагментарность композиции и др.) [Коновалов, 2000, с. 229–235], и упоминался в отдельных статьях в контексте творчества Ржевского [Агеносов, 2015].

Мы обратимся к роману «Дина» (подзаголовок «Записки художника»), который интересен не как новый этап отечественного романа о художнике, а как художественное высказывание о судьбе искусства в постклассической культуре и как освоение писателем второй волны русской эмиграции «метатекстовой» поэтики литературы второй половины XX в., т. е. прежде всего в контексте проблемы творческого развития Ржевского.

Для анализа записок героя как формы литературной и живописной саморефлексии важно выявить, во-первых, жанровую семантику записок, неопределенную, в отличие от близкого жанра дневника. Самое общее определение записок – жанр, «связанный с размышлениеми о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [Литературная энциклопедия..., 2001, стб. 277], «не имеющий четкой канонической формы, наиболее подвижный и способный вбирать в себя другие жанры», его единственное ограничение – «повествование от первого лица» [Скрипник, 2008, с. 15]. Записки отделяют от дневника: «Если определять дневник как подневные <...> записи, фиксирующие не ретроспективный, а процессуальный взгляд человека на себя и жизнь, не имеющие адресата <...>, то записи из этих признаков сохраняют прежде всего фрагментарность, персонализированность и процессуальность» [Савкина, 2013]. Выделяют такие черты записок: «автором их мог стать кто угодно»; «композиция повествования свободна», «особая художественность, которая выражает “беспорядок” современной жизни, допускает в сюжет случайное, хаотическое, “немотивированное”» [Захаров, 1985, с. 39–40].

Во-вторых, уточним наше понимание экфрасиса. В широком смысле это «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [Геллер, 2002, с. 13], перевод «с языка одной семиотической системы на язык другой» [Рубинс, 2003, с. 14]. Л. Геллер уточняет, что экфрасис – лишь «восприятие объекта и толкование кода», поэтому живописный экфрасис

«в первую очередь – запись последовательности движений глаз и зрительных впечатлений. Это иконический <...> образ не картины, а видения, постижения картины» [Геллер, 2002, с. 10]. Помимо этого, экфрасис является средством «обнажения приема» [Геллер, 2013, с. 58], саморефлексии искусства.

В «Дине» Ржевский отдает авторство романного текста Пьера, создателю «записок художника», что позволяет интерпретировать авторскую задачу, с одной стороны, как попытку раскрыть внутренний мир носителя живописного видения мира. С другой стороны, автор «остраняет» литературное творчество рефлексией пишущего дилетанта, показывая, как художник, прежде выражавший свое мировидение в пластических формах, пытается «перевести» их в формы словесного искусства.

Автоэпиграф романа обнажает авторский прием: объясняется выбор героя и субъекта повествования – художника Пьера: «Собравшись писать о Дине, я долго примеривался... <...> Не доверяя личным своим угадкам, я вкладывала ее историю в уста нашего друга Пьера, мастера не словесных, но живописных фигур, вписавшего ее, как будет видно дальше, в свою собственную судьбу» (Ржевский, 1979, с. 5) ¹. С одной стороны, это увеличивает дистанцию между автором и героем, «переводит» повествовательный вектор в неавтобиографическое русло» [Коновалов, 2000, с. 229]. Хотя Пьер близок другим героям эмигрантских романов Ржевского: это стареющий русский эмигрант второй волны, переживший сталинские репрессии и Великую Отечественную войну; «мостостроитель и постепеновец» (с. 6) в отношении к советской метрополии, сомневающаяся в своем таланте творческая личность. С другой стороны, автоэпиграф проявляет установку не на подлинность «человеческого документа», как у младоэмигрантов первой волны, а на литературную игру: «наш друг Пьер» – второстепенный персонаж «Двух строчек времени», предыдущего романа Ржевского, т. е. автор в автоэпиграфе обращается к *своему* читателю и объединяет свои романы в единый текст о русских эмигрантах.

Роман «Дина» – это роман о вымыщенном художнике, осваивающем искусство слова. В иерархической метатекстовой структуре романа сознание автора «завершает» фрагментарные тексты героя, преобразовывает их в романное целое. В «записках художника» сюжет письма, обрамляя сюжет реальности, перерастает в сюжет движения к литературному творчеству, вводит рефлексию собственных вербальных и визуальных текстов, рефлексию литературы и живописи как разных видов искусства. Записки Пьера не монологичны, воплощают его диалогическое сознание живописца, включают «голоса» и представления об искусстве разных персонажей (сестры Пьера Моб, критика и литературоведа Сергея Сергеича и др.).

По оценке Сергея Сергеича, Пьер – «физиологический бытовой очеркист в живописи», хотя в нем ему видится и «эмбрион романтизма» (с. 20). Моб выстроила миф о Пьере как «великом художнике», который рано или поздно напишет «необыкновенную картину» (с. 7). Творческая самооценка Пьера более скептическая: он осознает свои эпигонство, несовершенство и нереализованность: «ничего особенного в жизни не создал, никакой не достиг исключительности» (с. 121).

Объективно определить творческий метод Пьера сложно, поскольку прямо он не называет свои ориентиры в живописи и упоминаний художников в романе в целом не так много. Это русский иконописец А. Рублев и русские художники Серебряного века А. Бенуа и М. Добужинский, английский академист У. Хогарт, французские романтик Э. Делакруа, (пост)импрессионисты П. Сезанн и А. Матисс и фовист В. Ван Гог и др. Представляется, что более всего к внутреннему ориентиру Пьера близок Сезанн: во-первых, его имя упоминается чаще других (3 раза), во-вторых, дважды вводятся экфрасисы его картин: вид из окна своей студии Пьер соотносит с «Мостом на реке» Сезанна, а работая над своей главной картиной «Победительница», опирается на «Больших купальщиц». К вопросу о влиянии Сезанна на Пьера мы вернемся позже.

¹ Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

Роман делится на две части. Ключевая ситуация в первой части – встреча и сближение в Скандинавии творческих личностей двух разных поколений: 50-летнего Пьера и 25-летней Дины, сначала «отпущенки» из Советского Союза, в финале – невозвращенки. Дина для Пьера – воплощение исконной сущности России, реальности и ее динамики, которой лишены его спокойное существование в Скандинавии и его живописные «типажи». Во второй части Пьер с сестрой из-за страха перед советскими спецслужбами, осведомительницей которых Моб считает Дину, отправляются в новую эмиграцию, в США. Меняется и духовное состояние героя: внутренняя «катастрофа» без Дины и без живописи, в Америке, наполненной ненавистными герою шумом, суетой и скоростью.

Именно вхождение Дины в жизнь Пьера катализирует кризис его самоидентичности и живописного творчества и толкает к писанию текстов, записок, в которых можно закрепить свой личный опыт, процессуальность жизни и изменчивость Я и Другого в эмпирическом потоке, т. е. недоступное живописи, фиксирующей лишь «моменты», динамичные, но не «протяженные» мгновения жизни. Напомним: еще Г. Лессинг утверждал, что словесное и изобразительное искусства направлены на подражание природе, но если в живописи, «где все дается лишь одновременно, в сосуществовании, можно изобразить только один момент действия» [Лессинг, 1933, с. 111], то поэзия передает «закономерность явления в его развитии, в его незавершенном состоянии» [Там же, с. 21].

Дина – героиня не только портретов Пьера, в том числе «Победительницы», его главной картины, но и его записок. Она глубока и изменчива, как сама реальность, и именно записки, а не картины, становятся наиболее адекватной формой ее познания. Неслучайно Пьер подчеркивает не тождество, а различие литературы и живописи, оспаривая афоризм Симонида Кеосского: «Живопись – это немая поэзия; поэзия – говорящая живопись» (с. 33–34). Записки позволяют приблизиться к пониманию *реальной* женщины, столкнув разные образы Дины: субъективные образы в записках, на картинах и в их замыслах и представления о ней других персонажей. Кроме того, записки для Пьера становятся способом разгадывания не только другого, как в портретной живописи, но и себя, рефлексией изменения отношения к жизни и к миру.

Обращение к запискам выявляет одиночество и непонимание Пьера в среде русских эмигрантов, живущих в культурных и политических мифах и закрытых от большого мира. Записки – это реализация потребности в диалоге, и размышления героя о возможном адресате в первой части романа («У кого для чужих пережитостей и раздумий есть время, тот это, может быть, и перелистнет. Нет – пусть тут же отложит в сторону» (с. 48)) во второй части оформляются в образ «читателя записок моих» (с. 162). В хроникальной ситуации наррации постоянны сомнения в возможности овладеть искусством слова, утверждения, что его «живописный язык» разнообразнее, «богаче языка слов» (с. 33).

Герой-нarrатор задается вопросами, как выстраивать композицию и вводить персонажей, как фиксировать персональный опыт, если, будучи живописцем, всегда изображал другого. Последнее для него особенно важно: как познать себя, посмотреть на себя «глазами другого» в словесном тексте? Пьер использует шаблонный прием «перед зеркалом», в котором Я видит себя глазами Другого. Кризис самоидентичности героя связан с нежеланием принимать старение как бесследное исчезновение из бытия: «В зеркальном простенке между двумя витринами – понощенная личность <...> личность отворачивается, чтобы не видеть лишний раз своего отражения в зеркале» (с. 60).

Записки Пьера не автобиография, поскольку не выстраивают сюжет его жизни как целого, а фиксируют лишь ее экзистенциально значимый отрезок. Пьер, с одной стороны, подчеркивает, что его тексты «не роман, но полудневник-полухроника. Сорок бочек пережитого и несколько горстей раздумий» (с. 48). С другой стороны, сюжет письма включает ситуацию перечитывания и переписывания записок, отбора, выстраивания композиции, а не только фиксирование «нагромождения неожиданностей, совпадений, смуты душевной» (с. 48), т. е. частное письмо героя приближается к творческому. Стремление к литературной форме объ-

ясняется приверженностью к композиции в живописи. Литературная саморефлексия героя создает мистификацию, что он, а не автор выстраивает записки как художественное произведение, причем Пьер воспринимает его как повесть, распадающуюся по причине неумения выстроить сюжет, который «утекает, как вода из пригоршни, остаются лишь разрозненные события-пустяки» (с. 89).

Важный собеседник Пьера, ищущего форму и стратегию письма, – авторитетный Сергей Сергеич. В романе это носитель скептической оценки современной культуры, в том числе русской литературы в эмиграции, как преимущественно графомании, вырастающей из иллюзии исключительности и негативного жизненного опыта автора. Старая эмиграция, по его мнению, нетерпимая к новому, законсервировалась в дореволюционной культурной эпохе. Литература новой эмиграции, обращенная не к читателю, а к критикам, в стремлении к преодолению формы утратила и смыслы. В первоначальном совете Сергея Сергеича – писать не записки, а комментарии к собственным картинам – Пьер обнаруживает творческий принцип: фрагментарность, фиксирование эпизодов из своей внешней и внутренней жизни без обобщений и внешних сцеплений.

С другой стороны, Сергей Сергеич – носитель памяти жанра, содергательности формы классического романа, стремившегося к широкому охвату действительности, к созданию образа «всеобщей связи явлений»; другой его совет Пьери – не распыляться в записках «по закоулочкам главной темы»: «куда движется Великая Русь – к возрождению духа или в дальнейшее безблагодатное ничто?» (с. 113). Пьер же не способен создать роман, выражающий его целостное видение мира, и пишет лишь повесть о «закоулочках» собственной души. Возникает противоречие между «повестью» героя и авторским определением «Дины» как романа, но именно в диалоге автора и героя-нarrатора, в композиции сюжета, в интертекстуальном плане рождается романное сознание незавершности человека и мира. Неудавшуюся, по признанию героя, повесть авторское сознание выводит к романному мирообразу.

Ведение записок не заменяет герою живопись, а дополняет ее, помогает ее рефлексировать, воспроизводит мышление живописца, воспринимающего мир в его тонких цветовых оттенках. Действительность и людей он воспринимает с точки зрения того, как их можно написать, какие цвета, техники и материалы использовать. Реальные пейзажи вызывают у героя аллюзии к картинам (например, американский провинциальный пейзаж – к картинам Мане Каца и др.). Записки позволяют ввести в роман экфрасисы чужих и собственных картин.

Сюжет творчества в романе включает и ситуации работы героя над живописными произведениями, и их авторефлексию. Проблема экфрасиса в «Дине» связана, во-первых, с тем, что сюжетно значимы немиметические автоэкфрасисы, т. е. описания картин Пьера им самим и другими персонажами. Л. Геллер считает: «Вымыщленные картины надо придумать – часто такой вымысел подчиняется либо нарративной, либо топической, но не живописной логике» [Геллер, 2002, с. 9]. Во-вторых, поскольку герой переживает творческий кризис как живописец, чаще даны описания не завершенных им картин, а его набросков или замыслов, но представляется, что, воплощенные вербально, они тоже могут быть восприняты как экфрасисы.

Среди упоминаемых в романе живописных произведений Пьера наиболее важны его портреты Дины, фиксирующие и стремление разгадать ее, и изменения в восприятии женщины и живописной манере героя.

Первый автоэкфрасис приводит описание наброска лица Дины после первой встречи с ней героя, в котором угадывается ее главное свойство – скрытая энергия, вызов миру: «широко разведенны брови над зеленоватыми миндалинами глаз и тонкие ноздречки, надувающиеся порой, как микропаруса; в них – сдерживаемый до времени вызов» (с. 10). Второй портрет – «Рисовальщица» – изображает Дину, временно ставшую ученицей Пьера: «с кистью в руке перед огромным фарфоровым блюдом в цветной путанице разводов и клякс» (с. 22). С одной стороны, картина типична для героя: в ней нет движения. С другой – персонажи замечают

изменение живописной манеры героя в изображении женщины – не прежние гротеск и иронию, а красоту, свидетельствующую об особом отношении к Дине.

Третий, незавершенный портрет Дины – «Победительница». Ржевский исследует весь процесс работы художника над картиной – от возникновения идеи будущего полотна до попыток ее воплощения, переписывания, поиска новых вариантов. Творческий импульс для создания картины – победа Дины в соревновании по прыжкам в бассейн с вышки – триумф молодости и воли над жизнью: «...она смущена. Но в зелени глаз – и это тоже для меня вновь – что-то победительное; также и в поставе головы, и в том, как вздрагивают не в такт дыханию маленькие ноздри. Мне вдруг хочется написать ее такой» (с. 54–55).

Размышления Пьера над картиной доказывают наблюдение Сергея Сергеича о его романтической интенции к духовной вертикали: это должен быть не бытовой портрет, а выражение мирообраза героя-художника. Ключевым элементом композиции Пьер видит спираль как романтический символ бесконечности:

Я вижу ее на зеленоватом кафеле бассейна. Барьер, на котором она сидит, идет спиралью вверх. Непременно спиралью: спираль должна быть душою всей композиции. Невидимо, но ощутимо (как – это я должен еще решить) низится на эту спираль кольца и круги на воде, сплющенные, пересекающиеся, рваные, взлетающие к самому небу, голубые, оранжевые и фиолетовые... Все это – в тоже незримом кружении, словно взбитом гигантской мешалкой. И посреди этого кружения – счастливый и победительный покой маленького, хрупкого тела (с. 55–56).

Во всех вариантах «Победительницы» Пьер пытается выразить то, что невозможно выразить во фрагментарных записках – устремленность к небу и ощущение целостности мироздания, центром которого остается человек при понимании его малости и хрупкости.

Творческая коллизия героя при работе над «Победительницей» – невозможность соединить и выразить в картине «гармонию стремительности и торжествующего покоя» (с. 63). В поисках формы он как к образцам обращается к творчеству других художников:

Это – полярности, вроде, скажем, структурного треугольника «Купальщицы» Сезанна, где все стремится вверх, будто поддотое ветром, и стылых парабол Рублева. Мне маячила «beautiful line» Хогарта – нечто вроде вытянутого латинского 'S', дающее основополагающую вертикаль, но вышку пришлось убрать за троизм – победительность молодости, здоровья, воли и обаяния требовали другого воплощения (с. 63–64).

Упомянутые Пьером «Купальщицы» и их экфрастическое описание отсылают к серии картин Сезанна, начатой им в середине 1870-х гг., к «Большим купальщицам» (1898–1906), в основе композиции которых треугольник, образованный рекой и склоненными стволами деревьев, а большую часть картины занимает небо. Творческая история незавершенной «Победительницы» близка к «Большим купальщицам» – незавершенной картине Сезанна, которую он неоднократно переписывал. «Купальщицы», несмотря на внешнюю статику, наполнены динамикой и движением, которые ищет Пьер, композиция картины выражает единство человека и природы, к пониманию чего герой придет в другом варианте картины.

Обращение к параболическим линиям Рублева проявляет почти сакральное отношение Пьера к создаваемой картине. «Прекрасная линия», о которой упоминает Пьер, – это исследованная У. Хогартом в трактате «Анализ красоты» (1753) «S-образная» («змеевидная») линия, по его словам, воплощение тайны искусства, сочетание единства и многообразия, «потому что величайшее очарование и жизнь, какие только может иметь картина – это передача Движения» [Хогарт, 1987, с. 32]. В позах «Купальщиц» Сезанна нет «линий красоты», поэтому в стремлении соединить покой и движение Пьер обращается к поиску «s-образной» линии.

Работу над «Победительницей» прерывают новая эмиграция героя, утрата Дины и привычного уклада в Скандинавии; жизнь в динамичной Америке не наполняет его живопись движением, а, напротив, приводит к творческому кризису. Строгая симметрия городских улиц США напоминает герою кладбище. Завершение «Победительницы» невозможно для Пьера, потому что для творческой работы ему, в отличие от Сезанна при работе над «Ку-

пальщицами» [Перрюшо, 1966, с. 201], нужен контакт с реальностью, с Диной, которую не подменишь воображением.

Мучительная сосредоточенность героя на картине прорывается в его подсознание, заставляет переводить живописный код в иные коды. В одном из снов Пьер занимается созданием скульптуры – памятника, изображающего «Победительницу» на братской могиле «друзей и близких» героя, «погибших в войну или замученных» (с. 115):

Модель все увеличивается по ходу работы – и вот я делаю статую уже в натуральный рост, сидящую на скалистом цоколе, как Лорелея. Потом долго и мучительно бьюсь над одним поворотом шеи и плеч, отраженным во всей композиции (с. 117).

Сон – это проявление внутреннего кризиса героя: с одной стороны, его любовь к осведомительнице КГБ – предательство памяти жертв террора и войны, с другой – их гибель будто компенсируется историческими изменениями Советской России, рождением нового поколения Дины, не причастного к кровавому прошлому. Герой сопоставляет Дину с Лорелей, нимфой, увлекающей своим пением корабли на скалы, т. е. во сне он склоняется к идее гибельности любви к Дине (поэтому и во сне не заканчивает скульптуру, и в настоящем не может ее повторить).

Открытие природного мира провинциальной Америки примиряет Пьера с этим континентом и возвращает к живописи (пытается написать осенний пейзаж). На замысел влияет и полученное от Дины письмо: прежде воспринимавшая европейцев как бездушных «саламандр», она примиряется с западным миром, признает себя «побежденной». Новый вариант «Победительницы»:

Это пиршество цвета немыслимо передать, разве только – впечатление! <...> повторить в новой композиции тот сплав почти мистического движения и покоя, который, кажется, я когда-то нашел и который теперь нужно бы мне найти по-другому – в этой вот взлетающей к небу россыпи красок и недвижности камня, на котором легкая глыбка человеческого тела сквозила бы как коралл... (с. 138).

Важно признание невозможности передать на картине изменчивость и многокрасочность бытия, только выразить с помощью цвета *впечатление* (тяга к импрессионизму). Теперь Пьер хотел бы поместить «победительницу» в природное пространство, но не в центр композиции: в этом проявляется движение героя-художника к новому, не антропоцентрическому миропониманию: бесконечность бытия, в котором человек не «победитель», а не более чем элемент пейзажа, но при этом «глыбка». Можно увидеть приближение Пьера и к постимпрессионизму Сезанна, для которого человек в эпической шире мира – лишь сгусток материи, как и всё окружающее его, и одновременно «самая прочная точка опоры» [Перрюшо, 1966, с. 357].

Новый замысел и невозможность его воплощения лишь усиливают творческий кризис героя. Тем не менее размышления над «Победительницей» помогают ему сформулировать эстетическую позицию, которую можно воспринимать как выражение авторской позиции. Пьер отвергает модернизм как «искусство расколотого атома» (с. 91), разрушение целостных образов мира и человека, как формотворчество, уход от реальности в мир сознания. Поп-арт как позднейший вариант модернизма (постмодернизм), эстетизирующий вещный мир и ориентированный на человека-потребителя, создает лишь «анатомический театр», где мир разъят, а человеческий дух умерщвлен. Поэтому для героя «модернизм в своей бездуховности такое же антиискусство, как и социалистический реализм с его запретительной тенденцией» (с. 141), разрушающий свободу творца и искажающий реальность и правду жизни. Подлинное искусство, как замечает Сергей Сергеич, не копирование реальности, как «современная советская литература», «насквозь реалистическая и потому антихудожественная»; оно невозможно без «возвышающего обмана», «поправки на что-то дополнительное и неизъяснимое словом» (с. 158), видимое творцом сквозь эмпирический поток. Романтизм для Пьера – это скорее интенция к преодолению модернистского мирообраза, внутреннее движение к вертикали и стремление выразить скрытое единство бытия; в целом же он остается реалистом, эстетически утверждая первичность и сложность реальности.

Обретенная героем позиция подтверждается лишь созданием рисунка медсестры из больницы, где он оказался после автокатастрофы: «этюд с кореянки делаю я пастелью – безбожно было бы передавать углем эти оливки глаз, этот великолепного тепла колер кожи» (с. 147). Пьер не становится писателем, но остается художником, «позвыв рисовать» приходит раньше выздоровления и будто возвращает витальные силы. Герой смог обнаружить и запечатлеть красоту в повседневности, подтвердив обладание талантом, но преодолеть материал и дистанцироваться от мучительной и ускользающей реальности при работе над картиной о любимой не смог. Эротическое разрушило эстетическое отношение, и наблюдения героя о Дине в последней главе романа свидетельствуют об отказе от создания большого полотна – остается лишь стремление сохранить память о Дине: «глаза стали больше, кожа прозрачней, и теперь я писал бы ее только акварелью, может быть – в медальон» (с. 152). Предполагаемая техника – акварель – это желание зафиксировать во внешних изменениях внутреннюю трансформацию Дины. Благодаря страданиям (потеря ребенка), общению с русскими эмигрантами, входению в высокую культуру и постепенному отбрасыванию советских идеологических штампов героиня проходит путь от советской женщины, осведомительницы КГБ, к женщине русской, духовной, к поиску (но не обретению) новой сверхличностной опоры в Боге.

Незавершенность Пьером «Победительницы», несмотря на возвращение к живописи, – это невозможность до конца разгадать женщину, которая у Ржевского остается тайной, и невозможность героя овладеть реальной Диной, несмотря на разрушение внешних препятствий: в finale, по-романному открытом, изображено примирение героев, но не соединение, а новое расставание. Незавершенность картины – это и невозможность выразить в пластической форме единство с миром, и приближение к Богу, которые герой на мгновение ощутил благодаря любви. Однако нереализованность живописных замыслов частично компенсируют записи, в которых зафиксированы разные варианты незаконченной картины, разные варианты приближения к пониманию бесконечности мироздания.

Итак, роман Л. Ржевского «Дина» представляет собой сложное взаимодействие вербального и визуального в художественном целом: «записки художника», овладевающего искусством слова, рефлексирующего процесс порождения текстов и создания картин, возмещающего в слове невоплотимость живописных замыслов. «Дина» – роман о судьбе искусства в постклассической культуре и выражение авторской эстетической позиции путем осмысливания другого, изобразительного вида искусства: отвержение (пост)модернизма и социалистического реализма, равно искажающих реальность, и утверждение реализма XX в., возвращающегося к духовной вертикали и осознавшего сложность и бесконечность бытия, в котором человек – не хозяин и не «победитель», а «коралл».

Список литературы

- Агеносов В. В.** «Показавшему нам свет...»: Леонид Ржевский (Суражевский) // Вестник РАЕН. 2015. Т. 15, № 4. С. 104–110.
- Геллер Л.** Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М.: «МИК», 2002. С. 5–22.
- Геллер Л.** Экфрасис, или Обнажение приема. Несколько вопросов и тезис // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы презентации визуального в художественном тексте: Сб. ст. М.: НЛО, 2013. С. 44–60.
- Захаров В. Н.** Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 1985. 209 с.
- Коновалов А. А.** Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 329 с.
- Лессинг Г. Э.** Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: ИЗОГИЗ, 1933. 204 с.

- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
- Перрюшо А.** Сезанн. М.: Молодая гвардия, 1966. 368 с.
- Рубинс М.** «Пластическая радость красоты»: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Академический проект, 2003. 357 с.
- Савкина И. Л.** Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра // Вопросы литературы. 2013. № 1. URL: <https://voplit.ru/article/zapiski-kak-depersonalizirovannyj-dnevnik-dokumentalno-hudozhestvennyj-potentsial-zhanra/> (дата обращения 16.01.2025).
- Скрипник А. В.** Специфика жанра «Записок» в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя и «Сильфиде» В. Ф. Одоевского // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 306. С. 15–17.
- Хогарт У.** Анализ красоты. Л.: Искусство, 1987. 254 с.

Список источников

Ржевский Л. Д. Дина (Записки художника): Роман. Нью-Йорк, 1979. 167 с.

References

- Agenosov V. V.** “Pokazavshemu nam svet...”: Leonid Rzhevsky (Surazhevsky) [“To the One Who Showed Us the Light...”: Leonid Rzhevsky (Surazhevsky)]. *Vestnik RAEN [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences]*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 104–110. (in Russ.)
- Geller L.** Ehkfrasis, ili Obnazhenie priema. Neskol’ko voprosov i tezis [The Resurrection of a Concept, or A Word on Ekphrasis. Several Questions and a Thesis] In: “Nevyrazimo vyrazimoe”: ehkfrasis i problemy reprezentatsii vizual’nogo v khudozhestvennom tekste [“The Inexpressibly Expressible”: Ekphrasis and Problems of Representation of the Visual in a Fiction Text]. Collection of Articles. Moscow, NLO Publ., 2013, pp. 44–60. (in Russ.)
- Geller L.** Voskreshenie ponyatiya, ili Slovo ob ehkfrasise [The Resurrection of a Concept or a Word on Ekphrasis]. In: Ehkfrasis v russkoi literature: trudy Lozannskogo simpoziuma [Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 5–22. (in Russ.)
- Khogart U.** Analiz krasoty [The Analysis of Beauty]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1987, 254 p. (in Russ.)
- Konovalov A. A.** Tvorcheskii put’ L. D. Rzhevskogo (Surazhevskogo) [The Creative Path of L. D. Rzhevsky (Surazhevsky)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 329 p. (in Russ.)
- Lessing G. E.** Laokoon, ili O granitsakh zhivopisi i poezii [Laocoön, or On the Limits of Painting and Poetry]. Moscow, IZOGLIZ Publ., 1933, 204 p. (in Russ.)
- Nikolyukin A. N. (ed.)**. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1600 p. (in Russ.)
- Perruchot A.** Sezann [Cezanne]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1966, 368 p. (in Russ.)
- Rubins M.** “Plasticheskaya radost’ krasoty”: Ekfrasis v tворчестве akmeistov i evropeiskaya traditsiya [“The Plastic Joy of Beauty”: Ekphrasis in the Works of Acmeists and the European Tradition]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003, 357 p. (in Russ.)
- Savkina I. L.** Zapiski kak “depersonalizirovannyi dnevnik”: dokumental’no-khudozhestvennyi potentsial zhanra [Notes as a “Depersonalized Diary”: The Documentary and Artistic Potential of the Genre]. *Voprosy literatury [Questions of Literature]*, 2013, no. 1. (in Russ.) URL: <https://voplit.ru/article/zapiski-kak-depersonalizirovannyj-dnevnik-dokumentalno-hudozhestvennyj-potentsial-zhanra/> (accessed 16.01.2025).
- Skripnik A. V.** Spetsifika zhanra “Zapisok” v “Zapiskakh sumasshedshego” N. V. Gogolya i “Sil’fide” V. F. Odoevskogo [The Specifics of the “Notes” Genre in N. V. Gogol’s “Diary of

- a Madman" and V. F. Odoevsky's "Sylphide"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2008. no. 306, pp. 15–17. (in Russ.)
- Zakharov V. N.** Sistema zhanrov Dostoevskogo (tipologiya i poetika) [The System of Dostoevsky's Genres (Typology and Poetics)]. Leningrad, LSU Press, 1985, 209 p. (in Russ.)

List of Sources

- Rzhevsky L. D.** Dina (Zapiski khudozhnika) [Dina (Painter's Notes)]. New York, 1979, 167 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Иван Иванович Назаренко, кандидат филологических наук
RSCI Author ID 1208794
SPIN 2480-1398

Information about the Author

Ivan I. Nazarenko, Candidate of Sciences (Philology)
RSCI Author ID 1208794
SPIN 2480-1398

*Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.06.2025; принята к публикации 16.06.2025*
*The article was submitted on 20.01.2025;
approved after reviewing on 12.06.2025; accepted for publication on 16.06.2025*

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-127-137

Дискурсная структура наррации в романах Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» и «Generation “П”»

Алексей Игоревич Силантьев

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Аннотация

Дискурсная структура наррации в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» включает: а) нарративную речь героя (конкретного нарратора) с элементами речи потенциального абстрактного нарратора; б) образ советского (послереволюционного) дискурса, раскрытый в диегезисе первичного нарратива; в) постсоветский дискурс, с которым сопряжена идеологически принятая и поэтически выстроенная автором нарративная стратегия деконструкции советского; г) разоблачающую металозицию автора. Центральное положение в структуре наррации в романе «Generation “П”» занимает речь абстрактного нарратора. Постсоветский дискурс в романе двунаправлен – во-первых, на фрагменты советского как в плане диегезиса, так и в плане языка, во-вторых, на диегетический и языковой мир постсоветского как такового. Постсоветский дискурс в романах Пелевина не только деконструирует диегетический мир и дискурс советского, но также критически оценивает сам себя, и за этим стоит моральная и аналитическая позиция автора.

Ключевые слова

Виктор Пелевин, «Чапаев и Пустота», «Generation “П”», наррация, постсоветский дискурс

Для цитирования

Силантьев А. И. Дискурсная структура наррации в романах Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» и «Generation “П”» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 127–137. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-127-137

The Discourse Structure of Narration in Victor Pelevin’s Novels “Chapaev and Pustota” and “Generation P”

Aleksey I. Silantev

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

as14100@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6263-512X>

Abstract

Purpose. To analyze the discursive structure of narration in the novels by Viktor Pelevin “Chapaev and Pustota” and “Generation P”.

© Силантьев А. И., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 127–137
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 127–137

Results. The discursive structure of narration in the novel “Chapaev and Pustota” includes the following levels: the narrative speech of the hero (a concrete narrator) with elements of speech of a potential abstract narrator; the image of the Soviet (Soviet-era) discourse, revealed in the diegesis of the primary narrative; post-Soviet discourse, which is associated with the narrative strategy of deconstructing the Soviet in the novel; and the revealing meta-position of the author. The central position in the narrative structure revealed in the novel “Generation P” is occupied by the speech of the abstract narrator. The Soviet discourse here is not self-sufficient, but is presented as an image of discourse. This is explained by an epochal shift: this discourse is in the stage of irreversible disintegration, and the author, when constructing the text of the novel, works with its residual fragments. The post-Soviet discourse itself is expressed both in the speech of the characters and in the speech of the abstract narrator, in the structure of which direct authorial inclusions of moral assessment are visible. At the same time, the post-Soviet discourse in the novel “Generation P” is bi-directional – focusing firstly, on fragments of the Soviet, discourses (both diegetically and linguistically), and secondly, on the diegetic and linguistic world of the post-Soviet period.

Conclusion. The post-Soviet discourse in Victor Pelevin’s novels not only deconstructs the diegetic world and discourse of the Soviet, but also critically evaluates itself, and behind this lies both the moral and analytical position of the author.

Keywords

Victor Pelevin, “Chapaev and Pustota”, “Generation P”, narration, post-Soviet discourse

For citation

Silantev A. I. The Discourse Structure of Narration in Victor Pelevin’s Novels “Chapaev and Pustota” and “Generation P”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 127–137. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-127-137

Закономерный вопрос, возникающий при чтении романа «Чапаев и Пустота», касается отношения сюжетов героя как пациента психбольницы и как участника гражданской войны. «Кажется, что Пелевину совершенно не важно, которая из “реальностей” Петра настоящая, – пишет Г. В. Емельянова, – и поиск единственно правильного ответа на этот вопрос он оставляет читателю» [Емельянова, 2012, с. 107]¹. В первом сюжете в первичности психической болезни героя (и вторичности сюжета Гражданской войны как шизофренического бреда) его убеждает психиатр Тимур Тимурович. Во втором сюжете командир Петра Пустоты Чапаев уверяет героя в том, что психбольница ему снится, и советует герою вести максимально подробные записи о его жизни в военных реалиях. Эти же записи Тимур Тимурович трактует как характерный пример письменных практик шизофреников. В целом для читателя перемежающиеся картины романа предстают как сложная игра самоотражения сознания Петра Пустоты:

– Простите, не понял, – сказал я, – что, мое воспаленное сознание порождает кошмар, или само сознание является порождением кошмара?
– Это одно и то же, – махнул рукой Чапаев. – Все эти построения нужны только для того, чтобы избавиться от них навсегда. Где бы ты ни оказался, живи по законам того мира, в который ты попал, и используй сами эти законы, чтобы освободиться от них. Выписывайся из больницы, Петька (с. 338)².

Выйти из этого замкнутого круга можно, если перевести вопрос в плоскость дискурсного анализа. Самоотражение – это нормальное функциональное состояние дискурса, который отражает себя в различных текстах и только таким образом воспроизводит себя и развивает. С этой точки зрения Петр Пустота – это не антропоморфный герой, а дискурсивный, или, точнее, дискурсоморфный. Это значит, что в позиции героя романа находится сам дискурс, принимающий различные текстовые воплощения, что в целом, конечно, отвечает постмодер-

¹ См. также: «В своих произведениях Пелевин с легкостью создает одну, другую, третью картины мира, которые пересекаются, накладываются друг на друга. Герои, такие как, например, Петр Пустота, существуют сразу в нескольких мирах» [Чебоненко, 2011, с. 167]. Ср.: «У В. О. Пелевина идеальный герой – это герой *вне солипсизма*, то есть такой герой, который осознает иллюзорность как собственного индивидуального сознания, так и окружающего мира (примером тому служит образ Петьки, который в какой-то момент понимает, что Чапаев – это его вымысел и все с ним происходящее – это вымысел, реальность – это та лечебница, в которой он находится, но даже она нереальна, так как мир устроил некий Котовский)» [Комовская, 2014, с. 93].

² Здесь и далее текст цитируется по изданию (Пелевин, 2019) с указанием страниц в круглых скобках.

нистской стратегии поэтики романа. При этом поскольку дискурс романа по определению самого жанра не может быть изолирующим, но, напротив, является синтезирующим, то закономерным следствием доминирования и protagonирования романного дискурса в «Чапаеве и Пустоте» становится явление совмещения и взаимодействия дискурсов. В рамках такого подхода становится понятным и художественный статус других персонажей романа – это не более чем воплощения или «действующие лица» различных дискурсов, их репрезентанты, разряженные в мифофантастические одежды реплик, развернутых высказываний и сознаний как таковых – в сюжете Гражданской войны это Чапаев, Юнгерн, Анка, Котовский и др.³, в сюжете психиатрической больницы – Тимур Тимурович и собратья Петра по палате. При этом своеобразными медиаторами между двумя сюжетами выступают гротескные матросы-санитары Жербунов и Барболин.

Ключевая особенность романа заключается в том, что дискурс, обретающий изначальные формы в первичной нарративной речи героя, в своих сюжетных самоотражениях эмансируется и становится дискурсом романа как такового, в наррации которого сам герой нередко растворяется, исчезает, и позиция конкретного нарратора объективно замещается позицией нарратора абстрактного. Эмансирированный от первичного нарратора и генерализованный дискурс в своем интенциональном и тематическом спектре может быть квалифицирован, в частности, как постсоветский дискурс. Подчеркнем при этом, что постсоветский дискурс у Пелевина, в отличие от «Палисандрии» Саши Соколова [Силантьев, 2025], не является гла-венствующим, встраиваясь в конструируемое автором сплетение и смешение дискурсов.

Но есть ли вообще такая точка в тексте, в которой взаимоотражение дискурсов в романе приходит к нулю и, соответственно, к абсолюту? Ответим на этот вопрос утвердительно: это сам Петр, который Пустота, в буддийском смысле данного термина⁴. В пустоте, в нуле заключается абсолют и закономерная остановка дискурса. Более того, пустота объявляется в романе не только коммуникативным, но и эстетическим абсолютом, одновременно являющимся абсолютом сознания: по утверждению Чапаева, «любая форма – это пустота», а «пустота – это любая форма» (с. 384). При этом в абсолютной точке нуля (пустоты = Пустоты) происходит уравнивание диегетических миров романа:

...я, именно я, стоявший рядом с этим непонятным человеком (да и человеком ли?), и был той возможностью, тем единственным способом, которым все эти психбольницы и гражданские войны приходили в мир (с. 279).

Таким образом, пустота, становящаяся в романном дискурсе, в итоге «материализуется» в измерении поэтики произведения и становится его ключевым сюжетогенным мотивом [Сейдашова, 2017].

В целом дискурсная структура наррации в романе включает следующие уровни и составляющие: а) нарративную речь героя (речь первичного, или конкретного нарратора) с элементами речи потенциального абстрактного нарратора; б) образ советского (послереволюционного) дискурса, раскрытым в диегезисе первичного нарратива; в) постсоветский дискурс, внедряющийся в первичный нарратив и наделенный волею автора всеми существенными свойствами и инструментами – иронией, сарказмом, деконструкцией и др.; г) сквозящую в первичном нарративе героя разоблачающую метапозицию автора.

Стилистика первичного нарратива в изобразительном плане точна и взвешена, и тому есть прямая мотивировка: Петр Пустота в аспекте сюжета Гражданской войны выступает в качестве опытного литератора – известного поэта-декадента. Однако наррация не менее точна и в соотнесенном сюжете психиатрической больницы, в котором Петр является не писателем, а несчастным пациентом, угнетенным шизофреническими состояниями, – хотя, казалось бы, качество нарративной речи и сама структура ее фокализации должны деградировать. Объяс-

³ Ср.: «В «Чапаеве и Пустоте» сам Чапаев, Котовский и Черный Барон имеют косвенное отношение к человеческому роду» [Сорокина, 2010, с. 183].

⁴ О буддийских смыслах и аллюзиях в романе см.: [Чебоненко, 2011; Попковский, 2014].

нение заключается в том, что первичная нарратория в романе на самом деле проникнута возможной речью абстрактного нарратора, которая волею автора не ограничена персонажными форматами фокализации и стилевых аспектов. Именно этим неявным синтезом объясняется богатая стилистика первичной нарратории романа и расширенная фокализация, очевидно не укладывающаяся в объем точки зрения персонажа, особенно в его больничном бытии.

Нarrативная речь героя-повествователя характеризуется интенцией эмоционально умеренного объективизирующего разоблачения раннесоветского (послереволюционного) мира в его романном диегезисе:

Бронзовый Пушкин казался чуть печальней, чем обычно – оттого, наверно, что на груди у него висел красный фартук с надписью: «Да здравствует первая годовщина Революции». Но никакого желания иронизировать по поводу того, что здравствовать предлагалось годовщине, а революция была написана через «ять», у меня не было – за последнее время я имел много возможностей разглядеть демонический лик, который прятался за всеми этими короткими нелепицами на красном (с. 11).

Вместе с тем развертывание фокализации в речи первичного нарратора может быть намеренно противоречивым, оксюморонным, и в этом также ощущается присутствие авторского конструирующего начала:

Подхватив фон Эрнена под руки, я поволок его по коридору <...>, но замер в дверях. Несмотря на разгром и запустение, здесь еще видны были следы прежней, озаренной довоенным светом жизни. Это была бывшая детская – у стены стояли две маленькие кровати с легкими бамбуковыми ограждениями, а на стене углем были нарисованы лошадь и усатое лицо (отчего-то я подумал о декабристах). На полу лежал красный резиновый мяч – увидев его, я сразу закрыл дверь и потащил фон Эрнена дальше (с. 23).

В целом раннесоветское в диегетическом мире романа волею автора не ограничено только объективной стороной – в повествовании явлен образ самого дискурса раннесоветского.

Этот дискурсный образ в диегезисе романа реализуется в первую очередь в речи Чапаева, временами тонко стилизованной автором под его канонический образ хитрого простака и правдоруба. Стилизация раннесоветского дискурса развертывается, в частности, в сцене с луковицами, легко пародирующей соответствующий эпизод известного советского кинофильма, а в финальных сценах романа подвергающейся, в свою очередь, пародии – но уже резкой, вплоть до полной анекдотизации хрестоматийной истории про картофелины Чапаева.

Собственно постсоветский дискурс, в отличие от раннесоветского, формируется не в диегетическом мире романа как целостный образ, но, напротив, извне, в пространстве авторской творческой ауры. Он строится на идеологически принятой и поэтически выстроенной автором нарративной стратегии деконструкции советского в романе и воздействует на нарративную речь героя и ее диегезис посредством иронии, сарказма, пародии и стратегии деконструкции в целом.

При этом данный дискурс в романе «Чапаев и Пустота», в соответствии с общей риторической конструкцией произведения, выступает как арена собственных отражений, на что мы указывали выше в связи с особенностями сюжетного строения романа и ментальных состояний его героя.

Чапаев так наставляет героя:

...если ты поймешь, что абсолютно всё, происходящее с тобой – это просто сон, тогда будет совершенно неважно, что тебе приснится (с. 262).

Череда вложенных друг в друга снов – это в то же время и формула дискурса с чередой вложенных друга в друга текстов, и подспудно перед читателем возникает ключевой вопрос: можно ли прийти к первотексту и вырваться из власти дискурса, или же, согласно известной формуле, цель – ничто, а движение – все? Для нашего ракурса важно то, что в романе постсоветский дискурс постоянно отражает в себе себя, захватывая при этом, выбирая фрагменты советского дискурса и советского (в том числе постсоветского) мира, отражая их

в ироническом, саркастическом, фантасмагорическом свете. В итоге постсоветский дискурс в своих диегетических отражениях деконструирует сам себя (в частности, в варианте рекламных текстов):

...на крышах знакомых домов <...> зажигались огромные электрические надписи на каком-то диком волапюке – «SAMSUNG», «OCA-CO A», «OLBI» (с. 403).

В рамках общей деконструирующей стратегии постсоветского дискурса, непосредственно сопряженного с авторским началом произведения, образы дискурсов диегетического мира послереволюционного (или раннесоветского) в рамках первичной наррации Петра Пустоты оказываются расщепленными, подверженными ироническому смешению речестилевых манер.

Крайне примечателен в этом отношении псевдонародный язык, на котором Чапаев обращается к солдатам:

Только бы дело свое не посрамить – то-то оно, дело-то!.. Как есть одному без другого никак не устоять... А ежели у вас кисель пойдет – какая она будет война?.. Надо, значит, идти – вот и весь сказ, такая моя командирская зарука⁵... (с. 101).

На вопрос Петра о том, что же такое «зарука», комдив отвечает вполне в духе ключевого правила ритора агональной коммуникации⁶:

...когда приходится говорить с массой, совершенно неважно, понимаешь ли сам произносимые слова. Важно, чтобы их понимали другие. Нужно просто отразить ожидания толпы (с. 103–104).

Таким образом, первичный нарратив героя в целом оказывается охвачен тотальным воздействием постсоветского дискурса. Вместе с тем в нарративах романа нередко сквозит и позиция автора, в первую очередь в оценочно-коннотативном плане. Так, перед отправкой поезда на фронт Петр Пустота глядит на чапаевских солдат глазами автора:

Было тяжело смотреть на этих людей и представлять себе мрачные маршруты их судеб. Они были обмануты с детства, и, в сущности, для них ничего не изменилось из-за того, что теперь их обманывали по-другому, но топорность, издевательская примитивность этих обманов – и старых, и новых – поистине была бесчеловечна (с. 101–102).

Центральное положение в дискурсной структуре наррации в романе «Generation “П”» занимает речь абстрактного нарратора. Как и в романе «Чапаев и Пустота», советский (позднесоветский) дискурс не является самодостаточным, а развернут в качестве образа дискурса. Это объясняется эпохальным сдвигом: данный дискурс находится в стадии безвозвратного распада. По существу, автор при конструировании текста романа работает с остаточными фрагментами этого дискурса. Собственно постсоветский дискурс, с которым, напомним, со-пряжена идеологически принятая и поэтически выстроенная автором нарративная стратегия деконструкции советского в романе, находит свое выражение: а) в речи персонажей; б) в речи абстрактного нарратора, в дискурсной структуре которого просматриваются авторские включения; в) в структуре текстов рекламного дискурса, конструируемого автором, и в том числе через нарративную инстанцию персонажей. При этом постсоветский дискурс в романе «Generation “П”» двунаправлен – во-первых, на фрагменты советского как в плане диегезиса, так и в плане языка, во-вторых, на диегетический и языковой мир постсоветского.

Речь абстрактного нарратора конструируется автором как вполне нейтральная и вместе с тем наполненная ироническими замечаниями и пассажами – см., например:

Как только вечность (советская. – А. С.) исчезла, Татарский оказался в настоящем (с. 17)⁷.

⁵ По наблюдению В. И. Демина, «речь главного героя “Чапаева и Пустоты” представляет собой ироническое переосмысление и искаженное утрирование высказываний Чапаева у Фурманова: Пелевин практически дословно заимствует фрагменты из “Чапаева”, иронически переворачивая и обыгрывая их» [Демин, 2015, с. 96].

⁶ «Ритор в пространстве агональной коммуникации не может лгать, поскольку всякая ложь проверяется, не может говорить истины, поскольку в отличие от лжи проверить истину невозможно, и не может не говорить, потому что тогда агональный процесс окажется прерванным» [Шатин, 1996, с. 56].

В этом сочетании нет противоречия, поскольку ирония сопряжена с автором и как бы накладывается на речь абстрактного нарратора, что делает последнюю, по существу, двойственной. Это псевдонейтральная речь.

Ирония, которой проникнута наррация в романе, развернута в самом широком спектре языкового, стилистического и тематического выражения. Так, она может быть ассоциирована с точкой зрения и оценкой героя романа, оставаясь при этом в широких рамках авторской смысловой архитектоники:

По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее (с. 17–18).

Как пишет И. Р. Куряев, «в романе можно обнаружить отдельные фрагменты текста, построенные по принципу внутренней фокализации, которые становятся носителями точки зрения Татарского на среду и представляют собой его монологи, рассуждения, рекламные тексты» [Куряев, 2019, с. 19].

Особое значение в диегетическом конфигурировании советского приобретает ироническая фиксация идеологических следов ушедшей эпохи, на которые то и дело натыкаются персонажи романа:

...пустота внутри <...> бутылки напоминала об идеологической исчерпанности коммунизма, бесмысленности исторических кровопролитий и общем кризисе русской идеи (с. 110).

Подытоживает тему недавно ушедшего советского саркастическая картина, открывающаяся Татарскому из окна его офиса:

Старые, собранные еще при советской власти «Лады» и «Москвичи» ржавели вдоль тротуаров как мусор, выброшенный рекой времени на грязный берег. Сама река времени состояла в основном из ярких иномарок (с. 218).

Междуполюсом нейтральным полюсом абстрактной (нулевой) наррации и ироническим полюсом авторской интенции развернуто широкое семантическое и риторическое пространство, в котором реализуется собственно постсоветский дискурс в его критической нарративной стратегии. Первый и самый важный момент его становления заключается в речевой манифестации известного словечка «совок». Именно это уничижительное словцо, на наш взгляд, выступает точкой разделения советского и постсоветского, первую очередь в дискурсивном плане, и в романе «Generation “П”» этот аспект отмечен весьма отчетливо – «зарубкой» в сознании его главного героя:

Что такое «советская ментальность» или сакральный «совок», Татарский понимал не до конца, хотя пользовался этим выражением часто и с удовольствием (с. 33).

Впрочем, некоторые подсказки автор все-таки делает – и героям, и читателю:

...пара кроссовок, привезенная дальним родственником из-за бугра, становилась точкой отсчета нового периода в жизни <...> Счастье, которое можно было извлечь из такого приобретения, было безмерным (с. 101).

Ирония постсоветского по поводу товарного счастья «совка» практически автоматична, она словно и не требует авторского творческого усилия, это работа самого дискурса: счастье заключается не в приобретении, а буквально – в обретении кроссовок, как обретении некоего завершающего жизненного смысла.

Завершающий вердикт по поводу «совка» субъективирован и вложен в круг размышлений Татарского о самом себе: это

...не до конца выдавленный из себя раб,rudiment советской эпохи. Немного подумав, Татарский пришел к выводу, что раб в душе советского человека не сконцентрирован в какой-то одной ее области,

⁷ Здесь и далее текст цитируется по изданию (Пелевин, 2003) с указанием страниц в круглых скобках.

а, скорее, окрашивает всё происходящее на ее мглистых просторах в цвета вялотекущего психического перитонита, отчего не существует никакой возможности выдавать этого раба по каплям, не повредив ценных душевных свойств (с. 56–57).

Перед нами жесткая критика советского мира в плане личностной структуры «совка» в иронической отсылке к чеховскому контексту и в рамках гротескной физиологической метафоры. Гротескная метафора вообще выступает частым спутником постсоветского иронического, например, в форме стилистически противоречивого и сюрреалистического столкновения деталей:

СССР, который начали обновлять и улучшать примерно тогда же, когда Татарский решил сменить профессию, улучшился настолько, что перестал существовать (если государство способно попасть в нирвану, это был как раз такой случай) (с. 13).

Жесткой иронии подвергаются отжившие символические ценности советского мира, в частности фундаментальная уверенность в «советской вечности», рухнувшей в одночасье. Экзистенциальный страх перед вечностью оборачивается страхом конца самой вечности, и в романе мы видим безжалостную констатацию гибели этой вечности, вложенную в рамки самосознания Татарского:

Когда исчезает субъект вечности, то исчезают и все ее объекты, – а единственным субъектом вечности является тот, кто хоть изредка про нее вспоминает⁸ (с. 16).

Пониманию сложной дискурсивной природы романа способствует раскрытие в его сюжете риторического механизма агональной коммуникации, в частности, в репликах Татарского, обращенных к Ханину по поводу его выступлений:

Смысла никакого, но пробирает так, что сразу всё понимаешь. То есть понимаешь не то, что человек сказать хочет, потому он ничего сказать на самом деле и не хочет, а про жизнь всё понимаешь (с. 154).

Выше, в рамках дискурсного анализа романа «Чапаев и Пустота», мы также выявляли элементы агональности в публичных выступлениях Чапаева перед солдатами.

Перейдем к характеристике ключевой особенности постсоветского дискурса в его нарративной стратегии. Его основным объектом в романе «Generation “П”» выступает не собственно советское (хотя оно периодически попадает в фокус), а самое постсоветское, в первую очередь – в лице обобщенного потребителя, различными воплощениями которого выступают практически все персонажи романа, начиная с Татарского. Соответственно, основной целью становится не деконструкция советского (оно и так уже само распалось на фрагменты), а разоблачение раннего и первичного постсоветского в форме общества примитивного потребления (концепция «орануса»). Вместе с тем в постсоветском обществе орануса заключено и позднее советское, изжившее себя, растерявшее идеи и уставшее от тотального дефицита как такового. Это, по существу, две стороны одного явления и две стороны наличного дискурса, который становится мишенью. Однако проблема заключается в том, что и сам постсоветский дискурс в романе является неотъемлемой частью своей же мишени. Поскольку его коллективным субъектом остается, по существу, субъект советской ментальной природы, постольку нарративная стратегия постсоветского дискурса неизбежно захватывает и его собственную субъектность, конечно же, с участием авторской метаиронии. Это змея, которая кусает свой хвост. И, по существу, такова общая формула «стёба»: «В отличие от обычной шутки, стеб мимикирует под язык объекта стеба, критикуя объект “изнутри”, на его территории, его же языком, а не снаружи» [Кугаевский, 2006, с. 145]. Выпутаться из этой дурной бесконечности, как мы отмечали выше, помогает собственно авторская позиция – скорее цинично-аналитическая, нежели оценочно-моральная.

⁸ Чжан Чэндун видит в экзистенциальном для Татарского ощущении утраты советской вечности одну из реализаций более широкой мотивемы «утраты “Я”», выступающей в качестве «сюжетообразующего компонента» романа [Чэндун, 2021, с. 76].

Реализация нарративной стратегии постсоветского дискурса осуществляется и через ироническую речь абстрактного нарратора, и вновь объектом деконструкции выступают реалии постперестроечного мира, феномены которого оказались в нулевой ментальной и ценностной позиции переходного времени: это «напитки “Херши”» со «вкусом победы» (с. 37) и «Кока-кола» со «вкусом свободы» (с. 37), «фольклорный “Мерседес-600” с зачерненными стеклами» (с. 188); «пиджак типа “оргазм плебея”» (с. 208) и др. С пародийными реалиями при этом совмещается гротескный рекламный фантазм, например, в образе «четырех танков», на которых «стоит по Ельцину с цветком в одной руке и стаканом в другой» (с. 93).

Но наступает принципиальный момент истины, открывшийся Татарскому как владельцу «иномарки»:

Вот, взять хотя бы «Мерседес», – вяло подумал он. – Машина, конечно, классная, ничего не скажешь. Но почему-то наша жизнь так устроена, что проехать на нем можно только из одного говна в другое... (с. 219).

Перед нами прямое разоблачающее высказывание, персонифицированное инстанцией главного героя. По существу, постсоветский дискурс здесь разоблачает сам себя. В целом применительно к роману «Generation “П”» мы определяем данный дискурс как носитель риторической энергии сарказма по отношению к советскому и, в соответствии с дискурсивной логикой постмодерна, по отношению к самому себе. Но это не энергия моральной оценки, и поэтому дискурс находится на грани утраты прямого отношения к авторской позиции.

Сквозь различные дискурсивные инстанции романа, будь то прямая речь абстрактного нарратора или речь персонажей, проникает авторское начало. Оно не только выступает креативным основанием эстетической архитектоники романа, что является общим поэтическим условием художественной целостности литературного произведения, но и выражает себя в прямых и косвенных формах авторской оценки, аналитического суждения и авторской рефлексии в целом. В этой связи особый интерес вызывают рефлексии по поводу изменения языка в его социальном и идеологическом измерениях. Так, в прологе к роману в речи абстрактного нарратора находим следующее знаменательное высказывание: «...в те дни в языке и в жизни вообще было очень много сомнительного и странного» (с. 12). Уравнивание «языка» и «жизни» показательно и симптоматично – это, по существу, говорит о точном авторском понимании семиопрагматической природы языка. Более того, «язык» в переходную эпоху становится во многих отношениях сильнее «жизни» как таковой и, слияясь с ней и уплотняясь, предстает в оболочке и форме дискурса. А многообразие и противоречивость жизни проводят к многообразному смешению дискурсов.

В завершение отметим, что в романе «Generation “П”» развернута целостная концепция взаимодействия дискурса и индивида, сюжетно декорированная в форме откровения духа Че Гевары, явившегося Татарскому при посредничестве волшебной планшетки. В центре этих откровений находится своеобразное определение обобщенного субъекта дискурса, в формат которого включена субъектность индивида, вовлеченного в ментальное взаимодействие с телевидением:

Смене изображения на экране в результате различных техномодификаций можно поставить в соответствие условный психический процесс, который заставил бы наблюдателя переключать внимание с одного события на другое и выделять наиболее интересное из происходящего, то есть управлять своим вниманием так, как это делает за него съемочная группа. Возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи существует вместо человека, входя в его сознание как рука в резиновую перчатку (с. 114).

Ровно то же происходит с индивидом, входящим в сферу социально значимого дискурса как способа и самого осуществления коллективного коммуникативного бытия. Так, например, индивид, выступающий в социальной позиции политика, вынужден строить свою речь во всех значимых аспектах контента, интенций, символики, пропаганды – в соответствии с требованиями политического дискурса, в систему которых входят и ожидания общества, вовлеченного в данный дискурс. Далее:

…виртуальный субъект, замещающий собственное сознание зрителя, не существует абсолютно – он всего лишь эффект, возникающий в результате коллективных усилий монтажеров, операторов и режиссера. С другой стороны, для человека, смотрящего телевизор, ничего реальнее этого виртуального субъекта нет (с. 115).

Развивая наш пример, можно сказать, что обманываются обе стороны: политик думает, что он реален, а это не более чем его социально-дискурсивная роль, обличие. Ровно так же и публика полагает в политике исключительно реального индивида, тогда как на деле это имиджевый продукт дискурса, в который встроен индивид. В этой связке дискурсивных симуляков, по крупному счету, уже нет места реальному человеку, да и не нужен он – разве только самому себе и своим близким, если у них хватит честности или отчаяния осознать эту потерю. Реального человека в его реальной личности замещает виртуальный субъект дискурса с ролевой личиной. В завершение вернемся к тексту романа:

Субъект номер один (т. е. реальный человек. – *A. C.*) верит, что реальность – это материальный мир. А субъект номер два (т. е. субъект дискурса. – *A. C.*) верит, что реальность – это материальный мир, который показывают по телевизору» (с. 116).

Отсюда остается только один шаг к тотальному галлюцинальному миру, в который погружается Татарский в моменты экспериментов с наркотиками и грибами – и в который помещен диегетический мир романа как таковой.

Таким образом, постсоветский дискурс в романах Пелевина «Чапаев и Пустота» и «Generation “П”» не только деконструирует диегетический мир и дискурс советского, но также критически оценивает сам себя, и за этим стоит моральная и аналитическая позиция автора. При этом деконструкция советского, в особенности в романе «Generation “П”», оборачивается конструкцией рекламно-медийного дискурса, отвечающего новой символической реальности постперестроичного российского общества.

Список литературы

- Демин В. И.** Исторический роман в постмодернистском исполнении: Виктор Пелевин «Чапаев и Пустота» // Метаморфозы жанра в современной литературе. М., 2015. С. 92–112.
- Емельянова Г. В.** Категория «правды» в художественной литературе. Анализ романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» на основе критериев правдивости произведения искусства Р. Ингардена // Соловьевские исследования. 2012. Вып. 4 (36). С. 93–109.
- Комовская Е. В.** Жанр романа-созерцания как самостоятельная жанровая категория (на примере романа В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота») // Концепт. 2014. № 10. С. 91–95.
- Кугаевский А. С.** Художественная интерпретация товарного дискурса в романе Виктора Пелевина «Generation “П”» // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 144–157.
- Куряев И. Р.** Фокализация в прозе Пелевина (на материале романов «Чапаев и Пустота», «Generation “П”» и «Шлем ужаса») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 12. С. 17–21.
- Попковский В. В.** Буддистские аллюзии в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 114–120.
- Сейдашова А. Б.** Мотив пустоты в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 449–456.
- Силантьев А. И.** Дискурсная структура наррации в романе Саши Соколова «Палисандр» // Новый филологический вестник. 2025. № 1. С. 40–49.
- Сорокина Т. Е.** Феномен преодоления истории в прозе Виктора Пелевина // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 177–185.
- Чебоненко О. С.** Литературные интерпретации жизненных смыслов дзэн-буддийского Востока в произведениях XX в. (на примере романа В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота») // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 10. С. 164–170.

Чэндун Ч. Мотив утраты «Я» в романе Виктора Пелевина «Generation «П»» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 74–82.

Шатин Ю. В. Фигура ритора в зеркале семиотики // Дискурс. 1996. № 1. С. 56–60.

Список источников

Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 2003. 336 с.

Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: ACT, 2019. 416 с.

References

- Chebonenko O. S.** Literaturnye interpretatsii zhiznennykh smyslov dzen-buddiiskogo Vostoka v proizvedeniyakh XX v. (na primere romana V. O. Pelevina “Chapaev i Pustota”) [Literary Interpretations of the Life Meanings of the Zen Buddhist East in the Works of the 20th Century (On the Example of V. O. Pelevin’s Novel “Chapaev and Pustota”)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no 10, pp. 164–170. (in Russ.)
- Chendun Ch.** Motiv utraty “Ya” v romane Viktora Pelevina “Generation P” [The Motif of Losing the “Self” in Victor Pelevin’s Novel “Generation P”]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2021, vol. 16, no. 1, pp. 74–82. (in Russ.)
- Demin V. I.** Istoricheskii roman v postmodernistskom ispolnenii: Viktor Pelevin “Chapaev i Pustota” [Historical Novel in Postmodernist Performance: Victor Pelevin’s “Chapaev and Pustota”]. In: Metamorfozy zhanra v sovremennoi literature [Metamorphoses of a Genre in the Modern Literature]. Moscow, 2015, pp. 92–112. (in Russ.)
- Emelyanova G. V.** Kategoriya “pravdy” v khudozhestvennoi literature. Analiz romana V. Pelevina “Chapaev i Pustota” na osnove kriteriev pravdivosti proizvedeniya iskusstva R. Ingardena [The Category of “Truth” in Fiction. Analysis of V. Pelevin’s Novel “Chapaev and Pustota” Based on the Criteria for the Truthfulness of a Work of Art by R. Ingarden]. *Solov’evskie issledovaniya* [Soloviev Studies], 2012, iss. 4 (36), pp. 93–109. (in Russ.)
- Komovskaya E. V.** Zhanr romana-sozertsaniya kak samostoyatel’naya zhanrovaya kategoriya (na primere romana V. O. Pelevina “Chapaev i Pustota”) [The Genre of the Contemplation Novel as an Independent Genre Category (on the Example of V. O. Pelevin’s Novel “Chapaev and Pustota”)]. *Kontsept* [Concept], 2014, no. 10, pp. 91–95. (in Russ.)
- Kugaevsky A. S.** Khudozhestvennaya interpretatsiya tovarnogo diskursa v romane Viktora Pelevina “Generation P” [Artistic Interpretation of Commodity Discourse in Viktor Pelevin’s Novel “Generation P”]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2006, iss. 9, pp. 144–157. (in Russ.)
- Kuryaev I. R.** Fokalizatsiya v proze Pelevina (na materiale romanov “Chapaev i Pustota”, “Generation P” i “Shlem uzhsha”) [Focalization in Pelevin’s Prose (Based on the Novels “Chapaev and Pustota”, “Generation P” and “The Helmet of Horror”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2019, vol. 12, iss. 12, pp. 17–21. (in Russ.)
- Popkovsky V. V.** Buddistskie allyuzii v romane V. Pelevina “Chapaev i Pustota” [Buddhist Allusions in V. Pelevin’s Novel “Chapaev and Pustota”]. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian Sciences], 2014, no. 2, pp. 114–120. (in Russ.)
- Seydashova A. B.** Motiv pustoty v romane V. O. Pelevina “Chapaev i Pustota” [The Motif of Emptiness in V. O. Pelevin’s Novel “Chapaev and Pustota”]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of RUDN University. Series: Literary Criticism. Journalism], 2017, vol. 22, no. 3, pp. 449–456. (in Russ.)

- Shatin Yu. V.** Figura ritora v zerkale semiotiki [The Figure of the Rhetorician in the Mirror of Semiotics]. *Diskurs [Discourse]*, 1996, no. 1, pp. 56–60. (in Russ.)
- Silantev A. I.** Diskursnaya struktura narratsii v romane Sashi Sokolova “Palisandriya” [Discourse Structure of Narration in Sasha Sokolov’s Novel “Palisandriya”]. *Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]*, 2025, no. 1, pp. 40–49. (in Russ.)
- Sorokina T. E.** Fenomen preodoleniya istorii v proze Viktora Pelevina [Phenomenon of Overcoming History in Victor Pelevin’s Prose]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanitarian and Social Sciences]*, 2010, no. 2, pp. 177–185. (in Russ.)

List of Sources

- Pelevin V. Chapaev i Pustota [“Chapaev and Pustota”]. Moscow, AST, 2019, 416 p. (in Russ.)
- Pelevin V. Generation “P” [Generation “P”]. Moscow, Vagrius, 2003, 336 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Игоревич Силантьев
SPIN 5230-5464

Information about the Author

Aleksey I. Silantev
SPIN 5230-5464

Статья поступила в редакцию 25.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 12.05.2025
The article was submitted on 25.04.2025;
approved after reviewing on 12.05.2025; accepted for publication on 12.05.2025

Рецензия

УДК 81(092)

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-138-144

Типология, история языкоznания и жизнь лингвиста

Олег Викторович Никитин

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация

Представлен аналитический обзор двух книг академика РАН В. М. Алпатова, 80-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2025 г. «Избранные труды XXI века» (2023) освещают основные направления его научной деятельности: японистику, типологию и теорию языка, социолингвистику, историю языкоznания. В книге «Жизнь лингвиста: воспоминания» (2023) заслуживают внимания сюжеты о В. А. Звегинцеве, П. С. Кузнецовой, Т. П. Ломтеве, С. К. Шаумяне, А. А. Зализняке, А. Е. Кибрике, С. А. Старостине, рецепция событий в отечественной лингвистике ХХ–XXI вв. Подчеркивается актуальность идей В. М. Алпатова, отмечается их практическая значимость для формирования нового мировоззрения в науке XXI века.

Ключевые слова

В. М. Алпатов, историография языкоznания, лингвоперсонология, востоковедение, теория языка, лингвистическая типология, социолингвистика

Для цитирования

Никитин О. В. Типология, история языкоznания и жизнь лингвиста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 138–144. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-138-144

Linguistic Typology, History of Linguistics and the Life of a Linguist

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russian Federation

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract

Purpose. Analytical article analyzes two books by Academician of the Russian Academy of Sciences V. M. Alpatov, whose 80th birthday will be celebrated in 2025. “Selected Works of the 21st Century” (2023) reflect the main directions of his scholarly work: Japanese studies, typology and theory language, sociolinguistics, the history of linguistics. The final part contains “Linguistic tasks” compiled by V. M. Alpatov for competitions. “The Life of a Linguist: reminiscences” (2023) is a vivid account of the scientific and personal journey of an extraordinary scholar. The book talks about his parents and how V. M. Alpatov’s worldview was formed. Of particular note are the scholar’s memoirs of V. A. Zvegintsev, P. S. Kuznetsov, T. P. Lomtev, S. K. Shaumyan, A. A. Zaliznyak, A. E. Kibrik, S. A. Starostin and description of significant events in Russian linguistics of 20th – 21st centuries.

Results. Both books show the broad interests of V. M. Alpatov, characterize him as a real encyclopedist and a true devotee of scientific work. The paper highlights the importance of V. M. Alpatov’s ideas and developments for modern linguistics and their practical significance for further study of the history and theory of linguistics and the formation of a new linguistic worldview in humanitarian science of the 21st century.

© Никитин О. В., рец., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 138–144

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 138–144

Keywords

V. M. Alpatov, historiography of linguistics, linguopersonology, oriental studies, theory of language, linguistic typology, sociolinguistics

For citation

Nikitin O. V. Linguistic Typology, History of Linguistics and the Life of a Linguist. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 138–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-138-144

Имя и труды академика В. М. Алпатова хорошо известны ученым. Его биография началась с Отделения теоретической и прикладной лингвистики (далее – ОТиПЛ) МГУ имени М. В. Ломоносова. После окончания университета он перешел на работу в академический Институт востоковедения, защитил первую диссертацию [Алпатов, 1971] и подготовил монографию о социокультурных проблемах японского языка [Алпатов, 1988]. Он и сейчас плодотворно занимается ориенталистикой, теорией грамматики и морфологией, социолингвистикой [Алпатов, 2000; 2017; 2018a]. Много сил он отдал исследованию документов ре-прессированных ученых [Ашнин, Алпатов, 1994; Алпатов и др., 2002]. Его книга о Н. Я. Марре во многом способствовала переосмыслинию марризма как социокультурного явления [Алпатов, 1991]. Получили известность работы Владимира Михайловича по философии языкоznания и методологии науки [Алпатов, 2005; 2021]. Здесь В. М. Алпатов проявил себя как вдумчивый аналитик, критик и популяризатор лингвистических учений от Аристотеля до наших дней [Алпатов, 2001; 2018б]. Он как тонкий психолог рассказывает нам о жизни, чертах характера, увлечениях ученых (Е. Д. Поливанов, В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин, Н. Ф. Яковлев и др.) – воссоздает портреты языковедов, делает это живо, с увлечением и всегда опирается на проверенные факты [Алпатов, 2005; 2012; 2023a].

В первой книге заслуживает внимания идея В. М. Алпатова о том, что «выражение отношений между людьми проявляется в японском языке на различных уровнях» [Алпатов, 2023a, с. 8]¹. Он установил, что есть и такие категории, «значением которых является передача общественных отношений» (с. 21). Интересны размышления лингвиста о том, «насколько членение японского текста на слова отражает существенные свойства японского языка» (с. 26), что такое прилагательное в японском языке (с. 31–38). Мужской и женский варианты японского языка В. М. Алпатов рассматривает в русле социокультурных тенденций. Он замечает: «Трудно утверждать с уверенностью, что крайне вежливые формы никогда не употребляются мужчинами, а крайне невежливые – женщинами. Наоборот, иногда можно встретить примеры такого употребления: *Ирассяимаси...* “Пожалуйте!” – служащий гостиницы постояльцу. Но самые вежливые формы занимают более центральное положение в женском варианте, что проявляется в их более высокой частотности...» (с. 53–54). Оригинальны суждения ученого об отражении национальных особенностей японского языка в лексикографической практике: присутствие в словарях значительного количества архаической лексики, что для европейской лингвистики необычно: «Здесь нормой является более или менее строгое разграничение современного и древнего языка» (с. 71). Он отмечает наличие в их словарях собственных имен наряду с нарицательными, куда включаются даже иностранные имена и фамилии вроде *Леонид*, *Лермонтов* и т. п. (с. 73), что совершенно не свойственно нашей традиции.

В. М. Алпатов плодотворно занимается теорией и типологией разных языков – японского, русского, алтайских. Его интересы сфокусированы на изучении подходов к выделению основных единиц языка и построении типологии порядка слов. Ученый также исследовал понятийный аппарат лингвистики – *флективный язык* и *агглютинативный язык*, занимался анализом оформления морфемных стыков и др. (см. подробнее: (с. 90–160, 175–183)). Примечательна в русле типологических исследований его работа «Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку», помещенная в книге «Избранные труды XX века». В ней он критически осмыслияет проблемы, вставшие в последние десятилетия перед лингвистами

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

в связи с расширением исследуемых языков. Здесь он видит уязвимость антропоцентричного подхода с точки зрения устарелости понятийного аппарата (с. 163). Однако и в XX в., несмотря на преобладание в идеях европейских и американских ученых структуралистских идей, по мнению В. М. Алпатова, новое направление все же находилось в некоторой зависимости от разработок компаративистов XIX в. Это выразилось, например, в интерпретации понятия *слово*: «Даже дескриптивисты, несмотря на теоретические декларации, обычно не отказывались от выделения этой единицы в описаниях конкретных языков и уделяли много внимания выработке критериев членения текста на слова; еще большее место понятие слова занимало в европейском структурализме» (с. 165). В. М. Алпатов обоснованно замечает, что при перспективности в XX–XXI вв. системоцентричного подхода к анализу языковых явлений он также испытывает методологические трудности. Особенно это проявляется в исследовании семантики: «Недаром дешифровочный подход, логически наиболее последовательное проявление системоцентризма, потерпел неудачу как общая теория и используется самое большее как вспомогательное средство в некоторых случаях. Исключение значения было тесно связано с попыткой полностью исключить позицию носителя языка» (с. 167). Можно согласиться с В. М. Алпатовым, что «системоцентричный подход структурализма был шагом вперед по сравнению с антропоцентричным подходом традиционного языкоznания» (с. 168). В то же время он утверждает, что «любое лингвистическое описание опирается на интуицию носителя языка» и поэтому «глубинно антропоцентрично» (с. 167). Важно в контексте обсуждаемой проблемы, что В. М. Алпатов находит баланс между этими двумя методологическими стратегиями. Он пишет, что они «дополняют друг друга»: например, для «типологии системоцентричный подход необходим», а «для обучения родному языку практической лексикографии необходим антропоцентричный подход» (с. 173).

В обсуждаемой книге мы находим полезные наблюдения и открытия ученого в смежных областях – социолингвистике и истории языкоznания. Он продолжил изучение этих областей в диахроническом и синхроническом аспектах и выяснил наиболее актуальные проблемы правовой политики в сфере языковых отношений, общественного сознания и социолингвистической ситуации в СССР в 1920–1940-е гг. и в более поздние периоды. Ученый коснулся и обсуждения опыта зарубежных стран: сделал сопоставительный анализ понятия *литературный язык* в России и Японии, проанализировал вопросы двуязычия и освещения иностранными учеными процессов бытования языка национальных меньшинств и др. (с. 184–247). В. М. Алпатов, например, подчеркивал, что «эффективность лингвистического законодательства» нельзя рассматривать «в отрыве от конкретных исторических условий» (с. 186). Немало внимания он уделил изучению деятельности Е. Д. Поливанова и Н. Ф. Яковлева как участников языкового строительства. Благодаря вкладу этих и других лингвистов в создание алфавитов, констатирует В. М. Алпатов, «к 1932 г. более чем у 80 национальностей СССР существовали письменность и школа, из них примерно у половины они впервые появились после Октября; к середине 30-х гг. был создан 71 новый алфавит на латинской основе» (с. 192). Очень важно, что ученый пытается разобраться и в причинах языковых конфликтов, которые вышли наружу в постсоветский период. Одной из них он называет «ущемление потребности идентичности для значительной части нерусского населения» (с. 232).

Работы В. М. Алпатова по истории лингвистики уже давно стали классикой [Алпатов, 1991; 2005; 2012; Ашнин, Алпатов, 1994]. Однако заметим, что почтенный автор каждый раз находит новые, необычные сюжеты для своих разысканий, открывающие читателям *terra incognita* языкоznания: начиная от изучения «Грамматики Пор-Рояля» и ее роли в современной лингвистике и до переосмыслиния идей марризма и его влияния на востоковедение в СССР, от оригинальных рецепций лингвистической классики до личных воспоминаний о представителях Московской лингвистической школы. Всё это мы найдем в разделе «История языкоznания» (с. 248–387).

Завершают книгу *лингвистические задачи*, которые в разные годы составляли В. М. Алпатов (еще в студенческие годы) и его коллеги для проведения олимпиад школьников, по-

ступавших на ОТиПЛ МГУ имени М. В. Ломоносова. Этот эксперимент помог выявить талантливую молодежь – тех, кто не боится решать задачи с многими неизвестными и сходу может расшифровать незнакомый язык (например, арабский, старописьменный японский, корейский, монгольский и даже эвенкийский и айнский). В одном из заданий требовалось заполнить пропуски в японской таблице умножения (с. 403). Полагаем, что и сейчас эти упражнения нисколько не устарели и выглядят почти как современная интеллектуальная игра.

Наконец обратимся к неожиданной книге, написанной в популярном ныне лингвомемуарном жанре [Алпатов, 2023б]. Для филологов интересна прежде всего рефлексия В. М. Алпатова о годах ученичества. Он находился в центре становления нового подразделения филологического факультета МГУ – ОТиПЛа, и учился у корифеев старой школы – Н. И. Жинкина, Т. П. Ломтева, П. С. Кузнецова, В. А. Звегинцева, С. К. Шаумяна и др. Рядом с ним поднимались талантливые лингвисты и математики А. А. Зализняк, А. Е. Кибрик, А. И. Кузнецова, братья Успенские, С. А. Старостин, Ю. А. Шиханович. О последнем педагоге В. М. Алпатов написал, что он «времени абсолютно не жалел, проводил либо на филфаке, либо на мехмате (иногда мы сдавали и на Ленинских горах) каждый день с утра до позднего вечера, бывало, что он не успевал выяснить отношения со студентами до закрытия факультета и вёл их на круглосуточно открытый Центральный телеграф» [Там же, с. 65]. Выразительный портрет П. С. Кузнецова, боровшегося в 1930-е гг. с «буржуазным индоевропеизмом», нарисовал В. М. Алпатов: «Кузнецов поражал нас исключительной эрудицией. Он приводил факты самых разных языков от саамского до суахили, показывал, как надо говорить на вдохе. Именно в связи с этим он впервые рассказал нам о Е. Д. Поливанове, который описывал говорение на вдохе у швейцарских ряженых. По фонологии и по истории русского языка он, казалось, знает всё» [Там же, с. 70]. С. К. Шаумяна ученый назвал «легендарной личностью», когда тот «чуть ли не в сталинское время… провозгласил себя структуралистом, критиковал “традиционную науку”, невзирая на лица, но был членом партии и не забывал про марксизм, когда это было нужно» [Там же, с. 74]. Об одном из своих учителей, В. А. Звегинцеве, В. М. Алпатов написал как об ученом, повлиявшем на формирование научных ценностей молодого коллеги: тот последовательно придерживался исторического подхода в оценке лингвистов и «отучивал от догматизма» [Там же, с. 75]. Конечно, запоминаются и такие человеческие характеристики В. А. Звегинцева, сохранившего в памяти ученика черты этой неподражаемой личности: «Он не любил длинных разговоров и формул вежливости, говоря: “Всё это вздор”. Слово *вздор* он употреблял часто, что усиливало его сходство с Советником в “Снежной королеве” Е. Шварца (этую роль я в школьные годы играл в драмкружке)…» [Там же].

В. М. Алпатов воссоздал картину целой исторической эпохи в жизни страны. Почти как писатель он погружает нас в тайны автобиографической повести о жизни. Завершая главу о родителях, В. М. Алпатов подчеркнул, что от отца к нему «перешло постоянное желание писать» и еще одно качество – «интерес к истории науки и живому человеку в ней» [Там же, с. 51].

В. М. Алпатов, всегда с трепетным чувством относившийся к своей жене и после ее ухода подготовивший ее воспоминания, предстает перед нами и здесь как редкая личность, о которой с такой любовью и проницательностью звучат живые слова: «Муж мой был во всех отношениях человек неординарный. <...> уникальной интеллигентности, благородства и добродетели. Всё к тому же обладал незаурядными способностями и феноменальной памятью, был энциклопедически образован и невероятно трудолюбив – вся его жизнь была сосредоточена на науке» [Степенко, 2019, с. 78].

Широта взглядов, глубокие знания истории и теории языкоznания разных народов, последовательный компаративизм и внимание к достижениям лингвистических школ, интерес к персоналиям лингвистов как творцам научного знания, соединение традиционного подхода с экспериментом – эти качества «человека-энциклопедии» [Никитин, 2025] позволили уче-

ному создать выдающиеся труды, которые, надеемся, будут полезны не одному поколению исследователей. В преемственности идей, в дискуссионности проблематики, нацеленности ее на решение крупных научных вопросов, выходящих за порядок за границы «стандартной» лингвистики, и состоит высокий смысл служения тому делу, которое по своей сути имеет гумбольдтовское измерение.

Рассмотренные нами книги показывают не только лингвистический диапазон наследия В. М. Алпатова. Они идут в русле современного понимания научного творчества, в котором могут удачно сочетаться и теоретические воззрения, и анализ социолингвистической ситуации, и историко-культурные портреты языковедов, и практические наблюдения, и лингвистические мемуары, в которых немало поучительного. Все это обязательно войдет в энциклопедию гуманитарной мысли нашего времени и будет способствовать формированию нового мировоззрения в отечественной науке XXI в.

Список литературы

- Алпатов В. М.** Грамматическая система форм вежливости современного японского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 31 с.
- Алпатов В. М.** Япония: язык и общество. М.: Наука, 1988. 134 с.
- Алпатов В. М.** История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Алпатов В. М.** 150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
- Алпатов В. М.** История лингвистических учений: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЯСК, 2001. 368 с.
- Алпатов В. М.** Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: ЯСК, 2005. 432 с.
- Алпатов В. М.** Языковеды, востоковеды, историки. М.: ЯСК, 2012. 374 с.
- Алпатов В. М.** Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М.: ЯСК, 2017. 520 с.
- Алпатов В. М.** Слово и части речи. М.: ЯСК, 2018а. 255 с.
- Алпатов В. М.** От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018б. 253 с.
- Алпатов В. М.** Типы научного лидерства (на примере русского языкознания) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 3. С. 93–101. DOI 10.32326/2618-9267-2021-4-3-93-101
- Алпатов В. М.** Избранные труды XX века / Сост. П. М. Аркадьев, А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, С. Г. Татевосов. М.: Языкоzнание, 2023а. 459 с.
- Алпатов В. М.** Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары: Интерактив плюс, 2023б. 216 с.
- Алпатов В. М., Ашнин Ф. Д., Насилов Д. М.** Репрессированная тюркология. М.: Вост. лит., 2002. 296 с.
- Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.** «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наследие, 1994. 284 с.
- Никитин О. В.** Человек-энциклопедия. Беседы о лингвистике и не только с академиком В. М. Алпатовым (I) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 187–225. DOI 10.18384/2224-0209-2025-1-1592
- Стещенко Е. А.** Не дать исчезнуть: воспоминания / Сост. В. М. Алпатов. Чебоксары: Интерактив плюс, 2019. 103 с.

References

- Alpatov V. M.** Grammaticheskaya sistema form vezhlivosti sovremennoy yaponskogo yazyka [Grammatical System of Politeness Forms in Modern Japanese Literary Language]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, Institut vostokovedeniya AN SSSR Press, 1971, 31 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Yaponiya: yazyk i obshchestvo [Japan: Language and Society]. Moscow, Nauka, 1988, 134 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Istorya odnogo mifa: Marr i marrizm [The History of One Myth: Marr and Marxism]. Moscow, Nauka, 1991, 240 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** 150 yazykov i politika 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i post-sovetskogo prostranstva [150 Languages and Politics 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. 2nd ed. Moscow, Kraft+ Publ., Institut vostokovedeniya RAN Press, 2000, 224 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Istorya lingvisticheskikh uchenii [History of Linguistic Doctrines]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2001, 368 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, 432 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Yazykovedy, vostokovedy, istoriki [Linguists, Orientalists and Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, 374 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istorya yazykoznaniya [Japan Studies. Language Theory. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2017, 520 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Slovo i chasti rechi [Word and Parts of Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2018, 255 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Ot Aristotelya do kompyuternoi lingvistiki [From Aristotle to Computational Linguistics]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2018, 253 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Tipy nauchnogo liderstva (na primere russkogo yazykoznaniya) [Types of Scientific Leadership (on the Example of Russian Linguistics)]. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2021, no. 4 (3), pp. 93–101. (in Russ.) DOI 10.32326/2618-9267-2021-4-3-93-101
- Alpatov V. M.** Izbrannye trudy XXI veka [Selected Works of the 20th Century]. Moscow, Yazykoznanie Publ., 2023, 459 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M.** Zhizn' lingvista: vospominaniya [Linguist's Life: Memoirs]. Cheboksary, Interactive Plus Publ., 2023, 216 p. (in Russ.)
- Alpatov V. M., Ashnin F. D., Nasilov D. M.** Repressirovannaya tyurkologiya [Repressed Turkology]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 296 p. (in Russ.)
- Ashnin F. D., Alpatov V. M.** "Delen slavistov": 30-e gody [The Case of the Slavists: the 30s]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Nasledie Publ., 1994, 284 p. (in Russ.)
- Nikitin O. V.** Chelovek-entsiklopediya. Besedy o lingvistike i ne tol'ko s akademikom V. M. Alpatovym (I) [The Encyclopedia Man. Conversations about Linguistics and More with Academician V. M. Alpatov (I)]. *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2025, no. 1, pp. 187–225. (in Russ.) DOI 10.18384/2224-0209-2025-1-1592
- Stetsenko E. A.** Ne dat' ischeznut': vospominaniya [To Prevent from Disappearing: Memoirs]. Comp. by V. M. Alpatov. Cheboksary, Interactive Plus Publ., 2019, 103 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57209316536

WoS Researcher ID AAE-8207-2019

RSCI Author ID 395537

SPIN 7396-4230

Information about the Author

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57209316536

WoS Researcher ID AAE-8207-2019

RSCI Author ID 395537

SPIN 7396-4230

Статья поступила в редакцию 27.05.2025;

принята к публикации 30.06.2025

The article was submitted 27.05.2025;

accepted for publication 30.06.2025

Информация для авторов

Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкоzнание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology